

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Социологический институт РАН

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Выпуск 25

РЕНОМЕ

Санкт-Петербург
2024

Редколлегия:

- И. И. Елисеева*, чл.-корр. РАН, д-р экон. наук, проф.,
засл. деятель науки РФ (гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. И. Бояркина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
О. Н. Бурмыкина, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. А. Галкин, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
К. С. Дивисенко, канд. соц. наук (зам. гл. ред., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Н. В. Колесник, канд. соц. наук (отв. секретарь, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
С. Маннила (Simo Mannila), PhD (Национальный институт
здоровья и благосостояния, Хельсинки, Финляндия);
М. В. Масловский, д-р соц. наук, проф. (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Д. Б. Тев, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
Е. В. Тыканова, канд. соц. наук (СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН);
И. Шубрт (Jiri Šubrt), д-р соц. наук, доцент
(Карлов университет, Прага, Чехия)

Editorial board:

- Irina I. Eliseeva* (Doctor of Economics, Professor, Corr. Member of the RAS,
editor in chief, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Saniya I. Boyarkina (PhD, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University);
Olga N. Burmykina (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Konstantin A. Galkin (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Konstantin S. Divisenko (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Natalia V. Kolesnik (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Simo Mannila (PhD, Terveyden JA hyvinvoinnin laitos — National Institute
for Health and Welfare, Helsinki, Finland);
Mikhail V. Maslovsky (Doctor of Sociology, professor, Sociological Institute
of FCTAS RAS);
Jiri Šubrt (professor, Charles University, Prague, Czech Republic);
Denis B. Tev (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS);
Elena V. Tykanova (PhD, Sociological Institute of FCTAS RAS).

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

EDN: UIIEPA

Научное периодическое издание
«Петербургская социология сегодня» выходит с 2009 года.
Периодичность: четыре номера в год (до 2023 г. — два номера в год).
Издание включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
Регистрационный номер СМН: ПИ № ФС 77-55387 от 17.09.2013 г.

ISSN 2308-3166

© Авторы статей, материалов, 2024
© ФНИСЦ РАН, 2024
© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология, методы

<i>Каныгин Г. В.</i> Нарратив и его эпистемологические особенности	5
--	---

Социология города

<i>Скобелина С. С.</i> Представления петербуржцев об идеальном устройстве городской среды	32
--	----

Социокультурные исследования

<i>Галкин К. А.</i> Коммуникация пожилых людей в социальных сетях: роли визуальных образов в преодолении одиночества	70
<i>Мосеев А. Г.</i> Геймерская маскулинность: восприятие норм мужественности киберспортсменами — студентами НИУ ВШЭ	85

Социология труда и организаций

<i>Лобанова Ю. В.</i> Профессиональное IT-сообщество: особенности субкультуры и практики взаимодействия	106
--	-----

Рецензии

<i>Колесник Н. В.</i> Как изучать экономическую элиту, или О том, что думают о себе безумно богатые русские. Рецензия на книгу: Schimpfössl E. Rich Russians. From Oligarchs to Bourgeoisie. Moscow: Individuum, 2022, 352 p.	135
<i>Швецова С. Э.</i> Рецензия на книгу: Lockman D. All the Rage: Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership. Moscow: Yest' smysl, 2022, 320 p.	147

CONTENTS

Theory, Methodology, Methods

<i>Kanygin G. V.</i> Narrative and its Epistemological Features	5
---	---

Sociology of the City

<i>Skobelina S. S.</i> St. Petersburg Residents' Visions of a Perfect Urban Environment (using Ligovka-Yamskaya Municipal District as an Example)	32
---	----

Sociocultural Studies

<i>Galkin K. A.</i> Communication of Older People in Social Networks: The Role of Visual Images in Overcoming Loneliness	70
<i>Moseev A. G.</i> Gaming Masculinity: Masculinity Norms Perception by Cybersportsmen-HSE Students	85

Labor and Organization Sociology

<i>Lobanova J. V.</i> Professional IT community: features of subculture and interaction practices	106
--	-----

Reviews

<i>Kolesnik N. V.</i> How to Study the Economic Elite, or What the Insanely Rich Russians Think about Themselves. Book Review: Schimpfössl E. Rich Russians. From Oligarchs to Bourgeoisie. Moscow: Individuum, 2022, 352 p.	135
<i>Shvetsova S. E.</i> Book Review: Lockman D. All the Rage: Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership. Moscow: Yest' smysl, 2022, 320 p.	147

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДЫ

УДК 303.442.4

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938

EDN: PRRVKD

ГЕННАДИЙ ВИКТОРОВИЧ КАНЫГИН

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

НАРРАТИВ И ЕГО ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Статья открывает цикл из пяти работ, в которых анализируются эпистемологические особенности нарратива как инструмента структурирования социальной информации на основе ее смыслов. В статье формулируются исследовательские гипотезы, общие для всех работ цикла: о выражении смысловой структуры нарратива в неявной форме; о семантической декомпозиции сюжета нарратива; о выражении латентного знания посредством текста; о возможности порождения смыслового единства нарратива в виде его смысловой структуры; о существовании нарративов разных типов. Изложение строится на раскрытии понятия «смысловая операция», подчеркивающим специфику вербального повествования как практически используемого инструмента, позволяющего человеку проявлять свои латентные знания посредством грамматически структурированного текста. Среди ключевых эпистемологических особенностей нарратива, сформулированных в статье: возможность преодоления с его помощью парадигматических ограничений естественно-научных подходов; прагматическое использование навыков как семантического обоснования нарратива; преходящий характер текстового способа выражения латентных человеческих знаний. Сформулированы предложения по улучшению функциональных возможностей анализа социальной информации на основе смыслов путем создания структурного нарратива. Структурный нарратив представлен как концептуальная основа новых информационно-коммуникационных технологий, предоставляющих своим пользователям функциональность современных онтологических методов при оперировании социальной информацией на основе смыслов.

Ключевые слова: структурный нарратив, навыки, грамматически структурированный текст, смысловая структура, неявное знание, латентность

Ссылка для цитирования: Каныгин Г. В. Нарратив и его эпистемологические особенности // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 5–31. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938; EDN: PRRVKD

Введение

Актуальность. Функционирование любого общества поддерживается благодаря социальным действиям его акторов, в числе которых среди прочих оказываются организации, институты, структуры власти, граждане, общественные объединения. Сегодня огромная масса акторов по всему миру организует и согласует свои социальные действия посредством единого, объединяющего всех средства — нарратива¹. Опираясь на эту практику функционирования общественных процессов, социальные ученые используют то же инструментальное средство — словесное повествование — в качестве основного инструмента исследований общества.

Однако несмотря на применение нарратива в бесчисленных случаях социальной коммуникации, специфическая функциональность этого инструмента понимается сегодня социологами крайне неубедительно. Так, R. Berger и R. Quinney следующим образом резюмируют исследовательские взгляды по поводу нарратива в области социологии: «В целом нарратив — это рассуждения о повествовании и его структуре»² (Berger, Quinney 2004: 4). Всеобщность практического применения нарратива и отсутствие общепринятых взглядов на каноны его функционирования делают этот инструмент актуальной темой научного социологического исследования.

Предмет, проблема и гипотезы исследования. Нарратив — это специфический способ оперирования информацией, в частности, о социуме, посредством ее структурирования на основе смыслов. За счет своих навыков, полученных в результате социализации, человек научается понимать, выражать, сравнивать, агрегировать и выполнять другие операции со смыслами (иначе — *смысловые операции*) путем редактирования их текстовых обозначений. Например, вводя новые осмысленные слова, согласуя их между собой с помощью грамматических правил, заменяя одни слова на другие, меняя расположение слов в потоке текста и т. п.

¹ Синонимы в рамках статьи — [словесное] повествование / рассказ, медийный ресурс, ресурс человеческого общения, инструмент социальной коммуникации, текстовое / словесное свидетельство, осмысленный текст.

² В оригинале — «in general, narrative is about stories and story structure».

Затруднения, возникающие у автора нарратива при составлении его текста, можно пояснить примером, известным с детства. Все школьники пишут сочинения, типичным названием которых считается «как я провел это лето». Выражая свои воспоминания о лете на бумаге, каждый испытывает «муки слова». По нашему убеждению, источник этих словесных затруднений лежит в первооснове нарратива. «Мозг запоминает все!» (Черниговская 2024). Чтобы суметь разделить свое знание с другими людьми в процессе социальных взаимодействий, человек вынужден научиться оперировать его огромными объемами с помощью слов.

Основной трудностью такого оперирования, ощущаемой в «муках слова», является сведение многообразия отношений реальности, запомненных человеком, к виду словесных формулировок, составляющих нарратив. Эта трудность отчетливо возникает в социологических исследованиях, авторы которых ставят себе целью осмысленно реконструировать словесные свидетельства информантов, рассматривая их как основу собственных теорий, т. е. исследовательских нарративов (Thompson 2002).

Никто не в состоянии изменить природу нарратива: человек никогда не сможет с помощью слов выразить что-либо «до конца», так как всегда «знает больше, чем говорит» (Polanyi 1966). Однако нарратив — это исторически сложившийся способ оперирования огромными объемами информации, основанный на ее смысловом преобразовании. Такое преобразование осуществляется посредством навыков с помощью *формальной компоненты* выражения и согласования смыслов (Каныгин 2023). В современном нарративе роль такой компоненты играет *текст*, структурируемый по *правилам грамматики* естественного языка.

Мы считаем, что «муки слова», испытываемые каждым при работе с нарративом, обусловлены прежде всего структурным несоответствием между, с одной стороны, иерархиями *паттернов*, являющимися образами реальности, автоматически запоминаемыми мозгом. С другой — *смысловыми структурами*, конструируемыми автором нарратива с целью выражения латентных образов посредством грамматически структурированного текста.

Наша основная гипотеза состоит в том, что, хотя указанное несоответствие, присущее любому нарративу, нельзя устранить, но можно радикально упростить задачу его преодоления для лиц, общающихся привычным способом с помощью слов. Для этого необходимо предоставить авторам словесного повествования более совершенные инструменты смысловых преобразований, чем текст и грамматические правила

его структурирования, которые применяются сегодня. Тем самым для агентов³, взаимодействующих посредством словесных рассказов, принципиально упростится задача согласования смыслов, выражаемых ими посредством нарратива.

Методы исследования. Для практической проверки этой гипотезы по результатам прикладных исследований мы создали компьютерную программу *Diagogue*, функциональность которой представляет собой программную реализацию искомых более совершенных формальных инструментов нарратива. Хотя эта программа еще не описана нами как законченный информационный продукт в силу ее пилотного воплощения⁴, но прикладное применение разработанного приложения при концептуализации исследовательских нарративов (Каныгин, Полтинникова, Корецкая 2017; Каныгин, Хорева 2022) позволяет утверждать, что функциональность *Diagogue* воспроизводит известные в информатике онтологические отношения (Noy, McGuinness 2001). В их числе: модульная структура словесных обозначений, наследование, полиморфизм, инкапсуляция, компиляция.

Любой нарратив предполагает, что использующие его лица обладают навыками, которые позволяют оперировать текстовой информацией посредством ее структурирования на основе смыслов. Категория смысла трудна для научного выражения из-за своей латентной первоосновы. Для разъяснения специфики нарратива мы основываемся на идее латентности, получившей распространение благодаря работам П. Лазарсфельда (Swedberg 2018: 26–29). Сегодня этот подход методологически переплетается с концепцией неявного знания, предложенной М. Полани (Polanyi 1966; 1969) и развитой в работах его последователей И. Нонака и Х. Такеучи (Nonaka, Takeuchi 1995), а также их многочисленных идейных продолжателей (см. обзоры (Chergui, Zidat, Marir 2020; Dragicevic et al. 2020; Mohajan 2016)).

В своем исследовании мы используем технику интроспекции (Eysenck, Keane 2005) в качестве релевантного концептуального способа, позволяющего проследивать инструментальные связи между

³ Мы различаем лиц, находящихся во взаимной коммуникации с помощью нарратива. Автор — человек, выражающий «смыслы своей головы» (Wagner 2006) в виде текста. Реципиент — человек, ментально распознающий смыслы нарратива посредством своих естественно-языковых навыков. Агент — человек, попеременно играющий роли автора и реципиента при оперировании нарративом в процессе социальной коммуникации.

⁴ В частности, программа не снабжена соответствующей системой инструкций, недоработаны пользовательские интерфейсы, слабо развиты функции экспорта-импорта данных и т. п.

смыслами нарратива и возможностями их формального выражения посредством текстовых обозначений.

Гипотезы исследования. Наш собственный научный опыт, сформировавшийся благодаря оперированию исследовательскими нарративами, свидетельствует о существовании ряда методологических оснований или кредо, с той или иной степенью отчетливости используемых исследователями независимо от предметной области, в терминах которой они работают. Отталкиваясь от собственных формулировок кредо такого сорта, сформулируем ряд гипотез нашего исследования.

Во-первых, считается, что многообразные средства структурирования текста, например таблицы, диаграммы, когнитивные карты и т. п., безусловно способны помочь агенту при анализе смысловых связей нарратива. В качестве гипотезы мы выдвигаем тезис, что «пишущий человек» нуждается в «концептуальной помощи» уже на стадии формирования осмысленного текста. В первую очередь автору нарратива нужны не дополнительные средства структурирования смыслов готового повествования, а расширение функциональных возможностей того структурирования, которое встроено в само повествование. Сегодня функции формального структурирования смыслов нарратива выполняются текстом, упорядоченным по правилам грамматики естественного языка. Внедрение в придачу к тексту дополнительных инструментальных возможностей структурирования смыслов чревато генерацией концептуальных артефактов, фальсифицирующих выражаемые смыслы.

Во-вторых, не вызывает сомнения, что нарратив, существующий в привычном виде текста, представляет собой универсальное средство описания общества. Именно с его помощью пишутся статьи, разрабатываются планы, обнародуются стратегии, издаются постановления и т. п. Как гипотезу, требующую дальнейшего анализа, отметим, что посредством нарратива многочисленные социальные акторы, включая исследователей, не только описывают общество, но и выполняют *декомпозицию* невообразимо сложных социальных отношений (Urry 2005). Нарратив — это специфичный инструмент, позволяющий практически распараллеливать исследовательскую работу, выполняемую в социологии на сугубо неформальных, смысловых основаниях оперирования информацией.

В-третьих, нарратив — это сугубо гуманитарная техника анализа социума: ее применение зиждется не на строгих правилах, а на опыте социальных ученых. Такой опыт невозможно канонизировать по образцам точных наук. Вместе с тем агент нарратива, будучи вынужден раскрыть и передать свои знания другим людям, оперирует «неформальным» средоточием опыта — латентным знанием — с помощью

«формального» текста. Гипотеза состоит в том, что, работая с неявным знанием с помощью нарратива, его агент использует сугубо формальные приемы, известные в точных науках: указание контекста, переопределение словесных обозначений, соблюдение закона тождества при обозначениях и другие. При этом, будучи ограниченным в своих концептуальных действиях формальным аппаратом нарратива — текстом и грамматическими правилами его структурирования — агент оказывается существенно ущемлен в возможностях передачи своего опыта другим людям с помощью словесного рассказа.

В-четвертых, в лингвистике и нарративном анализе установлено, что ключевой особенностью рассказа служит его смысловая целостность, которая не имеет структурного или количественного выражения и отслеживается агентами нарратива с помощью своих умений мыслить неформально. Оценку смысловой целостности нарратива способен выполнять только человек. Наша гипотеза не подвергает сомнению это положение. Она заключена в тезисе, что в зависимости от функциональных возможностей формальной компоненты нарратива, которую применяет его агент на основе своих навыков, смысловая целостность может быть представлена инструментально. Оригинальным приемом такого представления способна служить генерация смысловой структуры повествования из множества его смысловых переходов, формируемых авторами нарратива по отдельности в процессе развертывания словесного повествования.

В-пятых, результаты анализа каждой из высказанных выше гипотез представляют собой нарративы, с помощью которых сформулированы методологические посылки и принципы, выражающие наши взгляды на словесное повествование. Традиционно выражая свои взгляды в виде текста, мы оказываемся ограниченными в возможности артикулирования полученных результатов, из-за того, что «человек знает больше, чем говорит» (Polanyi 1966). Поэтому мы придерживаемся гипотезы, что более выразительным и концептуально емким способом формулирования посылок и принципов структурного нарратива оказывается создание компьютерной программы, в основе которой лежат модели, предварительно описанные с помощью слов.

Задачи статьи. Для каждой из перечисленных выше гипотез задумана отдельная публикация, описывающая результаты ее анализа теми понятиями и с той степенью их концептуальной детализации, которые представляются необходимыми для целостного объяснения предпосылок, принципов и моделей, положенных в основу нового вида словесного повествования, названного нами структурным нарративом.

В данной работе, первой из намеченного цикла, сначала вводится базовая терминология, которой мы придерживаемся во всех запланированных статьях. В числе вводимых понятий: смысловая операция, формальная компонента нарратива, грамматически структурированный текст и другие. Затем подвергается анализу широко распространенное методологическое кредо о дополнительных средствах структурирования, помогающих читателю нарратива лучше представить смысловые связи последнего. В заключении статьи, в качестве планов дальнейших исследований, анонсированы остальные предполагаемые публикации серии.

Исходная идея структурного нарратива

Наши рассуждения строятся на убеждении, что исследование нарратива в качестве общепринятого средства социальной коммуникации не должно сводиться к созданию очередного словесного повествования, которое лишь пересказывает уже сказанное. Исследование нарратива должно представлять собой анализ *смысловых операций*. С помощью таких операций автор рассказа преобразует смыслы своего индивидуального опыта, скрытые в его «голове» (Wagner 2006), в доступную для всех форму текста. Мы исходим из того, что на сегодня не существует общепринятых моделей, воспроизводящих смысловые действия, которыми пользуется человек при оперировании этим медийным ресурсом (Dragicevic et al. 2020). Тем самым анализ словесного рассказа в качестве инструмента коммуникации между людьми предполагает широкое использование *конкретных примеров*. Такая практика характерна для исследований, сталкивающихся с латентными феноменами (Polanyi 1969; Virtanen 2014).

Посредством общеизвестных примеров любой человек обретает возможность понимания особенностей функционирования словесного рассказа благодаря своим *навыкам* (Virtanen 2014: 137–139), полученным в результате *социализации* (Nonaka, Takeuchi 1995). Мы не стремимся построить теорию нарратива, согласующую различные исследовательские взгляды на то, как устроен и практически используется этот медийный ресурс. Наша цель состоит в совершенствовании уже существующего и практически используемого *инструментального аппарата* современного словесного рассказа — текста и правил его грамматического структурирования, с помощью которых агенты нарратива оперируют «неформальными» смыслами посредством «формальных» обозначений.

В качестве примера, позволяющего начально пояснить связи между смыслами нарратива и выражающим их текстом, рассмотрим фразу

«мальчик едет на велосипеде». Опираясь на опыт рассказчика и слушателя, присущий каждому из нас, приведем примеры *смысловых операций*, которые представляются нам понимаемыми для данного случая.

- *Выделение отдельных смыслов* с помощью их текстовых обозначений. Такими обозначениями служат «мальчик», «ехать», «велосипед», которые возникают не сами по себе, а благодаря нашим общечеловеческим навыкам понимания смыслов.
- *Попарное связывание смыслов* между собой с помощью их обозначений. Каждый из нас понимает, что «мальчик» и его действие «ехать» связаны между собой по смыслу⁵. Навык использования нарратива подсказывает, что также по смыслу связаны обозначения «ехать» и «велосипед».
- Сама фраза *соединяет* отдельные указанные *смыслы* в единое целое. Таким образом, каждый из нас использует рассматриваемую фразу для понимания реальных или вымышленных ситуаций, которые идентифицируются посредством всей совокупности единичных смыслов.

Раскрытию понятия смысловой операции, выполняемой с помощью нарратива, посвящено все наше исследование, разворачиваемое в нескольких заявленных публикациях. Однако уже сейчас внимательное прочтение примеров позволяет предложить отправное разъяснение. В целом смысловая операция представляет собой использование автором и реципиентом нарратива связи между *однозначно понимаемым текстовым обозначением*⁶ и некой *латентной репрезентацией* реальности, которая благодаря предыдущему социальному опыту каждого человека возникла «в его голове» и теперь доступна для практического оперирования с помощью слов. Обычно *смыслом* называется *сама латентная репрезентация*, ассоциированная с обозначением, но тот же термин часто выражает *связь* между декларируемым обозначением и тем, на что оно указывает. В практике социальной коммуникации смыслом могут оказаться феномены разной природы — материальные объекты, персоны, события, чувства, действия, переживания и т. п. Но также в качестве смысла могут фигурировать другие обозначения. Общеизвестным примером последнего являются «большие языковые модели» (Блог про нейросети 2024).

⁵ Синоним в рамках статьи — мысленно соединены.

⁶ Обозначение — это однозначно понимаемый знак. В качестве такового можно воспринять крик, вспышку, жест и т. д. Далее, ограничиваясь тематикой нарратива, мы полагаем, что любой знак является текстом, т. е. потоком, составленным из цифр и букв.

Основные посылки, мотивы и понятия структурного нарратива

Гуманитарная специфика нарратива. В социологии, особенно в ее качественном прочтении, смыслом служат сугубо индивидуально воспринимаемые феномены — переживания, чувства, оценки. Такие аспекты социальной реальности, с позиций естественно-научных подходов, расцениваются скорее как что-то эзотерическое, выходящее за пределы науки, чем как факты, способные породить научную теорию (Allais 1990).

Мы понимаем и принимаем недоумение представителей точных наук по поводу нарратива. Однако заметим, что словесное повествование — это специфически гуманитарный способ передачи знания, который позволяет преодолеть парадигмальную ограниченность самих естественно-научных теорий, описанную Т. Куном применительно к области исследований оптических явлений (Kuhn 1962). «Гуманитарный» в нашей трактовке означает, что нарратив существенно использует специфическое умение каждого человека понимать смыслы как своих, так и чужих действий, выражаемые словесно.

Ключевым преимуществом гуманитарного подхода служит отказ от методологических посылок, лежащих в основе научных методов, но неизвестных участникам обыденной социальной коммуникации. Например, принятие понятия пространства, на котором основываются математические методы в социологии, в качестве основы теоретических рассуждений о социуме. Или неявная посылка компьютерных методов, согласно которой участники социальных процессов должны быть пользователями информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Обыватели в практике своего повседневного общения с помощью нарратива вполне успешно обходятся без основополагающей идеи Декарта, равно как и без посредничества компьютера.

С помощью нарратива его автор не описывает социальный процесс «до конца», а рассказывает своей целевой аудитории о тех или иных *действиях*, которые предстоит совершить кому-то в определенных условиях. Такой рассказ не требует естественно-научной детализации, основанной на однозначно понимаемых фактах и выполняемой по образцам точных наук. Нарратив создается с точностью до понимания его агентами собственных действий, предписываемых автором повествования. Факты в естественно-научном прочтении оказываются лишь способом обеспечения взаимопонимания между автором и реципиентами нарратива. Словесное повествование в той же степени воспроизводит

существующую социальную реальность, в какой оно ее конструирует в процессе людских взаимодействий (Berger, Luckmann 1996).

Первопонятия нарратива обоснованы навыками его агентов. Действия, описываемые с помощью нарратива, основаны не на ясно сформулированных научных методах, например математических или компьютерных, а на человеческих *навыках*, которыми обладают как автор, так и его реципиенты. Навыки приобретаются агентами нарратива в процессе своей социализации. Мы рассматриваем навыки как сугубо ментальные феномены на основе подходов, заложенных в области управления знаниями М. Полани, И. Нонака и Х. Такеучи, а в области социологии — П. Лазарсфельдом. Включение навыков в научный дискурс затруднено их латентной природой, вынуждающей искать новые трактовки таких известных научных понятий, как *отображение, модель, факт, наблюдатель* и ряд других, используемых в науке для описания процессов, протекающих в обществе.

Причиной проводимых нами поисков служит осознание того факта, что естественно-научные понятия, примеры которых приведены в предыдущем абзаце, разработаны в условиях предполагаемой *наблюдаемости* социальных явлений, изучаемых с их помощью (Каныгин 2010). Обращение к навыкам в качестве инструмента оперирования нарративом нарушает это условие по ряду причин. Прежде всего, из-за того, что любые операции по управлению смыслами нарратива оказываются наблюдаемы его агентами специфическим образом, не обсуждаемым в традиции естественно-научных подходов.

Специфику нарратива в качестве инструмента социальной коммуникации мы называем асимметричной наблюдаемостью по аналогии с известным социологическим понятием асимметричной атрибуции (Моин 1990). Понятие асимметрии передает различие ролей автора и реципиентов нарратива в процессе приписывания смыслов текстовым обозначениям. Первоначально слова обретают смысл в составе нарратива по воле его автора на основе латентного знания, хранящегося в «его голове» (Wagner 2006). Реципиенты могут обратиться к своему латентному знанию, существующему «в их головах», лишь после того как смыслы окажутся артикулированы самим автором с помощью манипуляций с текстом.

В этом случае возникает ключевой вопрос, в какой мере использование автором грамматически структурированного текста в качестве инструмента выражения смыслов позволяет воспроизвести «иерархии» последних в «собственной голове» автора нарратива? Опасения по поводу релевантности такого воспроизводства возникают из-за природной

сложности социальных феноменов (Urry 2005) — главного предмета социологических нарративов, а также практических трудностей смысловой реконструкции словесных свидетельств информантов, появляющихся у социологов, занятых прикладными исследованиями (Thompson 2002).

Нарратив — это совокупность рецептов по осуществлению человеческих действий. Как сказано выше, отсутствие общей модели функционирования навыков, используемых человеком в своих социальных действиях, заставляет нас при объяснении специфики нарратива основываться на *примерах* ситуаций, общеизвестность которых компенсирует отсутствие модельного знания. В частности, вслед за разработчиками концепции неявного знания мы используем известные каждому ситуации, связанные с ездой на велосипеде (Polanyi 1969: 147). Что такое сесть на велосипед, как на нем ехать, почему существуют разные виды этих устройств — ответы на эти вопросы состоят не в разъяснениях «до конца», а в наличии у каждого агента нарратива навыков обращения с велосипедом в соответствующих ситуациях. Мы рассматриваем навыки как специфические ментальные механизмы, функционирование которых не моделируется общепринятыми научными методами. Однако в результате того, что нарратив функционирует как инструмент общения социализированных лиц, любой навык, подразумеваемый автором нарратива, предполагается доступным для понимания каждому агенту последнего.

Каждый агент нарратива способен использовать навыки как «черный ящик», т. е. не зная, каким образом функционирует его умение, пользоваться результатами его применения. Например, я не знаю, как мне удастся ехать на велосипеде, в частности, какие движения выполняют ноги, каким образом я сохраняю вертикальное положение своего тела, как происходит дыхание и многое другое. Все эти аспекты моей езды на велосипеде, выражаемые посредством рассказа, оказываются представлены с помощью коротких фраз, например, «я еду на велосипеде», «перемещение с помощью мускульной тяги», «мой двухколесный друг» и т. д. Эти слова как раз служат инструментом обращения с помощью нарратива к моим велосипедным навыкам, устройство которых мне неизвестно как любому другому реципиенту моего рассказа. В то же время, так же как я, любой реципиент понимает изложенное в нарративе, так как благодаря пройденной социализации владеет соответствующими умениями, словесно описанными в моем повествовании.

Формальные инструменты оперирования смыслами посредством нарратива. Применение человеком при смысловых операциях своих навыков не регламентировано какими-либо предопределенными методами,

скажем, форматами информации; алгоритмами ее агрегирования; правилами декомпозиции, например, в виде системы координат и т. д. Однако, несмотря на латентную природу навыков, мы подчеркиваем, что для их практического применения агенты современного нарратива используют вполне формально идентифицируемые приемы, выражаемые в виде текста, структурируемого по грамматическим правилам. Это означает, что поток текста предварительно фрагментируется на отдельные текстовые составляющие посредством навыков на основе смыслов. Скажем, «мальчик», «едет», «велосипед», если вспомнить пример выше. Полученные таким образом краткие тексты, идентифицирующие отдельные смыслы, согласуются по правилам грамматики естественного языка. Именно таким формально выраженным методом соединяются отдельные смыслы любой фразы и становятся доступными для понимания каждому агенту нарратива. Например, «я еду на велосипеде».

Таким образом, скрытые от стороннего наблюдателя ментальные действия агента, выполняемые благодаря навыкам, в практике социальной коммуникации осуществляются им с помощью наглядных манипуляций с текстом. Люди взаимодействуют посредством текстов, но делают это благодаря взаимному пониманию смыслов, которые оказываются доступными для осознания именно в результате «их извлечения из голов» в виде алфавитно-цифровых последовательностей, структурируемых по правилам грамматики естественного языка.

Смысловое единство нарратива. Ключевое эпистемологическое своеобразие нарратива будем обозначать термином «смысловое единство». В понимании этого концепта оттолкнемся от следующего разъяснения: «это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого, его внутреннюю цельность» (Валгина 2003: 29).

Будем представлять себе смысловое единство как специфический регулятор, используемый агентом для оценки своих смысловых операций, выполняемых с помощью нарратива. Эти операции совмещают в себе как интуитивно понимаемую, сугубо индивидуально наблюдаемую латентную компоненту словесного повествования, так и управление ею с помощью текста, видимого всеми. Посредством такого прагматического совмещения ментальных *навыков* и текстовых инструментов их выражения человек превращает свое *латентное знание*, доступное для понимания только ему, в *документ* межличностной коммуникации. Смысловое единство — это один из ментальных инструментов, который возник в результате социализации и позволяет контролировать осмысленность такого превращения.

Латентная природа смыслового единства становится понятнее, если проанализировать пример, на котором демонстрируют этот феномен в нарративном анализе (см. (Троцук 2005)). Рассмотрим, как изменяются наши оценки связности нарратива, составляемого из трех фраз. (1) «Джон улетел в пять часов вечера». (2) «Питер уехал в аэропорт в восемь часов вечера». (3) «Они хотели провести выходные вместе». Каждая из фраз (1) и (2) воспринимается как смысловая целостность за счет того, что отдельные смыслы взаимосвязаны фразой друг с другом и тем самым составляют ее смысловое единство.

Однако, если из фраз (1) и (2) составить единый текст, то такой нарратив уже не будет представлять собой смысловое единство, так как по смыслу фразы окажутся не связанными друг с другом. Если же теперь дополнить полученный двухфразовый нарратив фразой (3), то возникший таким образом трехфразовый нарратив обретет смысловое единство, так как очевидно, что все три предложения этого нарратива окажутся взаимно связаны по смыслу.

В нашем прочтении, пример показывает, что вердикт о смысловом единстве выносится агентом нарратива благодаря ментальной работе, которая в своей наблюдаемой части представляет собой манипулирование текстом, т. е. группами символов алфавитно-числового потока. Такое манипулирование осуществляется автором посредством: введения новых текстовых обозначений; выражения их смысла с помощью указания контекста; связывания смыслов вводимых обозначений через упорядочение последних между собой в составе текстового потока; структурированием текстового потока с помощью грамматических правил. Смысловые операции, наблюдаемые всеми агентами нарратива в своей наблюдаемой текстовой части, не являются аналитической процедурой, подчиняющейся общеизвестным правилам.

Указанные манипуляции с текстом нарратива воспроизводят смысловые связи, понятные агенту нарратива благодаря его опыту, фиксирующему результаты его предыдущих социальных действий. Выражение смыслов и оперирование ими в виде изменений текста осуществляются агентом благодаря естественно-языковым навыкам, полученным им в результате социализации, и воспроизводят сугубо индивидуальный опыт автора словесного повествования.

Мы стремимся объяснить феномен смыслового единства не путем его компьютерного моделирования, а через прагматику смысловых действий агента, позволяющих человеку на практике конструировать смысловую целостность своего повествования. На наш взгляд, подтверждаемый основополагающими рассуждениями Polanyi

о взаимодействии знания и его физической организации (Polanyi 1969), в таких действиях ключевую роль играют навыки, которые представляют собой мощные ментальные механизмы оперирования смыслами. Устройство и когнитивные функции навыков на сегодня неясны для разработчиков ИКТ (Dragicevic et al. 2020). Однако такая инструментальная проблематичность навыков для ИТ-специалистов не мешает многочисленным социальным акторам практически их использовать в ходе совместных социальных действий.

Продолжим изложение нашего представления о смысловом единстве нарратива анализом его наблюдаемой компоненты — формально понимаемого текста и грамматических правил его структурирования, использование которых позволяет говорить еще об одном характерном феномене нарратива — его *смысловой структуре*.

Смысловая структура словесного повествования. Будем исходить из прагматического понимания смысловой структуры, источником которой может служить любое словесное повествование, скажем, «мальчик едет на велосипеде». В этом, как и в любом другом тексте, используемом для человеческого общения, реципиент различает отдельные смыслы. В данном случае они релевантно передаются словами — «мальчик», «ехать», «велосипед». За счет такого распознавания каждый из нас на основе нарратива создает в своей голове смысловые элементы, лежащие в основе структурного представления словесного рассказа.

Привычным способом формирования смысловой структуры служит сама фраза. Анализируемое словесное высказывание представляет собой не только совокупность отдельных смыслов, но и структуру отношений между ними. Обладая естественно-языковыми навыками, эту структуру нетрудно представить в явном виде, например, «мальчик» → «ехать» → «велосипед». В данном случае структура оказывается предельно простой: цепочка линейно связанных смыслов (Валгина 2003). В основе цепочки лежит феномен фразового смыслового единства (ФСЕ) (Валгина 2003), без труда прослеживаемый для коротких нарративов, которыми являются отдельные фразы, абзацы, словарные статьи и т. п.

Что такое ФСЕ на примере? Воспринимая короткий рассказ, скажем, о мальчике на велосипеде, каждый понимает, что обозначение, наблюдаемое в тексте, например «мальчик», существует, во-первых, относительно сконструированной или природно обусловленной ситуации, которая не исчерпывается отдельным своим аспектом, только что названным «мальчик». Во-вторых, в рамках такого интуитивно воспринимаемого ситуационного единства текстовое обозначение «мальчик» оказывается наблюдаемой единицей нарратива, связанной по

смыслу с аналогичной единицей — «ехать». Последняя, в свою очередь, представляется «мысленно соединенной» еще с одним осмысленным обозначением — «на велосипеде».

Инструментальная специфика нарратива, которую мы стараемся подчеркнуть на примерах коротких осмысленных текстов, состоит в том, что смысловая структура, выражающая мысленную целостность любого из них, конструируется агентом без предъявления явно выраженных структур. Скажем, рисунков, диаграмм, схем и т. п. Наблюдаемым общепринятым средством установления смысловых отношений нарратива оказывается его текст, формально структурированный с помощью правил грамматики естественного языка. При этом существующим подспорьем агенту нарратива при создании текста оказывается сугубо латентный феномен внимания (Polanyi 1966).

Для коротких нарративов человеческое внимание позволяет ментально охватить смыслы отдельных фраз или абзацев полностью. Такой мысленный охват смыслов, которые каждый распознает в коротком рассказе, объясняет понятие ФСЕ. В случае же нарратива произвольного объема его агент выходит за рамки отдельных коротких фраз, абзацев, словарных статей и т. п. и сталкивается с двумя трудностями. Во-первых, с помощью навыков, в частности внимания, становится затруднительным мысленно сформировать целостный взгляд на многообразие смыслов, возникающих в нарративе. Во-вторых, грамматические способы формирования смысловой структуры нарратива, основанные на понятиях подлежащего, сказуемого, согласования последних в роде, числе, падеже и т. п., рассчитаны на выражение смысловых связей именно в коротких нарративах.

К такому утверждению нас приводит, например, использование местоимений, одного из грамматических приемов конструирования осмысленного текста. Этот прием предписывает обозначать один и тот же смысл разными словами. Например, продолжая нарратив о мальчике и велосипеде, можно сказать, что «он крутил педали изо всех сил». Тем самым тот, кто в первом предложении назван «мальчик», теперь обозначен словом «он». Такое заведомое непостоянство текстуальных выражений одного и того же смысла, являющееся одним из краеугольных правил грамматики естественного языка, не позволяет сторонникам применения нарратива в научных исследованиях получить интеллектуальную поддержку со стороны приверженцев естественно-научных методов (Allais 1990).

В случае коротких нарративов такого сорта затруднения преодолеваются за счет их «ментальной обозримости», выражаемой понятием ФСЕ.

Однако в общем случае применения нарратива, т. е. без ограничения его текстового, а значит, и смыслового объема, пределы обозримости выходят за возможности человеческого внимания осмысленно связывать отдельные текстовые обозначения с помощью грамматического структурирования текста. В общем случае прагматического применения нарратива в поисках смысловых оснований для аппарата его структурирования приходится выходить за рамки ментально ощущаемого феномена ФСЕ.

Неявное знание как образ реальности. Для нас идея целостности любого нарратива возникает из простого наблюдения, подтверждаемого исследователями в разных отраслях знания. Основополагающим смысловым действием, осуществляемым автором нарратива, является *запоминание* потока событий или ситуаций, из которых складывается его жизнь. «Мозг запоминает все!» Тем самым изначально в «голове» автора любого нарратива существует результат его персонального отображения реальности. Такой результат будем называть *образом* или *слепок* происходящего.

Синкретичность. Первородной особенностью слепка служит его синкретичность, т. е. отсутствие в нем сколько-нибудь выразительных структур, способных содействовать человеку в использовании получаемого им образного знания при осуществлении социальных действий. По своему происхождению образ оказывается целостным, но структурно не расчлененным гештальтом реальности.

С самого начала своей жизни человек учится распознавать отдельные аспекты в образах, предоставляемых ему природой. Воспроизводя посредством социальной практики такое обучение систематически, человек приобретает *навыки*, позволяющие ему распознавать и складывать возникающие аспекты образов в когнитивные паттерны, т. е. структурные образования, дополняющие и меняющие сам образ по мере приобретения нового опыта. Для пояснения этого процесса воспользуемся компьютерной метафорой. Возникновение и функционирование образа — это процесс превращения модели реальности, первоначально существующей в голове человека в *растровом* виде в *векторное* или структурное представление.

С одной стороны, инструментальная специфика образа удачно передается термином «растр», заимствованным из информатики. Растр — это множество «пятен точек», которое формируется в голове человека автоматически, независимо от его воли. Отображение реальности в виде растров создает возможность их дальнейшей систематизации за счет перевода этих синкретических слепков в структурный вид.

С другой стороны, растр и векторные модели оказываются лишь двумя сторонами метафоры человеческого знания, устройство которого современной науке неизвестно. В частности, поэтому, говоря об отображении реальности, которым практически пользуется человек при коммуникации с другими людьми посредством нарратива, мы характеризуем исходное знание человека как синкретичное.

Образ — первоначально синкретическое отображение реальности, предоставляемое человеку природой и воспринимаемое им как целостное ментальное образование, в процессе социализации и практики коллективных действий оказывается представленным структурно на уровне ментальных навыков. Именно к этому структурному представлению человек обращается в качестве первоосновы при конструировании *смысловой структуры* любого нарратива в виде его грамматически структурированного текста.

Огромные объемы информации. Образ несет в себе огромные объемы информации, которую крайне затруднительно практически использовать из-за отсутствия в нем внятных структур. Конечно, в некоторых случаях такая растровая информация может оказаться практически полезной. Скажем, вы можете поведать о том, что происходит за окном, сделав соответствующее фото. Но это уже не будет текстовым нарративом, который мы обсуждаем! Иначе говоря, послав фото кому-то, вы переложите задачу создания нарратива со своих плеч на плечи получателя снимка.

Декомпозиция образа. Чтобы передать увиденное средствами нарратива, его автор должен прежде всего распознать в наблюдаемой картине отдельные фрагменты. В составе рассказа эти фрагменты окажутся выраженными единичными словесными обозначениями — «мальчик», «схать», «велосипед». Совокупность таких отдельных осмысленных фрагментов представляет собой словесно выраженную декомпозицию того, о чем рассказывает нарратив. Возникновение такой декомпозиции становится возможным только благодаря навыку, позволяющему человеку распознать в наблюдаемой им картине отдельные компоненты и связи между ними.

Навык — основной знаниевый ресурс нарратива. Приобретение соответствующих навыков, в том числе распознавания происходящего, требует значительного времени и достигается в результате социальных взаимодействий. Для характеристики таких взаимодействий применительно к производственной организации И. Нонака и Х. Такеучи (Nonaka, Takeuchi 1995) предложили SECI-модель функционирования знания. С помощью навыков любой агент нарратива открывает для себя возможность практически превращать свое синкретическое

представление о реальности, получаемое в процессе жизни, в структурные паттерны, ассоциированные с исходным растровым слепком и дополняющие его.

Прагматичное использование навыков. Мы не знаем, как устроен механизм функционирования навыков. Причем мы не одиноки в своем незнании. Например, сторонники сетевого подхода в социологии также находятся в затруднении, каким образом представить себе понятие сети, заявляемое уже в названии подхода (Мальцева 2018). Еще один пример. ИТ-специалисты утверждают, что разработчики ИКТ и пользователи этих технологий изначально по-разному представляют себе способы структурирования информации. Специалисты основываются на предопределенных форматах данных, а пользователи — на общечеловеческих смыслах. При этом инженеры по знаниям не знают, каким образом согласовать эти конфликтующие походы в рамках единой технологии (Dragicevic et al. 2020).

Мы не стремимся воспроизводить в своих рассуждениях устройство навыков или каких-либо иных ментальных феноменов. Мы исходим из факта, что такие феномены не моделируются общепризнанным образом современной наукой, но их практическое использование прагматически доступно любому человеку благодаря своей гуманитарной природе, в частности владению естественным языком. Такого сорта незнание не мешает человеку использовать любой свой навык как «черный ящик».

Структурный нарратив. Выполненный анализ особенностей нарратива позволяет сформулировать наши предложения по совершенствованию его формального аппарата, с помощью которого агенты нарратива выполняют смысловые операции. Основной пункт предложений состоит в расширении функциональных возможностей существующих формальных инструментов нарратива — *текста и правил его грамматического структурирования* — за счет предоставления в распоряжение агентов *онтологических методов* (Noy, McGuinness 2001) управления смысловыми обозначениями, составляющими любой нарратив. В числе таких методов: *дискретное представление* смыслов посредством текстовых обозначений; *наследование* их связей в процессе выполнения агентом смысловых операций; *полиморфное определение* смыслов текстовых обозначений; *прототипирование* смысловых связей для их повторного использования; *инкапсуляция* смыслов посредством указания агентами их контекстов; *компиляция* единой явной смысловой структуры нарратива на основе множества локальных смысловых связей, создаваемых автором; *визуализация* любых смысловых операций агентов нарратива за счет их текстовых обозначений и другие.

Разрабатывая структурный нарратив, мы ищем ответ на вопрос, каким образом существующую сегодня социальную коммуникацию, основанную на смыслах и выполняемую посредством текстового нарратива, сделать более состоятельной за счет внесения в ее организацию принципов управления научным знанием, уже реализованных в современных ИКТ. В том числе: формулированием научных понятий на основе фактов; осуществлением инструментального контроля за изменением агентами нарратива его смыслов вне зависимости от объемов нарратива; независимостью принципов организации социального знания от тех или иных особенностей оперирующих им агентов и т. п.

Мы уверены, что компьютерная реализация наших предложений позволяет преодолеть известный концептуальный разрыв, существующий сегодня между, с одной стороны, практиками человеческого общения, основанными на взаимном понимании смыслов социальных действий, и, с другой, — формальными принципами оперирования знаниями, принятыми в информатике.

Дополнительные инструменты для выражения смыслов нарратива

Теперь рассмотрим широко распространенное исследовательское кредо, согласно которому для наглядности репрезентации смысловых связей нарратива последние полезно представлять с помощью *дополнительных инструментальных средств*. В качестве примеров упомянутых дополнительных формальных инструментов, относящихся к области социологии, отметим пакеты анализа качественных данных (QDA Miner 2024) и сетевой анализ (Мальцева 2018). В более широком методологическом плане вспомним об офисных пакетах, которые в дополнение к тексту, неотъемлемому формальному инструменту нарратива, предлагают таблицы разного вида, диаграммы, гипертексты и другие общенаучные приемы структурирования знаний. К тому же классу структурных решений, дополняющих инструментальную функциональность нарратива, мы относим компилируемые графы (Graphviz 2024). Наконец, по такому же пути разработки формальных методов, дополняющих функциональность нарратива при управлении смыслами, идут разработчики «больших языковых моделей» (Блог про нейросети 2024).

На наш взгляд, разработчики дополнительных средств исходят из спорной идеи. Фактически они считают, что нарратив уже кто-то создал, т. е. уже осуществил структурирование текстовой информации на основе

смыслов. Используя этот готовый рассказ, они предлагают осуществить его смысловое реконструирование с помощью тех или иных дополнительных средств (см. выше). Однако ради каких инструментальных преимуществ авторы нарратива должны обучаться дополнительным средствам его конструирования, если с помощью существующих навыков и интегрированного с ними грамматически структурированного текста они уже решили стоящую перед ними концептуальную задачу, например, написали сочинение «Как я провел это лето»?

Мы исходим из убеждения, что социальная коммуникация, осуществляемая в своих бесчисленных повседневных актах огромной массой людей посредством нарратива, представляет собой сложившуюся практику функционирования общества. Такая практика сформировала в качестве работающего инструмента своей организации осмысленный текст, называемый нарративом. Этот медийный ресурс имеет две стороны своего устройства, позволяющих ему функционировать в качестве универсального средства взаимодействий в обществе — понимание агентами смыслов человеческих действий посредством ментальных механизмов, применяемых прагматически, и оперирование агентами смыслами с помощью формального редактирования текста. В том числе: введения новых обозначений, редактирования уже существующих формулировок, идентификации смысла в виде текстового выражения, поиска и связывания смыслов за счет их выражения с помощью текстов и т.п.

Нарратив функционирует за счет обеих своих ипостасей: описывая велосипед с помощью текста, т.е. формально определенного потока символов, наблюдаемого всеми агентами, каждый из нас имеет латентные, сугубо индивидуальные представления о том, что собой представляет это приспособление для передвижения: что с ним можно делать, кто его хозяин и т.п. Нарратив — это применение словесных приемов описания чего-либо вне зависимости от предметной области, а также результат такого применения. Специфика нарратива состоит в неразрывной функциональности двух его ипостасей, сложившихся исторически и делающих его самодостаточным для целей социальной коммуникации, осуществляемой с его помощью.

При описанных обстоятельствах любые *дополнительные формальные* инструменты структурирования нарратива нуждаются в прояснении их функциональных возможностей по сравнению с уже существующими средствами смыслового структурирования, предоставляемыми нарративом. Предлагая собственные решения, мы исходим из «медицинского принципа» — не навреди! Мы опасаемся, что

использование дополнительных инструментов анализа текста способно привести к генерации «смысловых» артефактов. Поэтому, разрабатывая структурный нарратив, мы основываемся на уже существующем формальном аппарате традиционного словесного повествования — тексте и грамматических правилах связывания его смысловых единиц. Мы разрабатываем структурный нарратив как способ совершенствования уже существующих инструментальных возможностей словесного выражения смыслов и управления ими, предоставляемых традиционным рассказом, оформленным в виде текста.

Заключение

На сегодня сохраняющейся эпистемологической особенностью любого нарратива оказывается его членение на «сюжетную» и «структурную» ипостаси (Berger, Quinney 2004: 4). В практически используемом нарративе сюжет и его структура переплетены в понимании человека, осознающего рассказ как целостную реальность. Однако такое восприятие ограничено интеллектуальными возможностями отдельного агента нарратива. Для того чтобы продемонстрировать, каким образом требуемая целостность повествования может формироваться сообществом лиц с помощью смысловых действий, мы предлагаем структурный нарратив. Нетрадиционность нашего предложения заставляет уделить особое внимание обоснованию моделей смысловых отношений, используемых при создании и практическом применении нарратива нового типа. В рамках такого обоснования мы рассматриваем, во-первых, данную статью. В развитие ее тезисов мы планируем четыре основные публикации, которые детализируют понятия и положения, лежащие в основе структурного нарратива.

Во-вторых, рукопись под рабочим названием «Нарратив как метод описания социальной реальности». Ее цель — разъяснить, что, наряду с функцией словесного описания чего бы то ни было, рассказ осуществляет декомпозицию социальных феноменов, описываемых с его помощью. Декомпозиция посредством нарратива позволяет преодолеть ограниченность координатного метода, нашедшего широкое применение в естественно-научных дисциплинах. Такая декомпозиция выполняется в виде *наблюдаемых отношений*, представляющих собой специфическую репрезентацию информации о реальных или конструируемых ситуациях. Воспроизведение реальности с помощью наблюдаемых отношений функционирует благодаря навыкам агентов

нарратива и необходимо для практического осуществления социальных действий в многообразных контекстах их выполнения.

В-третьих, рукопись «Нарратив и скрываемое им знание» посвящена сетевой метафоре латентного знания. На основе разрабатываемой метафоры мы объясняем, в чем состоят сетевые структурные особенности латентного знания, которые приводят к инструментальной специфике операций со смыслами, выполняемых посредством нарратива. В их числе: способы неявного выражения контекста отдельных словесных утверждений в составе текста; переопределению смысловых отношений между отдельными обозначениями в терминах грамматики естественного языка; связыванию смыслов с помощью грамматически структурированного текста и т. п.

В-четвертых, рукопись под условным названием «Смысловые операции автора нарратива». Центральным понятием этой рукописи служит *смысловое единство* словесного рассказа. На основе сетевой метафоры латентного знания, раскрытой в предыдущей публикации, мы стремимся показать, в чем именно состоят смысловые операции автора нарратива, которые переводят умозрительное представление о смысловой целостности словесного повествования, существующее в «голове» единичного автора, в текст, понимаемый каждым его читателем. В числе таких операций мы исследуем артикулирование единичного смысла, задание контекста на основе сетевой организации латентного знания, связывание смыслов с помощью грамматически структурированного текста, создание смысловых цепочек, выражение смыслового единства в виде множеств смысловых цепочек.

В-пятых, рукопись с названием «Структурный нарратив: кредо, принципы и модели» вводит *модели* смысловых операций агента нарратива, которые инструментально выражают методологические посылки и принципы словесного повествования, изложенные в первых четырех публикациях. Структурный нарратив представлен как прототип оригинальной ИКТ, совмещающей в своей функциональности гуманитарные и информационные традиции моделирования общества.

Источники

Блог про нейросети // ChatGPT на русском [сайт]. — 2024. — URL: <https://trychatgpt.ru/> (дата обращения: 23.09.2024).

Валгина Н. С. Теория текста. — М.: Логос, 2003.

Каныгин Г. В. Проблемы сетевого подхода в социологии // Петербургская социология сегодня. — 2023. — Вып. 21. — С. 72–88. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.cpww-t559.

Каныгин Г. В. Ненаблюдаемость социальных феноменов // Социологические исследования. — 2010. — № 5. — С. 26–33.

Каныгин Г. В., Полтинникова М. С., Корецкая В. С. Опыт построения социального знания на основе компьютерных онтологических методов // Социологический журнал. — 2017. — Т. 23, № 3. — С. 25–41. — URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5367/5564> (дата обращения: 23.09.2024).

Каныгин Г. В., Хорева Л. В. Концептуальное моделирование ESG-рейтингов: новый подход к принятию коллективных решений // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 1 (115). — Ч. 3, Янв. — С. 24–29. — DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.074.

Мальцева Д. В. Сетевой подход как феномен социологической теории // Социологические исследования. — 2018. — № 4. — С. 3–14.

Моин В. Б. Альтернативная интерпретация данных: атрибутивный подход // Социологические исследования. — 1990. — № 11. — С. 62–71.

Троцук И. В. Нарративный анализ в социологии (Возможности практического применения): дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01. — М., 2005.

Черниговская Т. В. Мозг ничего не забывает: Лекция на YouTube-канале «Бесплатная психология». — URL: https://www.youtube.com/watch?v=71RgWbXW_Ks (дата обращения: 23.09.2024).

Allais M. La Science Économique D'aujourd'hui et les Faits // Revue des Deux Mondes. — 1990. — No. 6. — P. 54–74.

Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. — New York: Doubleday & Company, 1966.

Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry // Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry / R. J. Berger, R. Quinney (eds.). — Boulder; Colo: Lynne Rienner Publishers, 2004. — P. 1–13.

Chergui W., Zidat S., Marir F. An approach to the acquisition of tacit knowledge based on an ontological model // Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences. — 20206. — No. 32 (7). — P. 818–828. — DOI: 10.1016/j.jksuci.2018.09.012.

Choosing Qualitative Data Analysis Software: Qualitative Research Methods. — 2024. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dYaAtuERpDI&list=PL1M5TsfdV6VupRxtz1xmovTXBGtGIesXm> (access date: 23.09.2024).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario // Knowledge Management Research & Practice. — 2020. — No. 18, iss. 2. — P. 199–213. — DOI: 10.1080/14778238.2019.1633893.

Eysenck M., Keane T. Cognitive Psychology. — 5th ed. — New York: Psychology Press, 2005.

Graphviz [сайт]. — 2024. — URL: <https://graphviz.org/> (access date: 23.09.2024).

Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. — Chicago: The University of Chicago, 1962.

Mohajan H. K. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review // American Journal of Computer Science and Engineering. — 2016. — Vol. 3, no. 2. — P. 6–19.

Nonaka I., Takeuchi H. The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation. — New York: Oxford University Press, 1995.

Noy N. F., McGuinness D. L. Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology. — 2001. — URL: https://www.researchgate.net/publication/243772462_Ontology_Development_101_A_Guide_to_Creating_Your_First_Ontology (access date: 02.11.2021).

Polanyi M. The tacit dimension. — New York: Doubleday and Company, 1966.

Polanyi M. Knowing and Being. — London: Routledge & Kegan Paul, 1969.

QDA Miner // Qualitative Data Analysis software [сайт]. — 2024. — URL: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/> (access date: 23.09.2024).

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology // Concepts in Action: Conceptual Constructionism / H. Leuifrsud, P. Sohlberg (eds.). Leiden; Boston: Brill, 2018.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data // Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research. — 2002. — No. 3 (2). — DOI: 10.17169/fqs-3.2.864.

Urry J. The Complexities of the Global // Theory, Culture & Society. — 2005. — Vol. 22, no. 5. — P. 235–254.

Virtanen I. How Tacit Is Tacit Knowledge? Polanyi's theory of knowledge and its application in the knowledge management theories: academic dissertation. — 2014. — URL: <https://clck.ru/Yditd> (access date: 23.09.2024).

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management // Information Resources Management Journal. — 2006. — Vol. 19, no. 1 (Jan.–March). — P. 70–83.

Сведения об авторе

Каныгин Геннадий Викторович, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
g.kanygin@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 23.09.2024;

поступила после рецензирования и доработки: 30.09.2024;

принята к публикации: 30.09.2024.

GENNADY V. KANYGIN

*Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*

NARRATIVE AND ITS EPISTEMOLOGICAL FEATURES

Abstract. The article opens a cycle of five works that analyze the epistemological features of narrative as a tool for structuring social information based on its meanings. The article formulates research hypotheses that are common to all works in the cycle: on the expression of the semantic structure of narrative in an implicit form; on the semantic decomposition of the plot of the narrative; on the expression of latent knowledge through text; on the possibility of generating the semantic unity of narrative in the form of its semantic structure; on the existence of narratives of different types. The presentation is based on the disclosure of the concept of “semantic operation”, emphasizing the specificity of verbal narration as a practically used tool that allows a person to manifest his latent knowledge through a grammatically structured text. Among the key epistemological features of narrative, formulated in the article: the possibility of overcoming with its help the paradigmatic limitations of natural scientific approaches; pragmatic use of skills as a semantic justification for narrative; the transient nature of the textual method of expressing latent human knowledge. Proposals are formulated to improve the functional capabilities of social information analysis based on meanings by creating a structural narrative. The structural narrative is presented as a conceptual basis for new information and communication technologies that provide their users with the functionality of modern ontological methods when operating social information based on meanings.

Keywords: structural narrative, skills, grammatically structured text, semantic structure, tacit knowledge, latency.

For citation: Kanygin G. V. Narrative and its epistemological features. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 5–31. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938; EDN: PRRVKD

References

- Allais M. La Science Économique D’aujourd’hui et les Faits. *Revue des Deux Mondes*, 1990, no. 6, pp. 54–74.
- Berger P. L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York, Doubleday & Company, 1966.
- Berger R. J., Quinney R. The Narrative Turn in Social Inquiry. *Storytelling Sociology: Narrative as Social Inquiry*, R. J. Berger, R. Quinney (eds.). Boulder, Colo, Lynne Rienner Publishers, 2004, pp. 1–13.
- Blog pro neyroseti. ChatGPT na rusском*. 2023. URL: <https://trychatgpt.ru/> (access date: 23.09.2024). (In Russ.)

Chergui W., Zidat S., Marir F. An approach to the acquisition of tacit knowledge based on an ontological model. *Journal of King Saud University — Computer and Information Sciences*, 2020, 32(7), pp. 818–828. DOI: 10.1016/j.jksuci.2018.09.012.

Chernigovskaya T. V. *The brain does not forget anything*. Lecture on the YouTube channel “Free Psychology”. 2024. URL: https://www.youtube.com/watch?v=71RgWbXW_Ks (access data: 23.09.2024). (In Russ.)

Choosing Qualitative Data Analysis Software: Qualitative Research Methods. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dYaAtuERpDI&list=PL1M5TsfDV6VupRxtz1x-movTXBGTgIEsXm> (access data: 23.09.2024).

Dragicevic N., Ullrich A., Tsui E., Gronau N. A conceptual model of knowledge dynamics in the industry 4.0 smart grid scenario. *Knowledge Management Research & Practice*, 2020, no. 8, iss. 2, pp. 199–213. DOI: 10.1080/14778238.2019.1633893

Eysenck M., Keane T. *Cognitive Psychology*. 5th ed. New York, Psychology Press, 2005. Graphviz [website]. 2024. URL: <https://graphviz.org/> (access data: 23.09.2024).

Kanygin G. V. Problems of the network approach in sociology. *St. Petersburg Sociology Today*, 2023, no. 21, pp. 72–88. DOI: 10.25990/socinstras.pss-21.cpww-t559. (In Russ.)

Kanygin G. V. Unobservability of social phenomena. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2010, no. 5, pp. 26–33. (In Russ.)

Kanygin G. V., Khoreva L. V. Conceptual modeling of ESG ratings: a new approach to making collective decisions. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2022, no. 1 (115), part 3, January, pp. 24–29. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.074. (In Russ.)

Kanygin G. V., Poltinnikova M. S., Koretskaya V. S. Experience of constructing social knowledge based on computer ontological methods. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2017, vol. 23, no. 3, pp. 25–41. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/5367/5564>. (In Russ.)

Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, The University of Chicago, 1962.

Maltseva D. V. Network approach as a phenomenon of sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018, no. 4, pp. 3–14. (In Russ.)

Mohajan H. K. Sharing of Tacit Knowledge in Organizations: A Review. *American Journal of Computer Science and Engineering*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 6–19.

Moin V. B. Alternative interpretation of data: attributive approach. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1990, no. 11, pp. 62–71.

Nonaka I., Takeuchi H. *The Knowledge-Creating Company: How Japanese Companies Create the Dynamics of Innovation*. New York, Oxford University Press, 1995.

Noy N. F., McGuinness D. L. *Ontology Development 101: A Guide to Creating Your First Ontology*. 2001. URL: https://www.researchgate.net/publication/243772462_Ontology_Development_101_A_Guide_to_Creating_Your_First_Ontology (access data: 02.11.2021).

Polanyi M. *Knowing and Being*. London, Routledge & Kegan Paul, 1969.

Polanyi M. *The tacit dimension*. New York, Doubleday and Company, 1966.

QDA Miner. Qualitative Data Analysis software [website]. 2024. URL: <https://provalisresearch.com/products/qualitative-data-analysis-software/> (access data: 23.09.2024).

Swedberg R. On the Near Disappearance of Concepts in Mainstream Sociology. *Concepts in Action: Conceptual Constructionism*. H. Leijulfsrud, P. Sohlberg (eds). Leiden, Boston, Brill, 2018.

Thompson R. Reporting the Results of Computer-assisted Analysis of Qualitative Research Data. *Forum Qualitative Sozialforschung Forum: Qualitative Social Research*, 2002, no. 3 (2). DOI: 10.17169/fqs-3.2.864.

Trotsuk I. V. *Narrative analysis in sociology (Possibilities of practical application)*: Dis. ... Cand. Sociological Sciences: 22.00.01. Moscow, 2005. (In Russ.)

Urry J. The Complexities of the Global. *Theory, Culture & Society*, 2005, vol. 22, no. 5, pp. 235–254.

Valgina N. S. *Text theory*. Moscow, Logos, 2003. (In Russ.)

Virtanen I. *How Tacit Is Tacit Knowledge? Polanyi's theory of knowledge and its application in the knowledge management theories*. Academic dissertation. 2014. URL: <https://clck.ru/Yditd> (access data: 23.09.2024).

Wagner Ch. Breaking the Knowledge Acquisition Bottleneck Through Conversational Knowledge Management. *Information Resources Management Journal*, 2006, vol. 19, no. 1, pp. 70–83.

Information about the author

Kanygin, Gennady V., Doctor of Sociology, Leading Researcher.
Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation.
g.kanygin@gmail.com

Received: 23.09.2024;

revised after review: 30.09.2024;

accepted for publication: 30.09.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

УДК 316.334.56

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.se3f-zb54

EDN: DRYKVE

СОФЬЯ СЕРГЕЕВНА СКОБЕЛИНА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ ОБ ИДЕАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация. Исследование посвящено изучению восприятия жителей муниципального округа Лиговка-Ямская городской среды округа на основе глубинных интервью и ментального картирования. Рассматриваются взгляды на инфраструктуру, общественные пространства, безопасность и представления об идеальном городском ландшафте. Выявлены положительные стороны центрального расположения, транспортной сети и культурных объектов, а также проблемы нехватки зеленых насаждений и устаревающей инфраструктуры. Рекомендации включают расширение парков, обновление инфраструктуры и продвижение немоторизованного транспорта. Предлагается активизировать культурное и общественное участие через возрождение исторических мест и волонтерские инициативы. Подчеркивается важность устойчивого развития, улучшения условий жизни и укрепления общественных связей.

Ключевые слова: восприятие жителей, городская среда, инфраструктура, зеленые насаждения, общественные пространства, устойчивое развитие.

Ссылка для цитирования: Скобелина С. С. Представления петербуржцев об идеальном устройстве городской среды // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 32–69. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.se3f-zb54; EDN: DRYKVE

Introduction

Topic description. This research aims to investigate the perspectives and aspirations of St. Petersburg residents regarding their ideal urban environment, focusing on the Ligovka-Yamskaya Municipal District as a representative case study.

The project will employ approaches to urban sociology to gain a comprehensive understanding of the residents' visions for a perfect urban space. By delving into the cultural, social, and environmental factors that shape these visions, the study seeks to contribute valuable insights for urban development strategies that align with the desires and expectations of the local community. Through in-depth interviews, the research aims to identify common themes, preferences, and potential challenges that can inform future urban planning initiatives in the considered district of St. Petersburg.

Relevance of the topic. Urban environments are dynamic and complex spaces that play a crucial role in shaping the well-being and quality of life of residents. In the context of St. Petersburg, the Ligovka-Yamskaya Municipal District holds the designation of an intra-city municipal entity, situated within the Central district of the city.¹

The district boasts prominent landmarks such as the Alexander Nevsky Lavra and the Moscow railway station, along with St. Petersburg Metro stations like "Plushchad Vosstaniya", "Ligovsky Prospekt," and "Plushchad Alexandra Nevskogo". Consequently, this area is enriched with significant cultural and historical value, serving as a pivotal transportation nexus for the citizens.

Concurrently, the district grapples with derelict structures (31, Telezhnaya Street), a sizable vacant space within the "Tsarskaya Stolitsa" residential complex, and common issues prevalent in St. Petersburg concerning the clearance of icy formations and snow.

In essence, the territory possesses its own distinct characteristics, rendering it a compelling subject for examination. Despite this, there are not many qualitative studies examining residents' views on their urban environment in general.

Thus, the study of how residents perceive the urban environment and how they want to see it in a small-scale example may be of scientific interest and also have practical value for deriving some recommendations for improving the urban environment.

Problem statement. The thesis seeks to address an existing gap in the understanding of how residents perceive their urban environment in Ligovka-Yamskaya. In line with current research trends, this study draws inspiration from the works of authors, who have explored various facets of urban development in St. Petersburg. Bater's analysis of social class shifts in Tsentral'nyy Rayon, St. Petersburg, and Bernt's examination of

¹ The Charter of the Inner-City Municipality of St. Petersburg, Ligovka-Yamskaya Municipal District, as amended by the decision of the Municipal Council dated March 4, 2021, No. 53.

gentrification in post-socialist urban contexts provide valuable insights into the city's evolving dynamics (Bater 2006; Bernt 2016).

Zhitin et al.'s study on the urban transformation of St. Petersburg and other relevant contributions highlight the socio-economic and spatial challenges that may parallel those in Ligovka-Yamskaya (Zhitin 2020).

By embedding my research in this discourse, I aim to contribute to the ongoing dialogue on urban sociology, planning, and cultural-historical perspectives. This study specifically focuses on residents' preferences and aspirations, enriching the collective understanding of how urban environments shape community dynamics. Through this contextualized exploration, the thesis aims to extend and refine the current discourse on residents' perceptions and experiences within the Ligovka-Yamskaya Municipal District.

Research Question and Tasks.

Main Research Question: How do residents of the Ligovka-Yamskaya Municipal District perceive and assess their urban environment in terms of physical, social, and cultural aspects?

This research question aims to explore residents' satisfaction levels with key elements such as infrastructure, public spaces, safety, community amenities, etc., and to identify prevalent challenges or issues within the current urban environment.

To address the main research question, the following tasks will be undertaken:

Evaluate Residents' Satisfaction with Key Urban Elements:

- Evaluate the residents' views on the infrastructure, recreational areas and neighbourhood within the Ligovka-Yamskaya Municipal District.

Identify Challenges and Issues:

- Investigate prevalent challenges and issues that residents encounter within their urban environment, focusing on physical, social, and cultural aspects.

Examine Residents' Ideal Urban Environment:

- Investigate the specific attributes that district residents envision as constituting an ideal urban environment, including preferences and expectations regarding urban design, green spaces, public services, and community engagement.

Conduct Comparative Analysis of Urban Perceptions and Ideals:

- Perform a detailed comparative analysis to identify similarities and differences between the current urban environment and residents' ideal visions, assessing physical, social, and cultural dimensions of the urban landscape as perceived by the community.

Formulate Improvement Recommendations Based on Urban Dissonance:

- Analyse the dissonance between the existing urban environment and residents' ideals to develop targeted recommendations for urban improvement. This involves synthesizing key areas of misalignment, gathering community feedback, and identifying actionable insights that can guide future urban planning and development initiatives in Ligovka-Yamskaya.

By addressing these tasks, the study aims to provide a comprehensive understanding of the residents' perspectives and to formulate practical recommendations for enhancing the urban environment in the Ligovka-Yamskaya Municipal District.

Literature review

The way residents represent their neighbourhood and the way they want to see it is inextricably linked to urban sociology, urban design, a discussion about the cultural and historical significance of urban areas and the existing research on St. Petersburg city itself.

Urban Sociology. Notoriously, urban sociology studies the social structures, processes, and dynamics within urban areas. It explores how individuals and groups interact, form communities, and experience social life in the context of urban environments.

A well-known sociologist J. Wirth defines “urbanism,” as a way of life characterized by specific social behaviours and attitudes prevalent in densely populated urban areas (Wirth 1938).

He contends that the sheer density and diversity of urban populations create a set of conditions that shape individuals' experiences and interactions in a fundamentally different manner than in less populated settings.

It is influenced by increased specialization and heightened social differentiation. While common to all members of the urban community, each individual may interpret and live this way of life with some degree of variation from others.

In Ligovka-Yamskaya, with its high population density and sufficiently heterogeneous composition, residents' perceptions of their urban environment and their ideals should be explored.

Moreover, Wirth brings important concepts of social fragmentation and a sense of belonging that are designed to help understand how urban characteristics shape feelings of community or alienation.

J. Jacobs' offers a groundbreaking critique of urban planning practices and advocates for a more people-centred approach to city living (Jacobs 1961).

Jacobs challenges prevailing urban renewal strategies of the time, arguing for the importance of community engagement in shaping urban environments and finding out whether there are mixed-use areas that foster community interaction (“active streets”).

Jacobs also focuses attention on the safety perceptions of residents and whether the design of public spaces allows for effective natural surveillance (concept of “eyes on the street”).

In turn, M. Castells explores the emergence of the “informational city” and its impact on social organization, power structures, and spatial arrangements (Castells 1989).

Another work is Henri Lefebvre’s “The Social Production of Space”, which redefines understanding of urban spaces, emphasizing that they are socially constructed through daily practices, power dynamics, and cultural expressions (Lefebvre 1991).

Applying Lefebvre’s lens to Ligovka-Yamskaya might involve exploring how residents actively shape their urban environment through everyday activities and cultural practices, providing a nuanced understanding of how the social production of space influences residents’ perceptions and experiences in the district.

As for more recent research, McAndrews et al. explored the vital role of community participation in urban transportation planning, specifically in the redesign and revitalisation of San Pablo Avenue in California (McAndrews et al. 2006). It underscored the substantial impact of residents on various activities along the arterial, such as shopping, personal business, pedestrian traffic, transit ridership, and auto use. Additionally, it emphasized the need to consider not only the physical environment but also social and economic conditions, including neighbourhood concerns and aspirations.

Leyden et al. more broadly examined the impact of the built environment, public policies, and social connections on community satisfaction in 10 cities (Leyden et al. 2011).

The main findings indicated that factors such as access to parks, public transportation, cultural amenities, and positive social networks significantly influenced residents’ satisfaction with life in their cities. Additionally, aspects like aesthetics, safety, and economic conditions were found to play a crucial role in shaping community satisfaction.

For St. Petersburg, understanding these trends is crucial as it situates the city within the broader spectrum of global urban development, highlighting both the challenges and opportunities presented by neoliberal urbanism.

Urban Planning and Design. The study likewise relates to research areas in urban planning and design by assessing residents’ preferences for specific attributes in their urban environment.

For that reason, it is important to note Kevin Lynch's "The Image of the City", which explores how people perceive and navigate urban environments (Lynch 1960). By understanding the concepts of imageability, legibility, and the elements contributing to mental maps Lynch focused on cities' distinct identities and design.

Jan Gehl in his book "Cities for People" also advocates for human-centric urban design, emphasizing vibrant public life, pedestrian-friendly environments, and human-scale planning (Gehl 2010).

In the context of Ligovka-Yamskaya, Gehl's principles' importance to residents could be taken into consideration. Such as public spaces, pedestrian-centric design, the environment tailored to human scale, and community engagement in the design process.

Similarly, Lund et al. focused on the sense of community affected by pedestrian environments (Lund et al. 2002). The methodology involved surveys in two distinct Portland neighbourhoods to examine this impact. Their findings indicated a more pronounced sense of community in traditional neighbourhoods compared to automobile-oriented ones, with significant influence from pedestrian environment factors.

As for the mental maps mentioned by Lynch, Mirza et al. used an Active Perception Technique (APT) to capture key perceptual features of the area (Mirza et al. 2020). APT is a method for measuring urban scene preferences by having individuals draw landscapes from memory. As a result, participants expressed a preference for natural elements in urban "windowscapes" over built features. Furthermore, among natural features, large bodies of water and the sky were the most favoured. Among built features, landmarks stood out as the most preferred, receiving strong positive ratings from participants.

Another research concerned with the phenomena of "windowscapes" was the one conducted by Batool et al. in 2020. The study was concerned with the impact of window views in urban settings on various aspects of human well-being. Favoured urban views typically included people, vibrant colours, well-maintained buildings, and naturalistic elements, leading to gaze behaviours with fewer and shorter fixations (Batool et al. 2020).

Cultural and Historical Significance of Urban Areas. To some extent, by acknowledging the cultural and historical value of the Ligovka-Yamskaya Municipal District, the thesis might intersect with research that emphasizes the significance of preserving and understanding the cultural heritage of urban areas. This aligns with existing literature on the role of history and culture in shaping urban areas.

That way, in David Lowenthal's work "The Past is a Foreign Country", the complex relationship between memory, history, and place is being explored (Lowenthal 1985).

It could be interesting to know how the Ligovka-Yamskaya residents perceive and engage with the past in their urban setting, and how it affects their views in modern times.

Tim Cresswell adheres to a similar idea of the focus on cultural, historical, and social dimensions within urban areas (Cresswell 2004). In his book "Place: A Short Introduction" he provides a theoretical framework for understanding how places acquire meaning through human interactions, memories, and narratives. It might be of value to discuss the heritage, identity, and dynamic nature of the Ligovka-Yamskaya district with locals as well.

The meanings of places to residents become a central topic for Liu et al. too, as they argue for prioritizing public perceptions of authenticity of the place (Liu et al. 2019).

Their study concludes that former methods overlooked the public's understanding of heritage values crucial for identity, sense of place, and sustainable urban heritage use.

Research on St. Petersburg City. Moving to the research on the St. Petersburg city, some studies help unfold the city's current urban narrative. These contemporary explorations shed light on how St. Petersburg has evolved economically, spatially, and socially. These studies might offer valuable insights, helping understand the challenges and opportunities shaping the present identity of St. Petersburg in the urban landscape.

J. Bater's study in Tsentral'nyy Rayon, St. Petersburg analysing social class shifts during the city's market economy transition aligns with my research. Bater's findings on changing demographics and residents' attitudes towards quality-of-life indicators, housing, and district attachment provide valuable historical context (Bater 2006). The study's insights into traffic congestion's impact on residents' attachment resonate with the focus on urban challenges as well.

Matthias Bernt's examination of gentrification in post-socialist urban contexts is connected to exploration of St. Petersburg's urban transformation too. She focuses on gentrification and defines it as a complex urban process marked by neighbourhood upgrading, wealthier resident influx, rising property values, and lower-income resident displacement (Bernt 2016). The study emphasizes the importance of understanding local complexities and historical legacies in shaping urban changes.

More recent example of studying urban context change in St. Petersburg is the one by Zhitin et al. Their insights about growing social segregation, spatial contrasts and the need for restructuring align with the broader urban challenges that may impact the district (Zhitin et al. 2020). The study offers valuable perspectives on demographic change, suburbanization, and gentrification additionally.

Anokhin et al.'s study on post-Soviet urban development in St. Petersburg corresponds with the topic as well. The findings highlighted the city's entry into the post-industrial stage, retention of industrial elements, and impact of the Soviet past (Anokhin et al. 2017).

Authors' identification of non-linear transformation processes resonates with my study's focus on urban improvement challenges and residents' ideals.

Linov's study, which delves into the redevelopment of Saint Petersburg's historical centre, sheds light on the challenges and opportunities associated with enhancing unique urban fabrics. Linov emphasizes the importance of socially friendly spaces, accessibility, and vibrant public areas (Linov 2015). His proposed approach, including the creation of new squares, pedestrian streets, and passageways, aligns with the goals of my study in understanding residents' preferences for an ideal urban environment.

And there is also an example of the study which explores the emotional perception of urban environments in St. Petersburg. Nenko et al.'s innovative use of the "Imprecity" platform to collect and analyse data on urban emotions provides valuable insights applicable to understanding residents' sentiments in my study area (Nenko et al. 2018). Authors' emphasis on improving subjective well-being and enhancing urban life through placemaking recommendations links emotional experiences to the urban environment in a meaningful way.

In conclusion, the thesis intersects with urban sociology, planning, and cultural-historical perspectives. From urban sociology, Wirth's framework explains the impact of density on community (Wirth 1938). Lynch and Gehl's urban planning concepts emphasize human-centric design and community engagement (Lynch 1960; Gehl 2010). Cultural and historical dimensions, explored by Lowenthal and Cresswell, offer insight into residents' engagement with their urban past (Lowenthal 1985; Cresswell 2004).

In connection with St. Petersburg's narrative, studies by Bater, Bernt, Zhitin et al., etc. provide context for Ligovka-Yamskaya's challenges and opportunities (Bater 2006; Bernt 2016; Zhitin et al. 2020). These contemporary insights enrich the understanding of the city's economic, spatial, and social evolution, aligning with the thesis's exploration of residents' sentiments.

Description and motivation behind the methodology

The methodology will include the use of in-depth semi-structured interviews as the primary means of data collection. These interviews will offer an in-depth exploration of residents' perceptions, experiences, and aspirations related to the urban environment. The motivation behind this

methodology is the following — semi-structured format allows for flexibility, enabling respondents to articulate their thoughts freely while ensuring key themes are systematically addressed.

The interviewing was successfully used in C. Bieling et al.'s paper on the linkages between human well-being and the natural environment (Bieling et al. 2014). Semi-structured interviews were chosen by the authors to capture residents' diverse perspectives on the urban environment. With the interviews, they found out that public awareness, environmental education, and opportunities for engagement with natural surroundings are most essential for addressing experiential factors in preserving human well-being.

Marshall et al. emphasize that the depth and reliability of qualitative data are paramount, suggesting that the focus should be on extracting rich, detailed insights rather than meeting a numeric target (Marshall et al. 2013). This approach to selecting the number of interviews aligns with the methodology's goals to comprehensively explore resident perceptions while ensuring the study remains feasible and rigorous.

Incorporating mental maps into this study, inspired by Kevin Lynch's approach aims to complement interview data with visual representations of residents' cognitive images of their urban environment (Lynch 1960). This approach not only enriches the qualitative data gathered through interviews but also provides a tangible manifestation of the residents' perceptions, priorities, and connections to their city.

Glazkov notes that mental maps can effectively reveal the “imaginary city” shaped by residents' experiences, memories, and social interactions (Glazkov 2015). This aspect is crucial in analysing how the residents of Ligovka-Yamskaya district perceive their environment, particularly in terms of areas they value or see as problematic. Furthermore, Glazkov's analysis provides a critical look at how external perceptions, such as those shaped by city branding or narratives imposed by outsiders, can diverge significantly from the internal views held by the city's inhabitants.

Similarly, Whitehand explores urban morphology through mental maps, offering insights into how the physical structure of cities influences resident perceptions (Whitehand 2022).

The inclusion of mental maps, therefore, allows for a multidimensional analysis of urban environments, blending physical spatial data with the intangible qualities that define the lived experience of a city. By employing mental maps, this study follows a proven path to uncovering the layered, complex relationships residents have with their urban surroundings, thus offering a comprehensive view that bridges urban planning with subjective human experience.

In conclusion, the chosen methodology of combining in-depth semi-structured interviews with the innovative use of mental maps presents a robust framework for capturing the complex dynamics of urban environments. This approach ensures a holistic understanding of residents' perceptions, grounded in both their articulated experiences and cognitive representations of space.

Sampling strategy and method

Purposive sampling method is used in the research. The condition for the participants is to live in the Ligovka-Yamskaya district on a permanent basis for 5 years or more. The number of 5 years can be justified by the fact that according to Russian law, for a foreigner to obtain Russian citizenship in the usual manner, it is required to live continuously in Russia for 5 years on a residence permit.² That way the status of a “local citizen” of the district can be compared with achieving the status of a citizen of the country to a certain extent.

Purposive sampling is chosen for its effectiveness in identifying participants who can provide relevant perspectives, crucial for exploring the complex dynamics of urban environments. As highlighted by S. Denieffe in her commentary on purposive sampling, this method allows researchers to strategically select individuals who meet specific criteria, enhancing the depth and relevance of the data collected (Denieffe 2020).

Recruitment through social networks such as Telegram and VK is identified as an efficient strategy to reach and engage potential participants within the Ligovka-Yamskaya community. This approach not only facilitates access to a wider pool of eligible residents but also supports the unobtrusive solicitation of participation.

The developed interview guide is divided into thematic blocks, each designed to elicit contextualized data that reflects the complexities of urban life and environment as perceived by the residents of the Ligovka-Yamskaya district. The blocks within the interview guide are as follows (Appendix 2):

Biographical and Demographic Data: Establishes the context for each respondent's experiences within the district, informed by sociodemographic factors that may shape their perceptions and interactions within urban spaces.

Current Urban Environment Perception: Seeks to understand the resident's comfort and satisfaction with their living conditions, a key component in evaluating urban quality of life.

² Decree of the President of the Russian Federation. 2002. “On Approval of the Regulations on the Procedure for Considering Issues of Citizenship of the Russian Federation.” No. 1325. Dated 11/14/2002. Edited on 07/03/2023.

Social and Cultural Aspects: Investigates the importance of cultural and social landmarks and activities in the community, recognizing the integral role they play in shaping urban identity and social cohesion.

Community and Space: Explores the social dynamics of the district, including feelings of belonging and community involvement, following the sociological tradition of community studies.

Changes and Challenges: Addresses the transformations and issues faced by the district over time, mirroring the research trend in urban studies that focuses on gentrification, urban renewal, and sustainability.

Ideal Urban Environment Vision & Future: Encourages respondents to articulate their aspirations for the future development of the district, a process grounded in participatory urban planning research.

Method of Mental Maps: Incorporates a creative and introspective technique that asks respondents to visually represent their current perception and ideal vision of the urban environment. This innovative method adds a layer of depth to the qualitative data and is rooted in the seminal work of Kevin Lynch on urban form and cognitive mapping (Lynch 1960).

By integrating theoretical frameworks with methodological rigor, the interview guide is designed to capture subjective experiences of urban residents, providing valuable insights into their daily lives and aspirations for urban living.

Results

As a result of the fieldwork, 15 in-depth interviews were conducted, and mental maps from 4 respondents were collected.

In the course of the work, it turned out that the method of mental maps often causes difficulties for respondents. Some of the respondents refused to draw maps, arguing that they had low artistic skills, although they were informed that the latter were not necessary when reproducing their vision of the area. Other respondents seemed frustrated by this method, and some of the respondents openly said that they were not comfortable with this method.

The difficulty some respondents faced with mental maps, including discomfort due to perceived inadequate artistic skills etc., underscores a broader issue of accessibility in participatory research methodologies. However, these challenges also provide insights into the varied levels of engagement and the psychological barriers that can influence participatory activities. By adapting the methodology to only include voluntary participation in the mapping exercise, the study respects ethical considerations while still gathering qualitative data from those willing to express their spatial awareness creatively

The demographic data of the respondents varies, this is due to the fact that the respondents were recruited through Vkontakte groups (“Наш Дом — Лиговка-Ямская”, “Муниципальное образование Лиговка-Ямская”) respectively, the audience of subscribers of the groups is quite different. (Appendix 1)

However, it is possible to note the prevalence of older respondents who are concerned about the problems of the district. It can also be noted that 11 out of 15 of them have completed higher education, which could correlate with higher levels of civic engagement and awareness of urban issues. This educational background might also influence the community’s expectations and demands regarding urban planning, public services, and community activities. The respondents’ level of education and area of professional activity might also indicate a relatively high social class of the respondents.

Current Urban Environment Perception. First, when considering the concept of a “comfortable residential area”, residents highlight the presence of convenient transportation infrastructure, shops, clinics, parks, and a large number of green spaces.

“A comfortable area is close to the metro, has well-functioning ground transport, proximity to supermarkets, equipped playgrounds, the presence of greenery, and parks and squares within walking distance.” (R2)

Respondents also focus on their personal well-being regarding a comfortable living area, feeling it as an extension of their home.

“A comfortable living area is where I feel good. Primarily, I suppose, it includes shops, parks for walks. That’s important to me.” (R4)

“A comfortable living area for me is an extension of my home. Everyone wants to be comfortable in their house, near the entrance of their house, nearby. And I want my neighbourhood to be an extension of my home, to be cozy and comfortable for walking around.” (R8)

In turn, 12 out of 15 interviewees noted that the Ligovka-Yamskaya area is comfortable for living, although words like “partially” and “almost” appeared in their descriptions of satisfaction with the area. Notably, some respondents considered relocating, but none plan to actually move in the foreseeable future.

Further examining key aspects of the current urban environment, respondents expressed several aspects that, in their view, require improvement.

Greenery and Parks. Overall, residents feel a significant lack of green spaces in the area, noting the low number of trees and greenery. The need for more parks and squares is frequently mentioned.

"The only thing I can highlight is the Metropolitan Garden, which is somewhat green, but it is not urban territory, it is part of the church, not municipal land. As for actual municipal parks, squares, everything is very bad here." (R3)

"Well, it's obvious that there is a lack of greenery. And it feels like there's a lot of asphalt and few trees. There is a deficiency, it is felt. At the same time, this is probably specific to the area, which is located in the city centre." (R4)

"Where are they? Parks, squares? The only one is in the Lavra (Metropolitan Garden) and even there it's either a psychiatric hospital or a cemetery (necropolis) around. We hardly have any squares or parks." (R8)

"There are absolutely no green plantings in our complex (Tsarskaya Stolitsa). There are some plantings that the management company planted around its house on Kremenchugskaya, 13. The rest of the complex is just like a steppe. There isn't a single tree, not a single green planting, no parks, no dog playgrounds." (R10)

Cleanliness of the area. Opinions on this point vary, with some respondents expressing satisfaction with the current state of cleanliness, while others point to serious issues. Generally, the popular opinion is *"it could be better." (R2)*

"Nevsky is still more or less okay. If you turn anywhere else — everything, they don't clean there and there's dirt. And lots of cigarette butts. I really don't like it. I quit smoking. I don't like that there are a lot of cigarette butts." (R8)

"I consider the cleaning of snow and trash unsatisfactory because it is impossible to drive cars in winter." (R10)

Condition of buildings and courtyards. In this aspect, perceptions vary. Some respondents are satisfied with the state of renovated old buildings, while others note the presence of abandoned buildings covered in graffiti.

"Now a mass reconstruction has started, absolutely everything for some reason on our Staronevsky street is in the process of renovation." (R1)

"Everything is fine, except for only the nearby Botkinskaya hospital, old and strange..." (R5)

"There are many buildings, I see, designated for demolition. So, of course, the scene can be unsightly. As you walk — they are all in graffiti. But still, in Ligovka-Yamskaya, I see, they eliminate most vandalism cases." (R7)

Street lighting and safety. Street lighting in the area has not dissatisfied any of the respondents. Regarding safety issues, residents mention some problematic aspects, while noting that these issues are currently being addressed.

"I'm comfortable, I have no problems. Yes, we used to have a migrant dormitory on Telegnaya, there were dubious places there before, but that

was just a couple of years ago, even at that time I had no sense of insecurity, and now it's even somewhat better.” (R3)

“In 2019 there were a lot of homeless people because of the Moscow Railway Station, it was not very safe, but now everything is fine.” (R13)

“You know, there are some drug dealers here. This is in the area. But the police are working.” (R14)

Social infrastructure. From the respondents' quotes, there is a significant number of schools in the Ligovka-Yamskaya municipal district, ensuring accessibility to educational institutions for residents. However, the situation with kindergartens is problematic, with an insufficient number of facilities and unfulfilled promises of new ones.

“From what I feel, we have a lot of schools here, from talking to people, in this part of Ligovka-Yamskaya that's beyond the railway station, we have three schools right here: on Goncharnaya, on Kharkovskaya, and on Nevsky. They fully cover all details about schools. But kindergartens are very bad.” (R3)

“In Tsarskaya Stolitsa (residential complex), they were supposed to build preschool institutions on the municipal wasteland. They were supposed to build a kindergarten and a school by 2023. But so far, nothing. The authorities promise.” (R7)

Transport infrastructure. The overall picture of transport infrastructure in the Ligovka-Yamskaya municipal district appears somewhat varied. Mainly, the metro receives positive reviews for its accessibility and convenience. Opinions about buses, however, are mixed: while some respondents are satisfied with the existing routes, others express disappointment in their effectiveness or convenience.

“It's convenient that several metro stations are nearby. Regarding buses, generally, everything is fine.” (R1)

“In Ligovka-Yamskaya itself, we only have bus number 58 running on Kremenchugskaya, but honestly, it's so pointless, I don't even consider it. But generally, for me, as probably a non-old, healthy person, it's fine. How elderly people reach the stops, I don't know. Maybe it seems too far for someone.” (R3)

“From the perspective of how transport operates, I think it's excellent: the metro is nearby, buses run, and you can even walk to the tram. But from the perspective of the vehicle fleet itself, they are very old, sometimes it seems like the trams have seen The Siege and The Revolution...” (R9)

Children's and sports playgrounds. From the statements of the respondents, it's clear that the situation with children's and sports playgrounds in the Ligovka-Yamskaya municipal district is far from ideal. While children's

playgrounds exist and can be used, some of them need repair and updating. Meanwhile, public sports playgrounds are absent in the area.

"It would be nice if they (children's playgrounds) were repaired as needed and had lighting installed." (R2)

"I wouldn't say I'm thrilled, but there are children's playgrounds, they can be used. Maybe they're not always fenced as they should be. There are some old playgrounds. But overall, they exist, which is good." (R12)

"There are no public sports playgrounds in our area. There are two sports playgrounds at schools on Telezhnaya and Goncharnaya, but they don't let everyone in. There are no public sports playgrounds in this half (on the right side of the railway tracks) at all. In that one, on Ligovsky 104, I think, there's one sports playground, and it's terrible. Yes, the situation with sports playgrounds is very bad." (R3)

Roads. Residents express dissatisfaction with the condition of the road surface, noting the presence of potholes and holes on some streets, especially on Voennaya Street. The lack of attention from the authorities to road repair and maintenance in the area is noted.

"If you take Nevsky, I rate it positively. If you take the road on Voennaya Street, between the railway and the Tsarskaya Stolitsa residential complex, I consider it an insult to the military and the citizens of our city because there are potholes and holes." (R6)

"Intra-block driveways are a problem. There are potholes, there are issues." (R7)

"Very bad, that is here Voennaya Street, which, well, Beglov promised to fix when he was first elected. And now, as I understand it, with his re-election, the promises to fix Voennaya Street, as we understand, are still in the same place." (R11)

Pedestrian zones, sidewalks. Overall, respondents expressed satisfaction with the state of pedestrian zones and sidewalks in the municipal district. However, some residents made comments and suggestions for improving the infrastructure. There are requests to add dedicated bicycle lanes to enhance safety for cyclists and reduce conflicts with pedestrians. Accordingly, there was also a desire to ban the movement of scooters in pedestrian areas to ensure safety and comfort for pedestrians.

"What I most want is to ban scooters and other non-pedestrians from pedestrian zones!" (R2)

"Pedestrian zones, signs are up, traffic lights work, sometimes there's a lack of bicycle lanes, for example, if you compare with Moscow, there's a lack of dedicated bicycle lanes, but as it is." (R4)

The analysis of the current state of the urban environment in the Ligovka-Yamskaya district shows varied resident opinions based on individual expectations and preferences, illustrating the challenge of meeting diverse urban needs within a single municipal district, as discussed previously (Carmona et al. 2003).

Concerns about insufficient green spaces align with sustainable urban development theories (Beatley 2000), emphasizing the necessity of natural spaces for enhancing urban life quality.

The state of buildings varies significantly, highlighting the need for a balance between preservation and modern development. Positive ratings for street lighting and safety underscore the importance of effective urban planning and management for ensuring public safety and comfort (Jacobs 1961).

Transport infrastructure, while accessible, receives mixed feedback regarding the convenience and condition of transport vehicles, reflecting the emphasis on the quality of transport services.

Reviews of children's and sports facilities, roads, and pedestrian areas suggest the need for a comprehensive approach in urban infrastructure development, accommodating the diverse needs of the community.

Social and Cultural Aspects. Respondents identified landmarks such as the Alexander Nevsky Lavra, Moscow Railway Station, and nearby metro stations as the most significant for them in the area.

"First and foremost, the metro. Regardless of everything, we rely on the metro. I believe that having a metro entrance is important for us." (R4)

"It's important that the Moscow Railway Station is nearby. It offers the ability to move quickly, to travel to Moscow as soon as possible, and actually, this was one of the main factors why this particular apartment was chosen in this area because I often have to travel to Moscow. It's important, it's convenient, it's great." (R14)

"The Lavra is significant, not just because it has pleasant green spaces with water and all, but because I'm someone who goes there to enjoy it like a park, not a cemetery." (R11)

Among the cultural spots in the area, besides Alexander Nevsky Lavra, the Cathedral of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God and the cultural-historical centre — the House of the Romanovs (now private) — were mentioned. The State Museum of Urban Sculpture in the district was rarely noted by the respondents and not in the best light.

"Referring to the Ligovka Yamskaya area? The Museum of Urban Sculpture. I think it could be more active, run interesting programs, lectures, and attract locals. As it is, I think it's a very passive museum."

I don't remember any other museums here. The architecture on Staronevsky street isn't what it is at the beginning of Nevsky." (R6)

"From a cultural standpoint, the Alexander Nevsky Lavra is significant as it is a monument of architecture. The Feodorovskaya Cathedral is also very interesting as it's where the children of Nicholas II were baptized, and it served as a sort of family church where all Christian holidays were celebrated. The House of the Romanovs, where the royal family stayed, is also in our district." (R10)

It is quite important that respondents did not consider the Ligovka-Yamskaya area typical for St. Petersburg, possibly only typical for the city centre.

"This is more like St. Petersburg for tourists. After all, there are more leisure institutions here. As in any city centre, everything is better arranged, while in other districts, it's more about high-rise residential buildings and so forth. Objectively, perhaps, one shouldn't judge the whole of St. Petersburg based on our district." (R1)

"Well, I would say it's a typical central district of St. Petersburg. You see, our city is very much divided into two: the central districts like 'Vaska', 'Petrogradka', the central district itself, the centre. And the rest of St. Petersburg, places like Kupchino, Akademicheskaya, and others, can't even be compared with each other, but Ligovka-Yamskaya is a typical central district of St. Petersburg." (R3)

Meanwhile, there were opinions that Ligovka-Yamskaya is a unique miniature example of the city of St. Petersburg, or else a standard district for the city.

"I would say that our district in microcosm reflects the essence of St. Petersburg: its historical heritage, culture, and even the contemporary problems of urban life." (R9)

"Clearly, it's not the best district in St. Petersburg, but not the worst either, just a standard one. I would rather judge by districts in St. Petersburg, maybe somewhere like Chernyshevskaya or Tekhnologicheskyy Institut, or more so, Gostiny Dvor." (R11)

Therefore, the analysis of the Ligovka-Yamskaya cultural aspects reveals a complex urban identity shaped by its historical landmarks and modern cultural life. Residents appreciate key sites like Alexander Nevsky Lavra and the Moscow Railway Station for their cultural and practical importance. This highlights the need for urban planning that integrates historical heritage with the demands of contemporary urban living, as discussed in urban studies (Castells 1989; Lefebvre 1991).

The district's characterization by its residents as both typical and unique reflects its dynamic role within the broader context of St. Petersburg, aligning with discussions on urban identity and space (Lynch 1960; Gehl 2010).

Community and Space. Speaking of the characteristics of the people living in the Ligovka-Yamskaya area, respondents noted a predominance of elderly people and native St. Petersburg residents. At the same time, the presence of a different type of people in newer buildings (constructed in 2016 and later, for example, the Tsarskaya Stolitsa residential complex) was also mentioned.

"There's a big separation into two categories of citizens: residents of the older housing stock and residents of new buildings. And there's a fundamental difference between them in almost everything. Residents of the older housing stock have their own specifics; they are less interested in changes, more accustomed, predominantly older generation, among other things. Well, there are probably more marginalized people on average, but I don't want to say they are all marginalized, of course not." (R3)

"You know, most of the people here in the complex (Tsarskaya Stolitsa) are newcomers, only a few are native St. Petersburg or Leningrad residents. Mostly newcomers. Accordingly, their views are somewhat different." (R7)

"I often meet various pensioners here who are real native St. Petersburg residents and have lived here for a very long time. It seems to me that there are quite a lot of such people here." (R13)

Overall, the atmosphere of the area is described by respondents as "peaceful," "quiet," "cultural."

"Specifically, the part of Ligovka Yamskaya where I live (older housing stock) is quiet and peaceful; nothing particularly noisy ever happens here, and it's very calm." (R15)

"The atmosphere here is warm and friendly. Although there are shortcomings that I described, the historical atmosphere makes it special. I would describe it as 'lively,' 'cultural,' and 'somewhat mysterious.'" (R9)

Yet, there were opinions expressed about the need for transformations in the area, its "polishing."

"Such an uncleaned diamond, such an unpolished diamond. That's how I would put it, because to see the beauty and charm of this area, you need to understand a bit about what's happening inside. On one hand, it lacks gloss, but at the same time, it has the spirit of Petersburg, the old one described by Dostoevsky. It's like, you know, there's a rose flower, and there's some unknown flower that's no less beautiful." (R4)

"A bit depressing, I would say. On the whole, yes. Why? The buildings give a sense of neglect and disrepair; that officials have given up on us, the development hasn't finished, like a lot was left unfinished and undone." (R2)

All respondents noted a sense of their social belonging to the district, the fact that the district is very familiar to them.

"I've been living here for the seventh year, I've kind of gotten used to it. I still criticize, but somehow, I like it and this church (Alexander Nevsky Lavra). I'm a religious person, and there's a church there too. Not only in the Lavra. And yes, I feel like a local and it seems to me, though slowly, but still, everything will be done for us. Everything will be fine, cozy." (R7)

"Yes, I really love Ligovka-Yamskaya. I find its history very interesting. I read and search for information about what was here before. Although I'm not from here, I feel very good about this place, it's close to me, I consider it my native home." (R14)

As for the social life of the district, tenants mentioned only volunteer clean-up days and their contentious attitude towards them.

"There are volunteer clean-up days, but I haven't gone to them. Because you kind of look at how the district administration spends money on cleaning, and nothing gets cleaned, and the motivation to go and clean it up yourself when a lot of money is spent on it is somewhat lacking." (R11)

"I have some feeling that in these volunteer clean-ups, I am somehow used by officials, that it is they who should have arranged the cleaning of this place, they have ignored this problem all this time. Or even worse, there is a wasteland here, there is a contract to clean it. That is, the city's budget pays money every year for a company that won the tender to clean this wasteland. They don't clean, and then we, the residents, must come out and clean it up instead of the officials." (R3)

Some respondents also noted interaction among tenants, friendly relations.

"We have very close interactions with neighbours because again we have lived in the same yard for many years, and everyone knows each other in our house. If something is needed, we turn to each other." (R6)

"When the children were little, I communicated with parents at playgrounds, at school, at kindergarten. People are nice, we talked. Neighbors are friendly, we are now in good friendly relations." (R2)

Thus, the Ligovka-Yamskaya district showcases a split between established residents and newcomers in modern developments like Tsarskaya Stolitsa, reflecting urban gentrification trends (Bernt 2016; Anokhin et al. 2017).

Residents describe the district as "quiet," "peaceful," and "culturally rich," aligning with ideas on urban identity.

Community interactions, like clean-up days, reveal a critical social fabric, questioning the efficacy of local governance.

Changes and Challenges. Discussing changes in the Ligovka-Yamskaya area over the past few years, respondents noted some changes in the external appearance of the municipal district, including restoration and the construction of new buildings. However, the attitude towards the new buildings site developments is rather negative.

“The only thing is that a new residential complex is now being built next to the church (Cathedral of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God). Ideally, I would have liked a park there, but apparently, another residential complex is needed next to the other three residential complexes.” (R1)

“A new building is being constructed, which will be taller than the Cathedral of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God. There is also new construction nearby. But these buildings almost all face the Botkinskaya Infectious Disease Hospital. It’s dilapidated, frightening, and the main building is made of red brick. The architecture leaves much to be desired. It’s not elegant, kind of like a crematorium.” (R6)

There is also an opinion that no desired changes have occurred, with criticism directed at the authorities.

“I noticed that in 2019 when Voytanovsky became the head of the district, everything became very bad. There’s even a budget published by the municipality. Previously, 20 million rubles were spent on the landscaping of the territory, and they really repaired roads, intra-block driveways, and courtyards. Every year the previous head, Kovalev, installed a new playground. Since 2019, absolutely nothing has been done.” (R3)

Residents cited the most acute problems of the district as the lack of greenery and parks, as mentioned earlier, but also poor conditions of intra-block driveways and insufficient attention to the maintenance of older buildings.

“Well, the older housing stock is a problem. Who will preserve it? How will it be repaired, saved from destruction, from mold, and all that? I would say later than integrating new buildings into an old district, and ours is really an old district of St. Petersburg, it also puts a certain load on the utilities. And whether builders think about it? This is important. Of course, it’s a question related to greening too.” (R4)

“I know for sure and from neighbours — it’s the repair of the road, especially intra-block ones, courtyards, repair of courtyards, and greening. Three things. Playgrounds are probably also in very bad shape. We need some kind of simple courtyard improvements.” (R13)

Overall, the sentiment towards new buildings developments is predominantly negative, with a preference for more community-oriented spaces like parks over additional residential complexes. Criticism is directed at local authorities for perceived neglect in maintaining and improving the

district, especially in older areas and public spaces. Key issues highlighted include inadequate green spaces, the poor condition of roads and public infrastructure, and the need for better care of historical buildings.

Ideal Urban Environment Vision. Transitioning to the topic of the ideal urban environment in the Ligovka-Yamskaya municipal district, it should be noted that for residents, the priority is primarily increasing green areas and spaces for relaxation.

"I dream of a district where there are parks, where residents can calmly walk in the evenings with their children and small pets, with ample parking in our courtyards, and good road surfaces. We need to install benches near entrances, add lampposts, and more flowers. It's necessary to green our courtyards because currently, we lack even lawns in some places." (R10)

"If we imagine a dream district, inside, of course, it should look like New Holland, but that's something unattainable, clearly not in the near future. Well, in the sense that the quality elements of this environment, it means not just laying tiles, but laying them well and beautifully, not just having flower beds from the Soviet Union, but beautiful ones with various grasses, correctly planted, which don't die the next year. Trees and squares, which are lacking here." (R11)

"Beautiful tiles, trees, some things like that. That's all I would like. And maybe a place, where there's a square on the way, where you can sit, relax, drink coffee, listen to the birds. The benches. I love benches, even though many worry that alcoholics might sit there, but if it's a nice, popular square, it will be fine. That's what's missing, actually, it's sad, and it's what I dream about. That's how I imagine it." (R15)

However, there were also suggestions about building a pedestrian bridge over the railway tracks at Moscow Station, and even about possibly constructing a fountain in the district.

"I often need to go to the other side (of the railway) for work, and I would build a pedestrian bridge. Of course, the railway is there, it can't be helped. Right from here, from these silly garages, which also spoil everything a bit. On the other hand, they protect us from the noise and dust from the railway, and it could be made pedestrian. People could get to the other side of their district, without having to go around through the station." (R8) (The responded depicted the bridge on the mental map — Appendix 6)

"I don't know why, but it seems like a fountain is missing now. Yes, maybe there's a lack of a fountain somewhere because in the summer, St. Petersburg should have fountains, and generally, it feels like there should be some beautiful place, well-maintained, of course, with trees and fountains." (R4) (The responded depicted the fountain on the mental map — Appendix 4)

Regarding initiatives aimed at improving the urban environment in the district, respondents were ready to support initiatives for greening and road repairs. At the same time, few are ready to actively participate in these initiatives, and again, residents are sceptical about volunteer clean-up days.

"I would support a greening initiative 100 percent, then playgrounds, as I mentioned, 100 percent and for some solutions specifically for road traffic, somewhere." (R7)

"I think my maximum would be to sign a petition or register somewhere, but actually doing something actively, I'm not ready." (R1)

"Well, I'm not too keen (on participating in initiatives). I also pay money for my housing fee. But I would go out on a clean-up day and clean up trash. Like everyone came out and planted trees. They brought tools and said here you are, let's plant trees. I would go and plant and take my children. It's interesting to plant. Then in a few years, you can go and see how your tree is growing, take care of it." (R8)

"Well, I would like to influence what will be in the district, but some initiatives like a clean-up day don't motivate me. Well, in terms of deciding whether we will have a square built or a school — That's what I would like because some decisions, yes, they break some logic of the districts, or to influence the removal of this fenced area near the church (Cathedral of the Feodorovskaya Icon of the Mother of God). Such more common activities in the form of festivals or clean-up days do not motivate me." (R11)

Despite the issues noted earlier, residents' views on the future of the district remain optimistic, with hopes for changes and gradual improvements in the surrounding urban environment of Ligovka-Yamskaya.

"Well, they have started restoration, which has been ongoing for several years in our district. The district begins to look visually better; they have started cleaning it more often. Despite the fact that I'm still not completely satisfied, it's better than it was. And I think it will become more comfortable to live in the district and I hope this will continue." (R1)

"Oh, I want to believe that it will be pleasant here. There will be development of the territory in the Tsarskaya Stolitsa and around. I think there will be more recreational zones, changes in general." (R7)

"I'm sure that what I said, our authorities should finally see and make a park, square, walking areas... Just such a place we have is wonderful and historically significant." (R12)

However, there were also some pessimistic views on the future of the district:

"I don't know, it will probably stay as it is (about the future of the district)..." (R11)

It is interesting to explore in more detail the opinions about the participation of the residents themselves in shaping the future of the district. Respondents agreed that residents generally don't decide anything, and do not influence the future of the district due to their passivity or lack of interest.

"I think that residents themselves do not realize the power they have, and while such a passive mass, they don't understand the opportunity they have to influence decisions. I think residents have the opportunity to influence through public organizations and some campaigns, maybe, although it's hard to say now, but nevertheless, like that." (R4)

"It's not us who participate. All municipalities with their residents should be like mom and dad for us. And take care of us. They are paid for this. Because at one time Yeltsin, who formed these municipal districts, to show what democracy is in Russia." (R6)

"All the residents are lazy. Everyone wants everything, but no one wants to do anything. We all want things to appear magically, like from a genie, and that's it." (R8)

To summarize, Residents of the Ligovka-Yamskaya district envision their ideal urban environment as one significantly enriched with green spaces, parks, and well-maintained public areas, emphasizing the desire for more accessible and aesthetic urban spaces that facilitate relaxation. The expressed need for improved pedestrian infrastructures, such as walkways and bridges, highlights a broader aspiration for a more interconnected and pedestrian-friendly neighbourhood. Although new constructions are generally viewed with scepticism due to concerns over architectural harmony and the preservation of the district's historical character, there is a clear call for thoughtful urban planning that respects the local context while enhancing the quality of urban life. Residents are ready to support initiatives that promise to beautify and maintain their surroundings, although active participation remains limited, revealing a gap between the desire for a better environment and the willingness to contribute actively to these changes.

Mental maps. The use of mental maps in this study has provided some insights into how residents perceive their urban environment in both its current state and their ideal vision for the future. These maps, analysed alongside narrative descriptions from interviews, reveal a layered understanding of personal and communal urban experiences.

Current and Ideal Urban Depictions. Current State: The mental maps commonly depict limited greenery and recreational facilities, echoing respondents' concerns about the deficiency of parks and general greenery within the district.

Ideal State: The respondents envision a significant increase in green spaces, including parks and leisure facilities. These enhanced spaces are desired to foster greater social interaction and relaxation, reflecting a communal need for more engaging and welcoming public areas.

Respondents have specific desires for the transformation of their environment:

R1 wishes to see a youth activity centre. (Appendix 3)

R4 desires more flowers, landscaped flower beds, and a fountain. (Appendix 4)

R7 hopes for additional green zones. (Appendix 5)

R8 wants a large number of trees, a park, a pond, and a stadium. (Appendix 6)

Key Aspects of the Neighbourhood. Several key landmarks and features are recurrently depicted across the maps:

Infrastructure and Landmarks: Three out of four respondents illustrated significant local landmarks such as the Moscow Railway Station and the Alexander Nevsky Lavra. Other notable depictions include the Feodorovsky Cathedral, highlighted by half of the respondents, along with local shops and bakeries.

Neglected and Underutilized Spaces: All maps feature vacant lots and garages, areas that respondents see as underutilized or neglected.

In their envisioned changes, respondents expressed a desire for:

Road repairs (R7),

Restoration of old buildings (R4),

Conversion of vacant lots into functional areas like preschools and dog parks (R7),

A bridge over railway tracks and possibly a new exhibition center (R8).

Verbal Annotations and Visual Representation. Interestingly, respondents often annotated their maps with text to clarify their visual representations — a method not initially requested. This suggests a level of discomfort or frustration with the mental mapping method, possibly due to doubts about their artistic abilities or the effectiveness of visuals alone in conveying their thoughts. By supplementing or replacing map elements with text, respondents felt more confident in being understood accurately, unlike when relying solely on drawings.

Relevant Studies on Mental Mapping Challenges. The studies highlight similar challenges with mental mapping in urban studies. For example, originally Lynch first popularized the concept but also noted the difficulty participants face when trying to translate their spatial understanding into visual forms (Lynch 1960).

Kitchin also discusses the cognitive overload that often occurs when non-experts are asked to draw maps, which can lead to simplified or incomplete representations of space (Kitchin 1994).

Despite the challenges associated with the mental mapping method and the relatively small number of maps collected, this technique is an intriguing addition to the study. It offers a unique way to complement interview data, providing visual insights into the residents' perspectives on their living environment.

Conclusion

This thesis has systematically examined the perceptions of residents regarding the current urban environment in the Ligovka-Yamskaya Municipal District, alongside their visions for an ideal urban landscape. By juxtaposing residents' current experiences against their aspirations, both congruities and divergences have been uncovered, offering critical insights for urban development.

Residents value the district's central location, robust transportation network, and rich cultural landmarks, which significantly enhance their quality of life. However, concerns are raised about the inadequacy of green spaces, the state of public infrastructure, and building increase that mark their urban experience.

Residents' ideal visions emphasize a greener, more accessible, and socially cohesive urban environment. They envisage a district where the preservation of historical charm is harmoniously blended with modern conveniences to foster a lively, inclusive urban space.

Integrated Recommendations. *Enhancing Urban Greenery and Leisure Spaces.* Prioritize the expansion and maintenance of parks and recreational areas to address the green space deficiency. Initiatives could include transforming underutilized plots and vacant lots into community gardens or small parks, which would not only beautify the district but also serve as focal points for community interaction. This aligns with Gehl's principles of human-centric urban design, which emphasize the necessity of vibrant public life and pedestrian-friendly environments (Gehl 2010).

Infrastructure and Safety Improvements. Comprehensive plans to renovate aging infrastructure are essential. This includes upgrading road and sidewalk conditions to enhance safety and accessibility. Improving the aesthetic and functional aspects of pedestrian zones and integrating dedicated bicycle lanes would encourage non-motorized transport and contribute to residents' safety

and well-being. Jacobs' critique of urban renewal practices emphasizes the importance of community engagement and mixed-use areas to foster a sense of community and at the same time enhance safety perceptions through natural surveillance (Jacobs 1961).

Cultural and Community Engagement. Strengthen community bonds by leveraging the district's cultural assets. This could involve revitalizing local landmarks and historical sites as centers of community activity, offering spaces for cultural events and workshops that reflect the district's heritage. Promoting active community engagement through more inclusive planning processes can ensure that redevelopment efforts align with the residents' desires and respect the area's historical context. This connects with Lowenthal's exploration of the complex relationship between memory, history, and place, suggesting a deep-rooted connection to the area's cultural heritage (Lowenthal 1985).

Promotion of Community-driven Initiatives. Encouraging local involvement through well-organized, transparent volunteer initiatives can enhance community spirit and ensure the sustainability of urban improvements. These initiatives should be clearly beneficial, providing visible enhancements to the urban landscape, such as community clean-ups, green space development, and cultural activities that foster a sense of pride and ownership among residents. This approach is supported by Castells' examination of the informational city and its impact on social organization and spatial arrangements (Castells 1989).

Thus, by adopting a holistic approach to urban development that integrates these recommendations, planners and policymakers can foster an urban environment in Ligovka-Yamskaya that not only meets the practical needs of its residents but also enriches their social and cultural experiences.

Regarding the feasibility of residents' wishes, it is important to note that the Municipal District is the closest administrative unit to the population. The effectiveness of urban improvements heavily relies on the collaboration between the Municipal District, the district administration, and the city government. This interaction is crucial for implementing sustainable urban development that aligns with residents' aspirations, enhancing livability, and strengthening community ties.

By adopting these recommendations, urban planners and policymakers can transform Ligovka-Yamskaya into a model of sustainable urban development, characterized by enhanced livability, stronger community ties, and a balanced integration of historical preservation with modern urban necessities.

*Appendix I***Participant characteristics**

	Age	Gender	Time lived in Ligovka- Yamskaya	Level of education	Area of professional activity
R1	21	F	20	Unfinished higher education	None
R2	61	F	61	Higher education	Pensioner
R3	36	M	6	Higher education	Programmer
R4	44	F	5	Higher education	Teacher
R5	24	F	6	Unfinished higher education	Sales manager
R6	62	F	8	Higher education	Pensioner
R7	40	F	10	Higher education	State service
R8	47	M	7	Higher education	Enforcement authorities
R9	38	F	5	Secondary education	Business
R10	54	F	7	Higher education	Industrial Safety Engineer
R11	23	F	7	Unfinished higher education	None
R12	51	F	21	Higher education	Individual entrepreneur construction company
R13	45	M	15	Higher education	Auto repair shop owner
R14	38	F	10	Higher education	Marketing Manager
R15	42	M	10	Higher education	System Administrator

Interview guide

Biography and demographic data:

- Age
- Gender
- Place of residence
- The level of education
- The field of professional activity
- Could you tell me a little about yourself and how long you have lived in the Ligovka-Yamskaya area?
- What motivated you to move here and what keeps you in this area?

Perception of the urban environment at the present time:

- What does a comfortable area for living mean to you? Ideally, what are its characteristics for you personally?
- Is the Ligovka-Yamskaya area comfortable for your stay? Why?
- Have you ever thought about changing your place of residence? Why?
- How do you assess the current state of the urban environment in Ligovka-Yamskaya?
 - green spaces (trees, shrubs, etc.)?
 - parks?
 - cleanliness of the area (cleaning of garbage, snow, leaves, etc.)?
 - condition of buildings and courtyards of residential buildings?
 - street lighting?
 - safety?
 - social infrastructure (clinics, schools, etc.)?
 - transport infrastructure?
 - playgrounds?
 - sports grounds?
 - roads?
 - pedestrian areas, sidewalks?

Social and cultural aspects:

- Which objects of the urban environment of Ligovka-Yamskaya are the most significant for you?
- How do you assess the state of cultural recreation sites (museums, etc.) in Ligovka-Yamskaya?
- Is Ligovka-Yamskaya a typical district of St. Petersburg? Is it possible to judge the whole of St. Petersburg by the example of this area?

Community and space:

- What kind of people live here? Is it possible to talk about the specifics of the people who live here?
- What is the general atmosphere of this area, in what words would you describe it?
- Do you feel socially connected to this area? Do you consider the area your home?
- Can you tell us about any experiences of social interactions in the area? (cleaning day, communication on playgrounds, conversations with neighbors)
- To what extent are you and your neighbors (if known) involved in the community activities of the area? Did you participate in the cleaning day? Meetings of homeowners?

Changes and challenges:

- Have you noticed any significant changes in the Ligovka-Yamskaya area since you have been living here?
- Has the appearance of the district changed in the last 2–3 years? If so, how exactly? (Reconstruction, construction of new buildings?)
- Can you identify any elements of the urban environment of Ligovka-Yamskaya that negatively affect the quality of your life in the area?
- In your opinion, what are the most acute problems that the Ligovka-Yamskaya district may face today?

An ideal urban environment:

- What, in your opinion, needs to be changed in the current state of the urban environment of Ligovka-Yamskaya?
- What aspects of the Ligovka-Yamskaya urban environment would you like to improve first? Please explain why these aspects are the most important to you.
- What initiatives would you like to participate in to improve the urban environment in your area?
- Are there any specific projects or programs that you would support or suggest?
- How do you imagine the ideal urban environment of Ligovka-Yamskaya? Please describe what elements and features should be present in it so that you feel as comfortable as possible.

Vision of the future:

- Looking ahead, what are your expectations regarding the future of Ligovka-Yamskaya?
- How do you imagine the role of residents in shaping the future of the district?

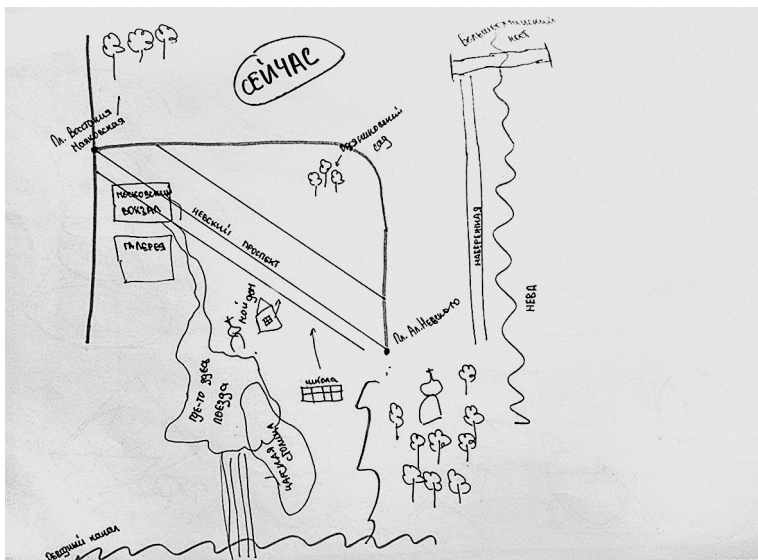
The method of mental maps:

Mental maps are visualizations of how you perceive the space around you. It can be a drawing reflecting your personal idea of the area, for example, places that you like, routes that you often walk, places that, in your opinion, require improvement. By creating a mental map, you share your unique vision and feelings about the environment, important sites and places in your area. It does not require artistic skills — your feelings and thoughts about the area are important.

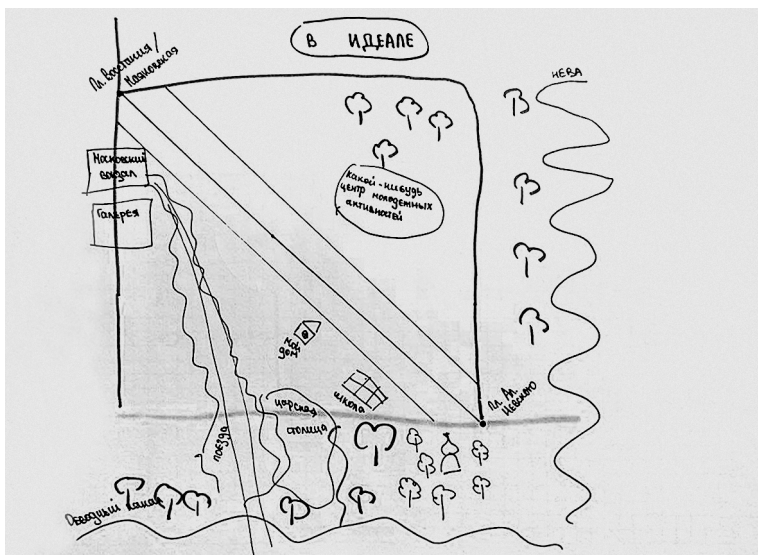
I will ask you to draw two maps: one showing your current perception of the neighborhood's environment, and the second your vision of the area's ideal urban environment.

These maps can be both detailed and more generalized; the main thing is that they reflect your personal impressions and preferences.

Appendix 3

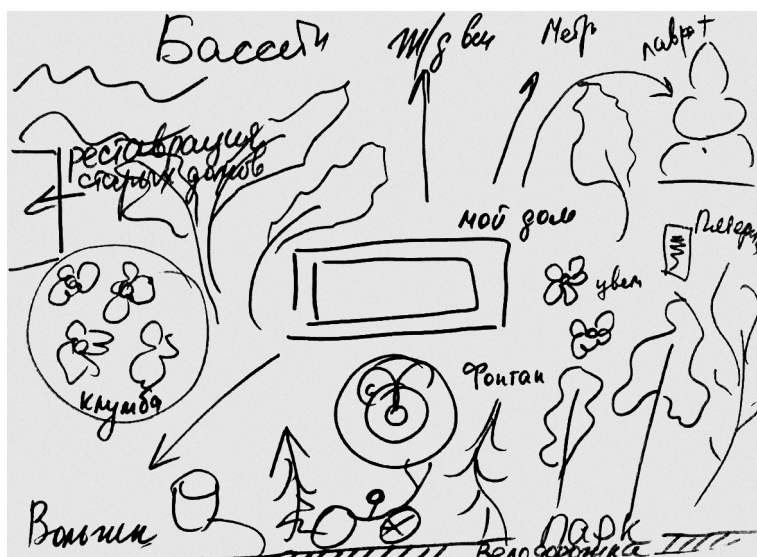
(R1 map — current urban environment)

(R1 map — ideal urban environment)

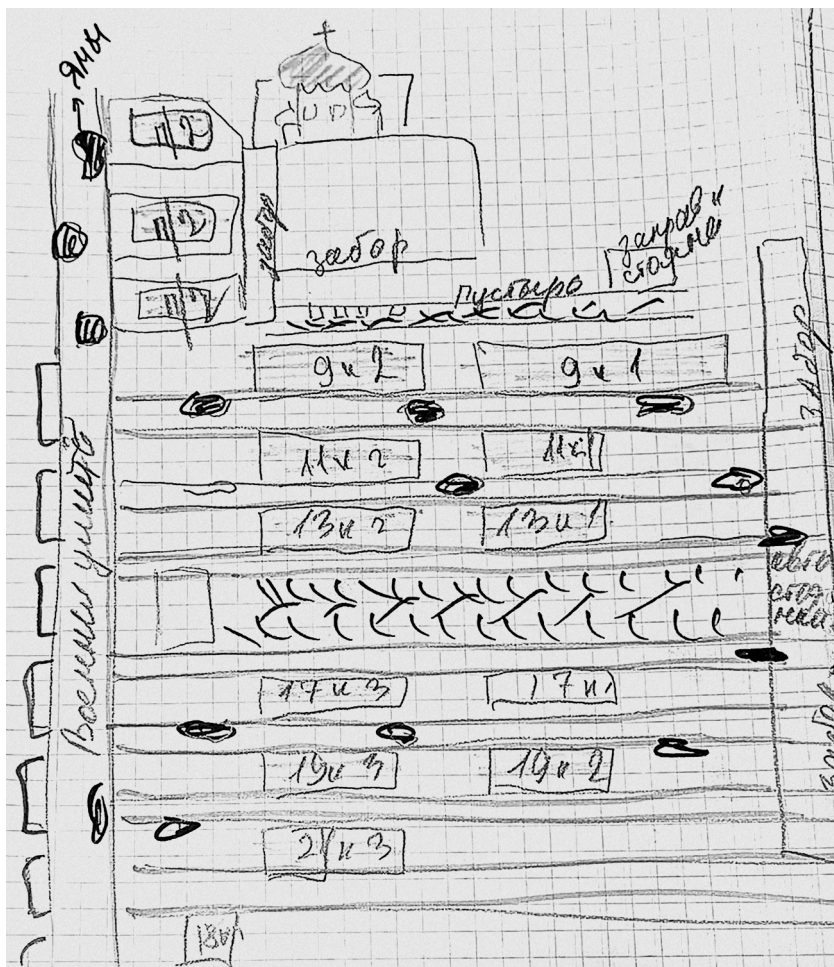

(R4 map — current urban environment)

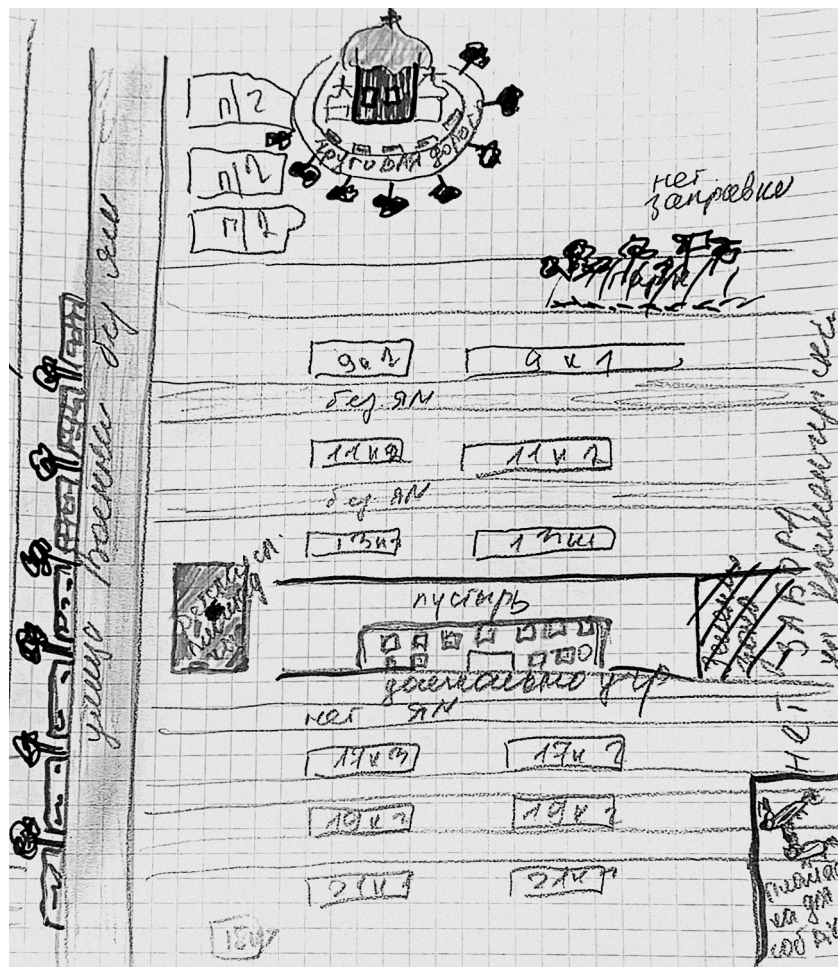

(R4 map — ideal urban environment)

Appendix 5

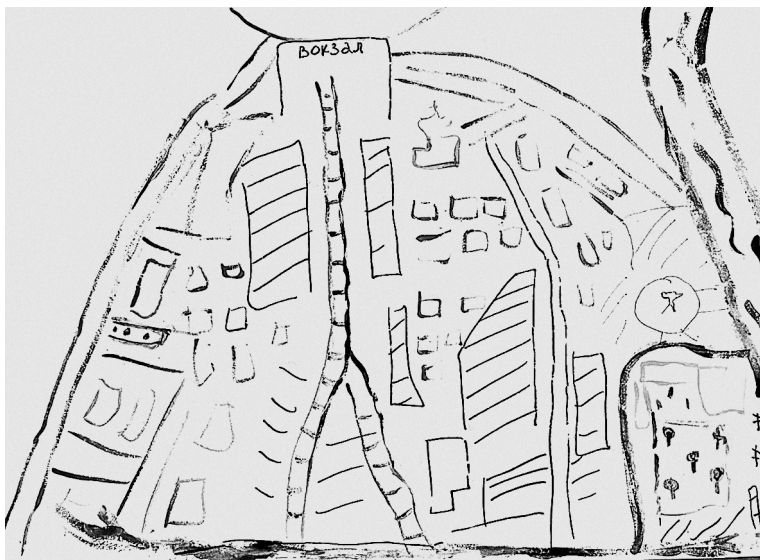

(R7 map — current urban environment)

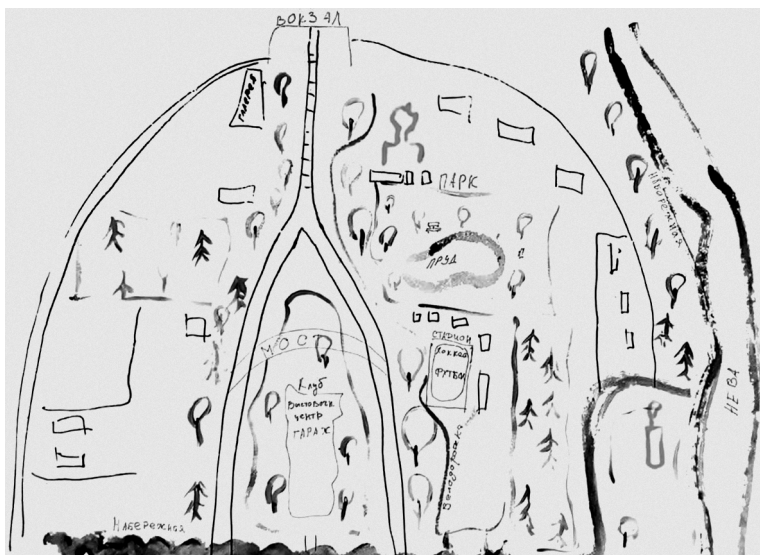

(R7 map — ideal urban environment)

Appendix 6

(R8 map — current urban environment)

(R8 map — ideal urban environment)

References

Anokhin A. A., Lachininskii S. S., Zhitin D. V., Shendrik A. V., Mezhevich N. M., Krasnov A. I. Post-Soviet Urban Environment: The Experience of St. Petersburg. *Regional Research of Russia*, 2017, no. 7 (3), pp. 249–258. DOI: 10.1134/S2079970517030042.

Axenov K. Between degradation and gentrification in a post-transformational metropolis city center: the case of St. Petersburg. *Eurasian Geography and Economics*, 2014, no. 55 (6), pp. 656–673.

Axenov K., Petri O. Socio-spatial differentiation and public accessibility of urban spaces in the post-transformational city — case study Saint-Petersburg. *Europa Regional*, 2014, no. 4, pp. 42–48.

Batool A., Rutherford P., McGraw P., Ledgeway T., Altomonte S. View Preference in Urban Environments. *Lighting Research & Technology*, 2020, no. 53 (7), pp. 613–636. DOI: 10.1177/1477153520981572.

Bater J. H. Central St. Petersburg: Continuity and Change in Privilege and Place. *Eurasian Geography and Economics*, 2006, no. 47, pp. 27–41.

Bernt M. How Post-Socialist is Gentrification? Observations in East Berlin and Saint Petersburg. *Eurasian Geography and Economics*, 2016, no. 57 (4–5), pp. 565–587. DOI: 10.1080/15387216.2016.1259079.

Bieling C., Plieninger T., Pirker H., Vogl C. R. Linkages Between Landscapes and Human Well-Being: An Empirical Exploration with Short Interviews. *Ecological Economics*, 2014, no. 105, pp. 9–30.

Carmona M., Heath T., Oc T., Tiesdell S., Carmona M. *Public Places — Urban Spaces*. 1st ed. London, Routledge, 2003. DOI: 10.4324/9780080515427.

Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban-Regional Process*. Oxford, Basil Blackwell, 1989.

Cresswell T. *Place: A Short Introduction*. Jersey, Wiley-Blackwell, 2004.

Denieffe S. Commentary: Purposive Sampling: Complex or Simple? Research Case Examples. *Journal of Research in Nursing*, 2020, no. 25 (8), pp. 662–663. DOI: 10.1177/1744987120928156.

Glazkov K. Mental'nye karty: ogranicheniya metoda i obraz “chuzhogo” v malom gorode. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2015, no. 3, pp. 106–117. (In Russ.)

Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York, Random House, 1961.

Kitchin R. Cognitive Maps: What are They and Why Study Them? *Journal of Environmental Psychology*, 1994, no. 14, pp. 1–19. DOI: 10.1016/S0272-4944(05)80194-X.

Leyden K. M., Goldberg A., Duval R. D. The Built Environment, Maintenance of the Public Sphere and Connections to Others and to Place: An Examination of

10 International Cities. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 2011, no. 4 (1), pp. 25–38. DOI: 10.1080/17549175.2011.559946.

Linov V. Redeveloping the Historical Centre of Saint Petersburg, Russia: A New Approach. Proceedings of the Institution of Civil Engineers. *Civil Engineering*, 2015, no. 168 (5), pp. 17–30. DOI: 10.1680/cien.14.00029.

Lowenthal D. *The Past is a Foreign Country*. New York, Cambridge University Press, 1985.

Lund H. Pedestrian Environments and Sense of Community. *Journal of Planning Education and Research*, 2002, no. 21 (3), pp. 301–312. DOI: 10.1177/0739456X0202100307.

Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge, MA, MIT Press, 1960.

McAndrews C., Flórez J., Deakin E. Views of the Street: Using Community Surveys and Focus Groups to Inform Context-Sensitive Design. *Transportation Research Record: Journal of the Transportation Research Board*, 2006, no. 1981, pp. 92–99. DOI: 10.3141/1981-15.

Mirza L., Byrd H. Measuring View Preferences in Cities: A Window Onto Urban Landscapes. *Cities & Health*, 2020, no. 7 (2), pp. 250–259. DOI: 10.1080/23748834.2020.1765449.

Lenko A., Kurilova M. Emotional Geography of St. Petersburg: Detecting Emotional Perception of the City Space. *Digital Transformation and Global Society: Third International Conference, DTGS 2018, St. Petersburg, Russia, May 30 — June 2, 2018, Revised Selected Papers, Part II*, 3, pp. 95–110. Springer International Publishing.

Whitehand J. Mental Maps of Urban Morphology. *Urban Morphology*, 2022, no. 6 (1). DOI: 10.51347/jum.v6i1.5130.

Wirth L. Urbanism as a Way of Life. *American Journal of Sociology*, 1938, no. 44 (1), pp. 1–24.

Zhitin D. V., Lachininskii S. S., Mikhaylova A. A., Shendrik A. V. Urban Transformation of a Post-Soviet Coastal City: The Case of Saint Petersburg. *Geography, Environment, Sustainability*, 2020, no. 13 (1), pp. 145–158. DOI: 10.24057/2071-9388-2019-77.

Сведения об авторе

Скобелина Софья Сергеевна, бакалавр,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
ssskobelina@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024;

поступила после рецензирования и доработки: 16.08.2024;

принята к публикации: 30.09.2024.

SOFYA S. SKOBELINA

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation*

**ST. PETERSBURG RESIDENTS' VISIONS
OF A PERFECT URBAN ENVIRONMENT
(USING LIGOVKA-YAMSKAYA MUNICIPAL DISTRICT
AS AN EXAMPLE)**

Abstract. The study investigates residents' perceptions of the urban environment in the Ligovka-Yamskaya Municipal District through in-depth interviews and mental mapping. It examines views on infrastructure, public spaces, safety, and visions of an ideal urban landscape. The findings highlight the benefits of the district's central location, transport network, and cultural landmarks, as well as issues with the lack of green spaces and aging infrastructure. Recommendations include expanding parks, updating infrastructure, and promoting non-motorized transport. It also suggests enhancing cultural and community engagement through the revitalization of historical sites and volunteer initiatives. The study emphasizes the importance of sustainable development, improving living conditions, and strengthening community ties.

Keywords: residents' perceptions, urban environment, infrastructure, green spaces, public spaces, sustainable development.

For citation: Skobelina S. S. St. Petersburg residents' visions of a perfect urban environment (using Ligovka-Yamskaya municipal district as an example). *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 32–69. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.se3f-zb54; EDN: DRYKVE

Information about the author

Skobelina, Sofya S., Bachelor,
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation.
ssskobelina@edu.hse.ru

Received: 15.07.2024;
revised after review: 16.08.2024;
accepted for publication: 30.09.2024.

УДК 316.728

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.93e9-6k24

EDN: GAJDPK

Константин Александрович Галкин

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

КОММУНИКАЦИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: РОЛИ ВИЗУАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ПРЕОДОЛЕНИИ ОДИНОЧЕСТВА*

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей взаимодействия пожилых людей с использованием фотографий и другого визуального контента в онлайн-пространстве социальных сетей. Исследование основано на проведении биографических интервью с группой пожилых людей из Санкт-Петербурга и Ленинградской области (N = 30). В ходе этих интервью участники делились своими личными историями и рассказывали о том, как визуальные образы и фотографии влияют на их взаимодействие в социальных сетях. Они обсуждали, как эти образы помогают им чувствовать себя связанными с другими пользователями онлайн-платформ и как они помогают справляться с чувством изоляции и одиночества. Одним из ключевых выводов исследования является то, что визуальные образы, размещаемые пожилыми людьми в социальных сетях, играют значительную роль в формировании их индивидуальной идентичности и самопредставления. Эти образы не только служат средством выражения личности, но и способствуют созданию общности и солидарности в онлайн-сообществе пожилых людей. Кроме того, они выполняют функцию защитного механизма, помогая минимизировать негативные эмоциональные последствия одиночества и предоставляя точку опоры в сложных ситуациях. Значимость фотографий для пожилых людей продолжает оставаться чрезвычайно высокой, поскольку они играют роль мощного связующего звена между прошлым, настоящим и даже будущим. Визуальные образы позволяют пожилым людям не только вспоминать и сохранять важные моменты из своей

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00461 (<https://rscf.ru/project/22-18-00461/>).

жизни, но и передавать свои воспоминания следующим поколениям, создавая непрерывную связь с семейной или корпоративной историей. В условиях стремительных изменений в обществе и технологиях фотографии становятся своеобразным якорем, помогая сохранить личную идентичность и укрепить эмоциональную связь с прошедшими событиями.

Ключевые слова: цифровизация, пожилые люди, онлайн-общение, визуальные образы, цифровизация жизни пожилых людей.

Ссылка для цитирования: Галкин К. А. Коммуникация пожилых людей в социальных сетях: роли визуальных образов в преодолении одиночества // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 70–84. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.93e9-6k24; EDN: GAJDPK

Введение

Фотография представляет собой один из самых мощных инструментов для конструирования жизненной истории и сохранения воспоминаний о значимых событиях и эпизодах (Harrison 1996; Holland et al. 2021). Визуальные ряды позволяют осмысливать происходящее, возвращаться к важным моментам жизни, рефлексировать над ними и переосмысливать. Социальное значение фотографии также изменялось с течением времени: она превратилась из дорогостоящего предмета, доступного лишь немногим, в массовое и доступное средство для фиксирования событий. Особую роль фотографии начали играть в XX в., когда появление удобной техники и улучшение процесса печати упростили создание изображений (Nathansohn 2024; Семенов 2014). В то же время менялось и ее символическое значение. С развитием современных технологий значение фотографии продолжает трансформироваться, однако для старших поколений она по-прежнему остается важным артефактом.

Пожилые люди, родившиеся в 1930–1950-е гг., склонны уделять особое внимание сохранению семейной истории через фотографии. Материальные напечатанные изображения приобретают для них особую ценность. Через старые фотографии увековечиваются образы ушедших родственников, а демонстрация таких снимков помогает строить биографические семейные проекты (Zwick 1978; Галкин 2023). Такие фотографии служат не только средством сохранения связи между поколениями, но и обладают терапевтическим эффектом, помогая пожилым людям преодолевать одиночество и трудности раздельного проживания.

Согласно опросам ФОМ, проведенным в начале 2000-х гг., 91% россиян предпочитали хранить фотографии дома на бумажных носителях. Наиболее ценными считаются фотографии с изображениями

умерших родственников или запечатлевшие важные события в жизни семьи¹. Целесообразность хранения старых фотографий не вызывает сомнений — люди стремятся сохранить все имеющиеся изображения, воспринимая их как важные маркеры семейной истории (Печурина 2010). Для пожилых людей показ фотографий также становится способом сохранить свою идентичность и поддерживать ощущение принадлежности к семье, особенно в условиях раздельного проживания.

Фотографии способствуют психологической вовлеченности пожилых людей в окружающую их среду. Потеря этой связи может привести к стрессу, вызванному утратой своей идентичности и связи с прошлым. Важную роль играют и фотографии, идеализирующие прошлое. Идеализация связана с особенностями восприятия времени в пожилом возрасте. Разочарование в настоящем и тоска по ушедшим временам находят свое выражение через фотографии, которые служат воспоминанием о «заботах» прошлого. Эти фотографии становятся «фрагментами утраченного рая», как источник воспоминаний, который помогает улучшить психологическое состояние и повысить жизненный тонус.

С развитием цифровых технологий и постепенной интеграцией пожилых людей в цифровое пространство особое значение приобретает то, как они репрезентируют свои визуальные образы (Schreiber 2015). Если материальные фотографии дают возможность рефлексировать над прошедшими событиями, то цифровые изображения и возможности их обмена могут улучшить настроение и психическое состояние пожилых людей, а также обладать терапевтическим эффектом, поддерживая их социальные связи.

Интеграция пожилых людей в цифровые технологии, а также их использование в повседневной жизни, остаются малоизученной темой в социальных исследованиях. Тем не менее роль компьютерных технологий для пожилых людей и их значимость весьма важны. Многие исследователи из зарубежных стран, занимающиеся темой новых технологий и их влияния на пожилых людей, отмечают положительную связь между онлайн-общением, использованием таких технологий и преодолением одиночества, а также уменьшением его негативных последствий (Wilson 2018; Sum et al. 2008; Barbosa et al. 2019).

Использование интернет-технологий и общение в сети создают возможности для нивелирования чувства отчуждения и эксклюзии, а также компенсируют отсутствие семейного общения и взаимодействия

¹ Общероссийский опрос населения 24–25 ноября 2007 г. (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дискуссионные фокус группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге 27–28 ноября 2007 г.

(Михайлова 2013). Исследования в области социальной геронтологии подчеркивают важность разработки специальных программ, приложений и социальных сетей, способствующих улучшению коммуникации пожилых людей и созданию новых технологий для их онлайн-общения (Chopik 2016).

Тема влияния цифровых технологий на улучшение качества жизни пожилых людей остается малоизученной. Очевидный недостаток исследований состоит в недостаточном изучении социальных особенностей технологий и их влияния на социальную жизнь и коммуникацию пожилых людей. Для российских исследователей цифровизация повседневной жизни пожилых людей является новой областью исследований. Одним из важных аспектов изучения роли технологий в жизни пожилых людей для отечественных дебатов является влияние уровня знаний в области информационно-коммуникационных технологий на возможность онлайн-общения пожилых людей в различных регионах. Также отечественные исследователи изучают особенности и роль цифровых технологий в жизни пожилых людей с точки зрения поддержания здоровья (Григорьева и др. 2016; Сапонов и др. 2012).

Настоящая статья ставит перед собой задачу изучить, какие роли обретают визуальные образы в жизни пожилых людей через использование цифровых технологий и как подобное использование способствует преодолению сложных ситуаций, связанных с отдельным проживанием и потери связи с социальной жизнью для пожилых людей.

Теоретический контекст

Исследования, проведенные в России в последние годы, отмечают, что пожилые люди становятся более активными в использовании цифровых технологий и интернета для общения. Они чаще пользуются социальными сетями и электронной почтой. В таких исследованиях обычно выделяются основные области применения интернета пожилыми людьми: трудовая деятельность, поиск работы, взаимодействие с муниципальными службами, досуговая деятельность и общение в социальных сетях (Кранзеева 2019; Сапожникова 2012). Авторы все чаще отмечают, что исследования склоняются к изучению досуговой сферы жизни пожилых людей и их использования интернета в контексте общения. Исследования в социально-мотивационной сфере пожилых людей показывают, что они ценят возможность общения через интернет, так как это создает чувство полезности и интеграции в социальную жизнь (Алексеева и др. 2019; Вершинская и др. 2017).

Социальные сети играют важную роль в общении и взаимодействии пожилых людей, предоставляя перспективы для развития онлайн-общения и активного использования интернета. Общение в социальных сетях способствует снижению нехватки коммуникации, характерной для пожилых людей. Они могут обсуждать свои проблемы и особенности досуга, а также создавать солидарные группы, которые в дальнейшем способствуют формированию сообществ по интересам и проведению различных мероприятий (Ballin et al. 2007).

Ключевым теоретическим подходом, используемым в данном исследовании, является объект-центричная концепция, предложенная Б. Латуром, которая подчеркивает роль гибридизации материального и социального в повседневной жизни. Этот подход выделяет роль материальных и социальных акторов, которые взаимодействуют между собой и структурируют социальную ткань, включая коммуникацию (Latour 1996). В контексте повседневной жизни материальные объекты формируют коммуникацию людей и определяют ее особенности и контексты. Эти объекты включают не только материальные предметы, но и социальные сети и виртуальные пространства для общения и взаимодействия (Latour 1996).

Важным аспектом является не только взаимодействие различных объектов и условий их взаимодействия, но и представления об объектах, формируемые в контексте коммуникации. Используя схемы объект-центричного подхода, мы стремимся проанализировать, как коммуникация в социальных сетях формируется через визуальные образы, существующие в памяти пожилых людей, и какие стратегии они используют для минимизации негативных состояний одиночества через эти образы.

Методология

Эмпирическое исследование было проведено в двух регионах: Санкт-Петербурге и селах Республики Карелия. Общим числом 30 глубоких интервью с пожилыми людьми, а также анализом 1000 фотографий и постов занималась цифровая этнография. Все информанты, участвовавшие в исследовании, проживали как в городских, так и сельских районах и являлись активными пользователями социальных сетей. Возрастной диапазон информантов составлял 65–87 лет. В ходе исследования использовался материал социально-развлекательной сети «Фотострана». Выбор данной сети обоснован тем, что она являлась основным источником онлайн-коммуникации для пожилых людей.

Следует отметить, что исследования, посвященные цифровым фотографиям в социальных медиа, изначально подчеркивают социальный характер таких изображений. В работе П. Фроша рассматриваются особенности селфи, при этом делается вывод о том, что они представляют собой фотографии, сделанные с использованием современных технологий, и методы анализа их не сильно отличаются от аналоговых снимков (Штомпка 2006). В настоящем исследовании применяется методология П. Штомпки, включающая анализ серий фотографий, что особенно актуально для цифровой фотографии и позволяет выявить повторяющиеся зависимости в описании настроения, повседневности и коммуникации пожилых людей в социальных сетях (Frosh 2015). Для обработки данных использовались контент-анализ, тематический метод и секвенциональное кодирование, позволившие выделить ключевые роли визуальных образов в контексте преодоления одиночества.

Результаты исследования.

Роли визуальных образов в жизни пожилых людей

В ходе анализа интервью и визуальных образов, транслируемых пожилыми людьми через онлайн-ресурсы, было выделено несколько ключевых мотивов.

Ностальгическая роль. Во-первых, важность автобиографических воспоминаний, которые стимулировали коммуникацию пожилых людей и переносили их в прошлые социокультурные контексты. Обсуждение свадебных фотографий и тоска по прежним временам способствовали длинным диалогам и обмену воспоминаниями, что объединяло пожилых людей в общей памяти и опыте:

«А вот здесь, я помню, деревня. Мне пять лет, кукла любимая. Ах, помню я, какие это были великолепные времена!» (02.02.2019, пост под фотографией). «Да, красивая! Я тоже помню этих кукол гдээрзовских. Они были довольно широко распространены. Ах, веселое было время! И хорошо тогда жили, потому что и страна в целом хорошо жила, счастье практически у всех было. И вот это, наверное, главное» (03.02.2019). «А я, помню, правда самосвал катала тогда. Да, такое бывало: брала и вот так, на целое лето, уезжала в деревню» (10.02.2019).

Фотографии из прошлого играют ключевую роль как артефакты, которые помогают создать особую атмосферу воспоминаний и комфорта через представление подобных образов в социальных сетях. Использование таких фотографий способствует возрождению утраченных моментов

из «потерянного рая», что создает позитивные воспоминания и снижает чувство одиночества, основываясь на диалогах и обсуждениях в комментариях к визуальным образам. Пожилые люди, манипулируя визуальными образами из прошлого, преодолевают чувство событийного дефицита и эмоциональной пустоты.

Визуальные образы помогают пожилым людям соединить приятные воспоминания с настоящим и преодолеть страхи и одиночество. Это подчеркивается словами одной из информанток:

«Здесь вот я вся с грамотами стою, вся активистка такая. Да, были раньше времена, и все по-другому было: и отношение людей, и работа, и вообще тогда в Советском Союзе тебя ценили и с тобой считались. Вот и я тоже помню, как меня поддерживали и уважали на работе, а с временами нынешними и сравнивать-то нечего» (ж., 68, Санкт-Петербург).

Фотографии также позволяют «воскресить» воспоминания о событиях и ушедших людях, объединяя прошлое и настоящее. Процесс обсуждения старых фотографий онлайн часто приводит к созданию прочной связи с другими участниками сообщества, иногда перерастающей в офлайн-формат:

«Мы так познакомились с моим другом. У меня была большая коллекция фронтовых фотографий отца, и у него тоже достаточно много было подобных фотографий. И вот я стала выкладывать это все, а он стал комментировать, тоже в комментариях выкладывать свои фото. Так и познакомились. Потом он ко мне приехал, сам он из Смоленска, и вот так вот в итоге и началось наше общение, и сейчас уже 2 года вместе» (ж., 70, Ленинградская область).

Обсуждение и просмотр фотографий помогает пожилым людям чувствовать себя менее одинокими и участвовать в социальной жизни. Через воспоминания о прошлом, запечатленном на фотографиях, у них возникает возможность снова пережить забытые моменты или найти новых друзей в социальных сетях. Память о прошлых временах становится основой для общения, интеграции в социальную жизнь и взаимодействия с другими людьми.

Роль представления хобби. Роль представления хобби также играет значимую роль. Визуальные образы, чаще всего фотографии, становятся частью репрезентации увлечений и повседневной жизни пожилых людей, которые испытывают дефицит общения. Это позволяет им делиться своими интересами и увлечениями, начиная коммуникацию:

«“Фотострана” — вот единственная отдушина. А что? Дома дочка занята, внуки тоже заняты, потому что в любом случае у внуков тоже своих дел предостаточно. Чего уж там говорить, хватает

у всех занятий. А мне что остается делать? Вот и сижу обсуждаю фотографии, выкладываю свои пейзажи, потому что я знаю, что это людям нравится, а фотографии, пусть и сделанные на телефон, — это в принципе есть сейчас мое хобби. Поэтому мне тоже важно, когда люди пишут потом в ответ в работы мои хвалят. Да и вообще бывает, что говорят, какие это, мол, великолепные и чудесные работы. Аж дух захватывает! Мне до сих пор ставят оценки не ниже 10 баллов, и это, наверное, лучшая награда в “Фотостране”» (ж., 87 лет, село, Ленинградская область).

В роли представления собственных интересов и занятий визуальные образы становятся неотъемлемой частью пожилых людей в социальных сетях. Они действуют как мощный инструмент, способствующий установлению позитивной коммуникации, и не ограничиваются простым ностальгическим контекстом. Сквозь эти образы пожилые люди могут поделиться своими увлечениями и занятиями, что позволяет им не только найти общий язык с другими, но и компенсировать возможные проблемы в общении.

Более того, визуальные образы, представляющие интересы и хобби пожилых людей, выступают важным механизмом привлечения внимания к их деятельности. Они служат своеобразным магнитом, притягивая к себе внимание окружающих и стимулируя активное обсуждение. Таким образом, они не только позволяют пожилым людям выразить себя, но и создают возможности для участия в активных диалогах и обмене мнениями.

Роль визуальных образов в представлении хобби не ограничивается простым показом увлечений. Они также способны служить инструментом взаимодействия, создавая плодотворную почву для формирования новых связей и укрепления уже существующих. В конечном итоге, это позволяет пожилым людям не только активно участвовать в общении, но и находить в нем удовольствие и поддержку.

Фотографии также выполняют функцию реставрации воспоминаний о прошлой трудовой деятельности. Пожилые люди, делясь изображениями своих хобби, стремятся компенсировать недостаток событий и эмоциональную пустоту настоящего. Это позволяет им восстановить ощущение собственной значимости, как в прошлом:

«Я очень люблю вязать, и знаете, в семье как твоё изделие возьмут да скажут: красивое, — и все на этом. Просто потом положат на полку, ну или носить будут. А здесь, когда ты выкладываешь свои простые, пусть и иногда бесхитростные работы, здесь тебя все спрашивают о том, как ты это сделала, и спрашивают, не дизайнер ли ты» (ж., 67, Санкт-Петербург).

Таким образом, обсуждение хобби позволяет пожилым людям вернуть воспоминания о прежней занятости, ощущение своей востребованности и интеграции в общество.

Роль получения заботы. Еще одной важной ролью является получение заботы. Коммуникация через визуальные образы помогает пожилым людям находить компаньонов и новые сообщества онлайн, заменяя утраченные связи. Это общение может перерасти в дружбу и даже романтические отношения, а важную роль здесь играют комментарии к постам пожилых людей, создавая возможности для взаимодействия и поддержки:

«Мои розы в этом году так хорошо растут! Я сама веду блог на “Фотостране”: выкладываю там фотографии роз, описываю их сорта, иногда и про удобрения сама тоже пишу — прямо с дачи, ведь на даче я с марта и почти по октябрь. Мне очень приятно, что многие мои друзья и те, кто знает меня, даже те, кто заходит полюбоваться моими розами, пишут мне, какие, мол, прекрасные и великолепные цветы, давай тебе дадим средств на те же удобрения, поможем с подкормкой. Когда выкладываешь и пишешь, что некоторые из роз захворали, так все сразу приходят и, можно сказать, начинают и советом помогать, и просто помогать, и это, безусловно, очень мне приятно» (ж., 70, Санкт-Петербург).

Таким образом, взаимодействие в социальных сетях через обсуждение постов и комментариев позволяет пожилым людям находить новые сообщества, делиться своими увлечениями и получать заботу, что помогает смягчить чувство одиночества и улучшить качество их жизни.

Из анализа представленных постов и интервью вытекает, что визуальные образы, такие как фотографии звездного неба или цветов на своем участке, выполняют значимую функцию в формировании социальных связей среди пожилых людей. В данном контексте обсуждаются планы на будущее, включая возможные поездки в горы летом. Это общение вокруг общих интересов позволяет пожилым людям делиться своими повседневными занятиями и договариваться о совместном использовании ресурсов, что в конечном итоге помогает преодолевать чувство одиночества и уменьшать изоляцию.

Роль получения заботы в этом контексте связана с тем, что визуальные образы становятся не просто предметами обсуждения, а активно участвуют в формировании коммуникации и взаимодействия. Они выступают в качестве своеобразных катализаторов для общения, создавая и структурируя социальные взаимодействия и тем самым обеспечивая основу для установления связей между пожилыми людьми.

Важную роль фотографии играют и в контексте воспоминаний о семейной заботе. Пожилые люди через фотографии вспоминают былую сплоченность и поддержку, которые могли быть утрачены в настоящем:

«Я всегда выкладываю фотографии наших больших застолий и наших посиделок, и это нечто. Потому что да, сейчас в эпоху интернета и новых технологий, которые, я не спорю, конечно, нужны, есть много развлечений, но вот такое простое человеческое общение, теплое, оно становится забытым, и это, конечно, самое обидное, что есть сегодня» (ж., 65, Санкт-Петербург).

Таким образом, фотографии выполняют терапевтическую и замещающую функцию, помогая пожилым людям восполнить утрату заботы и преодолеть одиночество.

Наиболее распространенной среди пожилых людей является ностальгическая роль в использовании визуальных образов. Это позволяет им не только вспомнить и поделиться прежними моментами жизни, но и создать эмоциональную связь с другими участниками общения. Затем идет роль получения заботы, которая дает пожилым людям возможность находить поддержку и сочувствие в онлайн-сообществах. Наименее распространенной, но тем не менее важной, является роль репрезентации хобби, которая способствует созданию и поддержанию связей на основе общих интересов.

Визуальные образы в социальных сетях играют существенную роль в формировании и поддержании связей среди пожилых людей. Они не только служат объектами обсуждения, но и активно участвуют в организации коммуникации, создавая условия для формирования новых связей и поддержания существующих.

Заключение

В заключение можно отметить, что использование визуальных образов в социальных сетях становится неотъемлемой частью жизни пожилых людей, играя важную роль в их социальной адаптации и интеграции. Этот инструмент помогает пожилым людям не только справляться с чувством одиночества, но и активно участвовать в общественной жизни, находя новые возможности для общения, обмена опытом и установления контактов.

Значимость фотографий для пожилых людей возрастает при переходе в онлайн-формат. Если в материальной форме фотографии часто остаются личными и демонстрируются только в особых случаях, то в цифровом пространстве они становятся способом коммуникации

и поиска единомышленников. Этот способ помогает сохранить связь между прошлым и настоящим, а также преодолеть чувство одиночества. Обсуждение старых фотографий в интернете обладает терапевтическим эффектом и способствует поддержанию социальных связей. Фотографии позволяют не только сохранять историю, но и создавать новые воспоминания. Пожилые люди, участвуя в фотосессиях с близкими, фиксируя важные моменты своей повседневной жизни, получают возможность не просто документировать свою жизнь, но и активно участвовать в ее осмыслении и трансляции. Это способствует их включенности в социальные процессы и помогает укрепить чувство собственной значимости и причастности к происходящему.

Однако, несмотря на значимость этого инструмента, есть еще много аспектов, которые требуют дальнейшего изучения. Например, важно понять, как использование визуальных образов в социальных сетях влияет на разные категории пожилых людей с учетом их индивидуальных потребностей, интересов и возможностей. Также необходимо исследовать, как эти образы могут быть адаптированы для создания и поддержания связей в различных средах проживания, будь то сельская местность, город или даже дома престарелых.

Дальнейшие исследования в этой области могут включать в себя как качественные, так и количественные методы, позволяющие получить более глубокое понимание роли визуальных образов в жизни пожилых людей. Это поможет разработать более эффективные стратегии поддержки и социальной интеграции для этой возрастной группы, что в конечном итоге сделает их жизнь более насыщенной и качественной.

Источники

Алексеева О. А., Бестужева О. Ю., Вершинская О. Н., Галюжсин А. Ю., Скворцова Е. Е. Новые возможности и риски потребления электронных услуг людьми старшего возраста // Народонаселение. — 2019. — № 1. — С. 128–142.

Вершинская О. Н., Скворцова Е. Е. Жизнь людей 50+ в пространстве Интернет // Народонаселение. — 2017. — Т. 20, № 2. — С. 119–128.

Галкин К. А. Роль визуальных онлайн-образов в повседневности пожилых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Социология. — 2023. — Т. 16, № 2. — С. 135–148.

Григорьева И. А., Келасьев В. Н. Интернет в жизни пожилых: намерения и реальность // Социологические исследования. — 2016. — № 11. — С. 82–85.

Кранзеева Е. А. «Бабушки-онлайн»: социально-политическая активность пожилых людей // Logos et Praxis. — 2019. — Т. 18, № 1. — С. 66–74.

Михайлова А. И. Осмысление феномена одиночества как социального явления // Ученые записки Забайкальского государственного университета.

Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. — 2013. — № 4 (51). — С. 90–94.

Печурина А. В. Увидеть необычное в обычном: исследования семейной фотографии // Социологический журнал. — 2010. — № 2. — С. 92–97.

Сапожникова Т. Социально-культурная деятельность пожилых людей как способ интеграции и адаптации в современном обществе // Вестник Забайкальского государственного университета. — 2012. — № 5. — С. 103–107.

Сапонов Д. И., Смолькин А. А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2012. — № 5 (111). — С. 83–94.

Семенов С. А. Фотография как социальное явление // Системная психология и социология. — 2014. — № 4 (12). — С. 114–117.

Штомпка П. Введение в визуальную социологию. Теоретические дискурсы и дискуссии. — М.: ВШЭ, 2006.

Ballin L., Balandin S. An exploration of loneliness: Communication and the social networks of older people with cerebral palsy // Journal of Intellectual & Developmental Disability. — 2007. — Vol. 32, no. 4. — P. 315–326.

Barbosa B. N., Franz R., Judges R., Beermann Ch., Baecker R. Can digital technology enhance social connectedness among older adults? A feasibility study // Journal of Applied Gerontology. — 2019. — Vol. 38, no. 1. — P. 49–72.

Chopik W. J. The benefits of social technology use among older adults are mediated by reduced loneliness // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. — 2016. — Vol. 19, no. 9. — P. 551–556.

Frosh P. Selfies The gestural image: The selfie, photography theory, and kinesthetic sociability // International journal of communication. — 2015. — Vol. 9. — P. 22.

Harrison B. Every picture ‘tells a story’: Uses of the visual in sociological research // Methodological imaginations. — London: Palgrave Macmillan UK, 1996. — P. 75–94.

Holland P. ‘Sweet it is to scan...’: Personal Photographs and popular Photography // Photography. — London; New York: Routledge, 2021. — P. 149–210.

Latour B. On interobjectivity // Mind, culture, and activity. — 1996. — Vol. 3, no. 4. — P. 228–245.

Nathansohn R. Shooting occupation: the sociology of visual representation // Visual Studies. — 2024. — Vol. 39, no. 3. — P. 373–388.

Schreiber M. “The smartphone is my constant companion”: Digital photographic practices and the elderly // Journalism, representation and the public sphere / L. Kramp et al. — Bremen: Edition Lumière, 2015. — P. 105–115.

Sum S., Mathews R. M., Hughes I., Campbell A. Internet use and loneliness in older adults // CyberPsychology & Behavior. — 2008. — Vol. 11, no. 2. — P. 208–211.

Wilson C. Is it love or loneliness? Exploring the impact of everyday digital technology use on the wellbeing of older adults // Ageing & Society. — 2018. — Vol. 38, no. 7. — P. 1307–1331.

Zwick D. S. Photography as a tool toward increased awareness of the aging self // Art Psychotherapy. — 1978. — Vol. 5, no. 3. — P. 135–141.

Сведения об авторе

Галкин Константин Александрович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия.
kgalkin1989@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 03.05.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 12.09.2024;
принята к публикации: 30.09.2024.

KONSTANTIN A. GALKIN

*Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*

COMMUNICATION OF OLDER PEOPLE IN SOCIAL NETWORKS: THE ROLE OF VISUAL IMAGES IN OVERCOMING LONELINESS*

Abstract. The article is devoted to the study of the peculiarities of the interaction of older people using photographs and other visual content in the online space of social networks. The study is based on biographical interviews with a group of older people from St. Petersburg and the Leningrad Region (N = 30). During these interviews, participants shared their personal stories and talked about how visual images and photographs affect their interaction on social media. They discussed how these images help them feel connected to other users of online platforms and how they help them cope with feelings of isolation and loneliness. One of the key findings of the study is that visual images posted by older people on social networks play a significant role in shaping their individual identity and self-representation. These images not only serve as a means of expressing personality, but also contribute to the creation of community and solidarity in the online community of older people. In addition, they serve as a protective mechanism, helping to minimize the negative emotional consequences of loneliness and providing a foothold in difficult situations. An equally important result of the study is the identification that communication through visual images in social networks contributes to the active expansion of the circle of communication of older people. Thanks to this, they have the opportunity to establish new connections, share experiences and ideas, which is important for maintaining psychological well-being and social integration.

* The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-18-00461 (<https://rscf.ru/en/project/22-18-00461/>).

Keywords: digitalization, older people, online communication, visual images, digitalization of the lives of older people.

For citation: Galkin K. A. Communication of older people in social networks: the role of visual images in overcoming loneliness. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 70–84. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.93e9-6k24; EDN: GAJDPK

References

- Alekseeva O. A., Bestuzheva O. Yu., Vershinskaya O. N., Galyuzhin A. Yu., Skvortsova E. E. New opportunities and risks of consumption of electronic services by older people. *Population*, 2019, no. 1, pp. 128–142. (In Russ.)
- Ballin L., Balandin S. An exploration of loneliness: Communication and the social networks of older people with cerebral palsy. *Journal of Intellectual & Developmental Disability*, 2007, vol. 32, no. 4, pp. 315–326.
- Barbosa B. N., Franz R., Judges R., Beermann Ch., Baecker R. Can digital technology enhance social connectedness among older adults? A feasibility study. *Journal of Applied Gerontology*, 2019, vol. 38, no. 1, pp. 49–72.
- Chopik W. J. The benefits of social technology use among older adults are mediated by reduced loneliness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2016, vol. 19, no. 9, pp. 551–556.
- Frosh P. Selfies The gestural image: The selfie, photography theory, and kinesthetic sociability. *International Journal of Communication*, 2015, vol. 9, pp. 22.
- Galkin K. A. The role of visual online images in the daily life of the elderly. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 2023, vol. 16, no. 2, pp. 135–148. (In Russ.)
- Grigorieva I. A., Kelasyev V. N. Internet in the life of the elderly: intentions and reality. *Sociological Studies*, 2016, vol. 11, pp. 82–85. (In Russ.)
- Harrison B. Every picture ‘tells a story’: Uses of the visual in sociological research. *Methodological imaginations*. London, Palgrave Macmillan UK, 1996, pp. 75–94.
- Holland P. ‘Sweet it is to scan...’: Personal Photographs and popular Photography. *Photography*. London, Routledge, 2021, pp. 149–210.
- Kranzeeva E. A. “Babushki-online”: socio-political activity of elderly people. *Logos et Praxis*, 2019, vol. 18, no. 1, pp. 66–74. (In Russ.)
- Latour B. On interobjectivity. *Mind, culture, and activity*, 1996, vol. 3, no. 4, pp. 228–245.
- Mikhailova A. I. Understanding the phenomenon of loneliness as a social phenomenon. *Scientific notes of the Trans-Baikal State University. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work*, 2013, no. 4 (51), pp. 90–94. (In Russ.)
- Nathansohn R. Shooting occupation: the sociology of visual representation. *Visual Studies*, 2024, vol. 39, no. 3, pp. 373–388.
- Pechurina A. V. To see the unusual in the ordinary: studies of family photography. *The Sociological Journal*, 2010, no. 2, pp. 92–97. (In Russ.)
- Saponov D. I., Smolkin A. A. Social exclusion of the elderly: towards the development of a measurement model. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2012, no. 5 (111), pp. 83–94. (In Russ.)
- Sapozhnikova T. Socio-cultural activity of the elderly as a way of integration and adaptation in modern society. *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 2012, no. 5, pp. 103–107. (In Russ.)

Schreiber M. "The smartphone is my constant companion": Digital photographic practices and the elderly. *Journalism, Representation and the Public Sphere*. L. Kramp et al. (eds.). Bremen, 2015, pp. 105–115.

Semenov S. A. Photography as a social phenomenon. *Systems psychology and sociology*, 2014, no. 4 (12), pp. 114–117. (In Russ.)

Shtompka P. *An introduction to Visual sociology. Theoretical discourses and discussions*. Moscow, HSE, 2006. (In Russ.)

Sum S., Mathews R. M., Hughes I., Campbell A. Internet use and loneliness in older adults. *CyberPsychology & Behavior*, 2008, vol. 11, no. 2, pp. 208–211.

Vershinskaya O. N., Skvortsova E. E. The life of 50+ people in the Internet space. *Population*, 2017, vol. 20, no. 2, pp. 119–128. (In Russ.)

Wilson C. Is it love or loneliness? Exploring the impact of everyday digital technology use on the wellbeing of older adults. *Ageing & Society*, 2018, vol. 38, no. 7, pp. 1307–1331.

Zwick D. S. Photography as a tool toward increased awareness of the aging self. *Art Psychotherapy*, 1978, vol. 5, no. 3, pp. 135–141.

Information about the author

Galkin, Konstantin A., PhD in Sociology, Senior Research,
Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation.
kgalkin1989@mail.ru

Received: 03.05.2024;

revised after review: 12.09.2024;

accepted for publication: 30.09.2024.

УДК 316.728

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.3q41-nq96

EDN: BLCUTX

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ МОСЕЕВ

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

ГЕЙМЕРСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ: ВОСПРИЯТИЕ НОРМ МУЖЕСТВЕННОСТИ КИБЕРСПОРТСМЕНАМИ — СТУДЕНТАМИ НИУ ВШЭ

Аннотация. Цель работы — изучить, как члены сообщества геймеров воспринимают нормы маскулинности. Для этого были проведены полуструктурированные интервью с членами клуба «HSE OTTERS». Выявлено, что респонденты следуют определенным нормам гегемонной маскулинности — ценят атлетичность, спортивный образ жизни, инициативность, решительность, ответственность, часто ассоциируют образ мужчины с образом лидера. Однако участники также позволяют себе быть эмоциональными и уязвимыми с близкими людьми, не соблюдая полностью эмоционально сдержанный образ жизни, предписываемый гегемонной маскулинностью. Участники признают, что женщины способны играть не хуже мужчин, и кроме как по голосу опознать игроков-женщин невозможно. Также участники сами не стесняются применять некоторые женские практики вроде использования косметических средств и применения женских аватаров и персонажей в игре.

Ключевые слова: гейминг, маскулинность, восприятие маскулинности, нормы мужественности, киберспорт.

Ссылка для цитирования: Мосеев А. Г. Геймерская маскулинность: восприятие норм мужественности киберспортсменами — студентами НИУ ВШЭ // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 85–105. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.3q41-nq96; EDN: BLCUTX.

Introduction

The topic of masculinity is widely discussed in modern sociology. Before proceeding to the discussion of the theories that were used in this paper it is necessary to determine what masculinity is in its essence. Basically, masculinity is the collection of norms and behavioural patterns that determines if a person can be called or not. Zdravomyslova states that masculinity is a social construct. She also states that the patterns and cultural

models of masculinity have a cultural and social origin (Zdravomyslova et al. 2018). This means that masculinity is not some external phenomenon that is determined by the factors out of human control and that it is formed largely by the society around. The discussion of masculinity has been going for a long time. Since the year 2000 the popularity of masculinity in sociological studies has been steadily climbing, having only slight fluctuations around the year 2019. However, it hasn't been studied extensively for a very specific category — gamers.

The population of gamers along with the gaming industry itself is quite new for the sociological field. During the same period of time the popularity of gaming and gamers as a population in sociological studies has not been stable, experiencing a significant increase around the year 2019. This suggests that this category has not yet been studied very much in itself, and particularly in terms of masculinity. Taking all of the above into consideration, it is reasonable to conclude that masculinity perception of the gamers is an object worthy of researching. The concept of a gamer is intertwined with the concept of a geek, and both of those differ from the determined image of hegemonic masculinity (Connell 1944). This might bring useful insights about the construction of manhood among gamers, since the bespoke concepts are not fully corresponding to the usual norms of masculinity.

Due to the limited resources the population that has been chosen for this research is the “HSE OTTERS” gaming club. This club has been opened in Higher School of Economics in 2017. However, due to the COVID-19 pandemic it has been closed down completely. After the Higher School of Economics has returned to the regular format of studying, the club has been opened once more, in 2021. The members of this club are regular participants of various gaming tournaments, so they were deemed fit for the research as “true gamers”, who regularly engage in computer games.

The qualitative design has been chosen for this research as it is aimed to reveal new insights into the norms of masculinity, using the semi-structured interview as the method of data collection. Overall, eleven interviews were conducted — apart from the pilot interview — before the saturation was reached.

Literature review

Before diving into the intricacies of masculinity perception among gamers, it is necessary to establish a ground theoretical framework. First, it is necessary to define the boundaries of what will be considered masculinity

in this paper and what implications it brings. It is reasonable to start with the main rules of manhood, best described in the paper by Levant (Levant 1996). In his paper he uses such concept as MRNI (Male Role Norms Inventory). It states that traditional masculinity consists of the following characteristics:

- 1) avoiding femininity;
- 2) emotional life restrictions;
- 3) importance of aggression and firmness;
- 4) a norm of self-reliance;
- 5) having the main aim of obtaining high status;
- 6) sexuality objectification;
- 7) scorn and hatred towards homosexuality.

Levant also describes three types of strain that the above mentioned characteristics impose on male individuals. The first type of strain described is the discrepancy strain. This type of strain implies that each male person has an internal ideal of what a true man should look like, behave and so on. When a man fails to reach this inner ideal, it creates a strain within him, which can even result in certain mental health issues. The second type of strain described is the dysfunction strain. This kind of strain means that reaching true manhood requires fulfilling certain requirements that the code of manhood implies. These requirements can have negative effects on person's general well-being, health and social ties, being, as the name of the strain says, dysfunctional. The third type of strain is the trauma strain. Basically, it means that the rules of the traditional masculine upbringing can have severe and traumatic effects on the person's mentality.

Some other papers correspond to Levant in some aspects. One of them is the study by Joseph Vandello and Jennifer Bosson (Vandello et al. 2012). They present several definitions of what real manhood is. One states that manhood consists of several traits that are rigid throughout history and stay the same at any place. Another definition implies that the characteristics of manhood are not as rigid and change according to the epoch, the culture it exists in and other factors, be it social or economic ones. The authors conclude that the most stable manhood trait that is present everywhere and at all times is the constant disquiet that is caused by the emphasis on manhood structure and not its actual essence. Avoidance of all things feminine is the third definition presented by Vandello and Bosson. One of the main tenets of this paper is that manhood is inherently fragile and has quite unclear boundaries. Moreover, the status of men has to be reached. It is done by battling certain obstacles so that their personality and behaviour is deemed typical for true men. However, Vandello and Bosson state that there is no

distinct procedure for obtaining manhood, which brings anxiety and distress. Some of the suggested ways of demonstrating one's manhood is doing sports or publicly demonstrating dislike to homosexuals. The last trait corresponds to the research by Levant. One more trait of manhood described by Vandello and Bosson is that a person has to publicly demonstrate their own manhood in order to prove they deserve to be called a true man. Manhood is mainly determined by action, not by stable features. All these factors result in men constantly trying to prove themselves. This often leads to risky, aggressive and overly competitive behaviour.

As was stated before, one of the main requirements of masculinity is dismissive of emotions, restrictions on displaying of feelings. This characteristic of masculinity is described in the research by Way et al. (Way et al. 2014). More specifically, this paper describes the attitude of boys to oppose such emotionally restrictive norms. Way describes young men confronting this status quo by confessing their distress and speaking of their emotions with their friends. They also express their wishes to have close friendships and in general internally oppose the norms that link emotional expressiveness and vulnerability with traits of femininity and homosexuality. However, it does not last long. As time progresses and boys grow older, they learn to comply to these norms. This results in them, for instance, forming groups that start opposing girls and in which they start displaying aggression. The authors also state that explicit resistance to masculine norms of emotional stoicism is rather rare compared to the implicit one.

One of the types of strain that masculinity imposes on men for conforming to the traditional masculinity norms that was mentioned before (Levant 1996) is the trauma strain. The implications of this kind of strain are described in the paper by Moss-Racusin et al. (Moss-Racusin et al. 2010). It is written in this research that men are expected to be strong, assertive and that they have to dominate in a relationship. This brings some negative consequences to men, specifically to their mentality and their relationships with other people. To be exact, it can bring elevated levels of depression to men and cause severe psychological distress. Moreover, this study corresponds with the papers described before, stating that risky behaviour is also potentially harmful to men's actual, physical health and safety. However, these are not the only types of harm masculinity norms can bring to male individuals. Another type of negative consequences is possible if an individual decides to reject this traditional image of manhood. If a person is deemed passive, overly emotional or if a person is good at something that is considered feminine, they can get ostracized and deemed weak. Moss-Racusin et al. call this phenomenon a backlash. It strengthens gender norms and by doing

so prevents men — and women for that matter — from unleashing their unused potential.

It is necessary also to highlight that the perception ps and manifestations of masculinity are not the same for every group. In the study by Berberova (Berberova 2017), the author explores the masculinity differences between youth and the older generation. She found out, that as a whole the patterns of masculinity are more modernised among the youth compared to the older groups of people. The tendency that was discovered is that the older a man is, the more likely he is to apply his patriarchal identity to reinforce his masculinity. She also found out that polarisation and conventionality of masculine norms are getting weaker among younger people. One more interesting feature of masculinity patterns among the youth is that because there are no clear means of forming one's manhood — similar to what Vandello and Bosson highlighted in their work (Vandello et al. 2012) — young men tend to use things like subculture pal practices, aggression, creativity, brute force and intelligence as the means of constructing their masculinity.

Now when the main features, requirements and some types consequences of masculinity have been established, it is necessary to dive into the other aspect of the chosen population, which is the field of gaming. As long as the research group of this study is the members of “HSE OTTERS” club, who regularly participate in gaming tournaments, it is reasonable to research not only casual gaming, but also e-sport. Let us start with a research by Andrea Braithwaite (Braithwaite 2016). In this paper Braithwaite compares traditional masculinity and another, more specific type of manhood, a so-called geek masculinity. She states that geek masculinity conforms to some aspects of traditional ideal of manhood, it totally rejects other aspects of it. For instance, geeks, as well as regular men, value assertiveness, judgement and mastery, however they do not value such things as athleticism and the culture of sport. This leads to a curious situation. On one hand, geek masculinity happens to associate technological advancement with other aspects of masculinity. On the other hand, geeks abandon some features of traditional masculinity, such as physicality and affiliations for sports, for technology and their gaming routines, which actually sidelines the geeks and makes their lifestyle look odd, unusual, simply weird.

The latter point, about gamers denying physical activity in favour of gaming is discussed in the paper by Namli and Demir (Namli et al. 2020). In their research they study the impact of regular computer gaming on physicality and health. They discovered that prolonged computer gaming results such health issues as obesity and malnutrition. The authors also reveal

that if a person is involved in computer gaming for a long time is less likely to participate in exercise-sports. However, this phenomenon works in the opposite direction as well. The authors also discovered that among gamers who do engage in sports and attention sports clubs there are less obese people than among those who do not attend any sports activities. Prolonged gaming affects not only physical health of the gamers, but also their mental state. As Namli and Demir discovered, that regular gaming can result in such mental impairments as a drop in mental development and possible gaming addiction, which — as the authors discovered as well — men are more prone to than women.

It is necessary to delve deeper into the concept of a geek. The reason for this is that gamers and geeks have significant differences. This difference is researched in the paper by Helen Thronham (Thronham 2008). In her study she discovers that gamers take pleasure not simply in the technological aspect of gaming, but also in the social aspect of it. They enjoy communicating with other gamers while playing. Such gaming events are also regulated by norms of masculinity, to be exact, they take place in traditional “white heterosexual” setting like sports activities or drinking. Overall, gamers try to balance their virtual gaming lives with their real lives and real-life communication and activities. Geeks, however, do not pay much attention to their social circle and spend huge amounts of their time on solo gaming. Another thing that differentiates them from other gamers is their questionable choice of game genre. Sometimes geeks’ sexuality is even getting questioned. They are also blamed for their overexcitement over their gaming achievements. Overall, a geek is a exaggerated image of a gamer, who dismisses his social life and substitutes it with virtual reality. What is curious about this phenomenon is that geeks are differentiated from gamers according to the same traditional masculine norms without even changing much, even though the setting is drastically different from the one that constructed them.

Speaking of questionable sexuality of the geeks and general negative attitude towards homosexuality promoted by traditional masculinity, it is necessary to address the paper by Maloney and Caruso (Maloney et al. 2018). In their study they research the content of three gamers who stream their gaming routine on YouTube. In their videos the studied bloggers they express explicit satire to the norms of traditional masculine behaviour. They also behave with quite an affection towards their same-sex peers. The studied videos contain numerous satirising references towards pop culture that are deemed overly masculine. What this paper demonstrates is that the markers of masculinity that were respected before are getting unstable and are facing resistance. However, in some videos there is a very thin line between ironic

homosexual jokes and straight-up homophobic comments. Taking this into consideration, it can be said that modern masculinity that promotes explicit homophobia is now experiencing significant changes towards more inclusive attitudes.

Considering the unorthodox behaviour of the gamers from the previously described study (Maloney et al. 2018), it is necessary to dive a bit deeper into the gender aspects of gaming. This issue is studied in the study by Claudia Wilhelm (Wilhelm 2016). In her research it is revealed that gender roles have basically no impact on gaming behaviour. It does have, however, an effect on gaming motives and the choice of the genre of the game. For example, the choice of action games mediates the negative relationship between femininity and competitiveness. Also, some negative masculine features predict the choice of violent video games.

Continuing the topic of the gender influencing on gaming, it is necessary to discuss the concept of a so-called “white male gamer”. For it the paper pay Paaßen et al., where they discuss the credibility the male gamer stereotype. The results of this study have obtained no empirical proof to justify the mentioned stereotype. However, it did provide some insights into why it has formed. In the media the majority of gaming figures are men. Moreover, men are generally more prone to label themselves as gamers compared to women. Additionally, women who actually achieve decent levels of gaming competence are getting sidelined and are barely visible to the larger audience. The gender also, as the previously described study (Wilhelm 2016) has noted, determines the genre choice. Men not only spend more time playing video games on average, men actually give their preferences to the so-called “hard-core” games. Overall, women are actively gatekept from the gaming society and are denied from acceptance as true gamers.

A question that still needs to be addressed is why gaming is so appealing to men. For this reason a study by Jansz (Jansz 2005) conducted a research, where it is researched what factors make gaming popular a ongoing male individuals. It reveals that gaming fulfils men’s necessity for competition, challenge and a desire for control. Another factor is that gaming is an opportunity to engage in social interactions with one’s peers. Moreover, gaming serves as a means of escapism, it helps to distract oneself from the routine of their daily life. Additionally, games are a way to experience and express certain feelings and have an emotional release. For example, playing hard-core video games allows the gamer to experience positive emotions, such as excitement, pleasure, superiority, as well as negative ones, like disgust, rage, anxiety or fear. This opportunity is also appealing in a sense that a gamer can perform certain actions or experience some

emotions that can be deemed disturbing, unacceptable or even disgusting in other circumstances and with other people. This makes computer games a perfect opportunity for a man to engage into destructive activities and emotions without any repercussions.

Continuing the topic of hard-core games, the study by Greg Blackburn and Erica Scharrer researches the relationship between games with large amounts of violence and certain masculine beliefs. The authors hypothesised that such attributes of traditional masculinity as aggression, firmness, domination over others are correlating with the presence of extreme violence in the games. Unexpectedly, the study has not revealed any associations between violence in games and negative attitudes towards homosexuals. Moreover, game violence does not predict either the avoidance of all things feminine or the proneness to self-reliance.

The question of emotionality among men in general and among gamers in particular deserves more attention. It is covered in the paper by Gaetan et al. (Gaetan et al. 2016). This research reveals an interesting phenomenon. Generally speaking, it is discovered that gamers actually process their emotions better than regular men. Specifically, gamers do not have a preferred strategy of dealing with their emotions, but they do regulate them more effectively. Moreover, gamers tend to experience their emotions more intensely than regular male individuals. The regularity of gaming also plays an important role. Regular gamers are better at managing their emotions than the ones, who play irregularly. The last research that needs to be addressed in the framework of the current study is the paper by Kower et al. (Kowert et al. 2014). There the authors explore the relationship between the amount of online gaming and the width of a person's social circle. Predictably, the research revealed that the more a person is engaged in online gaming, the more narrow their social circle is. Consequently, this leads to gamers with narrower social circles getting less emotional support than people who are not as exposed to gaming and hence have wider social circles.

Research questions

Taking the findings of all the studies discussed above into consideration, it is possible now to determine what aspects of masculinity should be researched among gamers. As it was stated before, the main research question of this study is the following:

RQ: How do gamers from the “HSE OTTERS” university gaming club perceive and manifest masculinity patterns and norms?”

To answer this question, it is necessary to set several tasks aimed to reveal the perception of the respondents regarding each aspect of masculinity. The first aspect is gamers' attitude towards physicality and sport. Some researches state that gamers completely deny this side of life, the other state that regular gamers, unlike geeks, do engage in sports activities. So the first task is:

Task 1: Revealing the gamers' attitudes to sport and physicality.

The next masculinity aspect that poses interest in this context is how gamers manage their emotions. It has been said that gamers are better at regulating their emotions than regular men and are experiencing them more intensively. However, it seems that gamers still comply to the norms of traditional masculinity here, which states that emotions have to be contained and never shown. So this is the second task:

Task 2: Exploring the emotion management strategies of the gamers.

The next aspect of interest is gamers' attitude towards homosexuals. On one hand, gamers like most other men are prescribed by the traditional masculinity norms to show hatred and disgust towards gay men. On the other hand, some of the reviewed studies indicate a trend of inclusivity spreading among gamers. This is the third task:

Task 3: Revealing gamers' attitudes towards homosexuals.

Attitudes to femininity — and women for that matter — is another aspect that is of interest in this research. Traditional masculinity norms require avoiding all things that can be deemed feminine. It also promotes the values of domination and sex. The gaming field itself does not seem welcoming for women either, according to one of the reviewed studies they are getting seriously marginalised. So, this is the fourth task:

Task 4: Discovering what gamers think about women.

One more masculinity aspect that poses interest to this research is gamers' social interactions and relationships, especially with their friends. The studies indicate that one of the traditional masculinity requirements is self-reliance. Moreover, there has been found a negative relationship between the amount of gaming and the width of the person's social circle. However, one of the features of gaming that makes it so appealing to men is its social aspect and an opportunity to spend time with friends. This is the fifth task:

Task 5: Outlining the patterns of gamers' relationships with their peers.

Traditional masculinity has many requirements about what personality traits a man should have: aggression, dominance, confidence, toughness and so on. Many of the reviewed studies indicate that gamers tend to conform to these requirements. It seems useful to find out if the chosen population will as well fall into these patterns. The next task is:

Task 6: Determining what personality traits gamers approve and which they despise.

The final aspect that is interesting to research is the gamers' ambitions and their desire for dominance and leadership. It has been stated that traditional masculinity values assertive men who dominate other people and who are successful in life. The final task is:

Task 7: Revealing gamers' attitudes to leadership and career success.

Design and methods

Since the research puts up a goal of discovering how gamers view masculinity norms, it is clear that the design of the research has to be qualitative. The research group of the study is, as was stated before, the members of the "HSE OTTERS" club. They are what can be called e-sportsmen: they not only play for their own joy and pleasure, they also view gaming as a sport, so they regularly train and perform on various tournaments between universities. Among them only male participants were studied. This has apparent reasons, since the goal of the study is to reveal the perception of the masculinity norms by ones who are directly affected by them.

As a method of data collection a semi-structured interview. This method was chosen in order to collect a predetermined set of answers from the respondents and at the same time leave some room for improvising if some questions reveal unexpected attitudes and it is useful to work with those. In order to construct a guide the paper by Schwalbe and Wolkomir was used as a helpful source (Schwalbe et al. 2001). For example, authors suggest to ask him about his thoughts instead of his feelings in case of a man during an interview becomes restrictive about his emotions. Moreover, a request to tell a story is considered to be more efficient than a direct question about his feelings regarding the situation discussed. This led to the more extensive usage of the vignette-questions in the guide.

The interview guide consisted of seven blocks. In the first block the introductory questions were asked about the respondent. Additionally, this block aimed to reveal what the respondents find appealing about computer games and what people they consider gamers. The second block collects information about respondent's relationships with other club members and about patterns of behaviour that are prevalent in the game and several questions about female gamers and the respondent's attitude towards them. The third block is a block about emotions and aims to discover the respondent's emotional behaviour, how a person manages their emotions,

what emotions they find acceptable to express and how the respondents communicate with their friends. The fourth block has a goal of discovering respondents' attitudes to physicality, strength and sports activities. The fifth block asks questions about desired job, ambitions and about respondents' attitudes to leadership. The last block consists of one question and aims to reveal gamers' attitudes to homosexuals.

Eleven interviews were conducted. They were later transcribed into text. The transcripts were subjected to open coding. When all the codes were distinguished, they, in their turn, were subjected to axis coding in order to distribute the found attitudes into groups.

Results and discussion

The respondents' answers were somewhat unexpected. In some categories their attitudes were similar to those revealed in the reviewed studies, in other categories they were drastically different. Six sub-questions were established, so it is reasonable to describe the results in the same order as them. The aim of Task 1 was to discover gamers' attitudes to sports and physicality in general. In the axis coding scheme these attitudes are coded into the "desired appearance" section. It has been revealed that the gamers have no certain ideal image of a man in terms of appearance. One of the respondents did name the features that are traditionally considered manly, like athletic build or prominent cheekbones that look brutal:

"We are talking about an ideal world, that is, where I will now describe an ideal man. That is, this is an athletic build, there, well, facial features also change. That is, when you play sports and somehow raise testosterone, that is, let's say, here are the cheekbones. Men have cheekbones, there, it's brutal. The brow ridges, they really stick out [Мы говорим про идеальный мир, то есть где идеального мужчину сейчас буду описывать. То есть это спортивное телосложение, там, ну, черты же лица тоже меняются. То есть когда ты занимаешься спортом и как-то поднимаешь тестостерон, то есть, допустим, вот скулы. У мужчин же скулы, там, это же грустно. Надбровные дуги, они вот прям выпирают]"

However, almost all respondents said that it was important for them to be fit and to look athletic. Most of them also answered that in order to reach the desired fitness they visit the gym on a regular basis. What was unexpected is that a significant part of the respondents also put value in their style: how they dress, how well-groomed they look. Many respondents answered that they used facial care products, for instance in order to get rid of acne, and even undergo some beauty procedures:

“...I’ve had a lot of facial procedures, like: facial cleansing, facial polishing, some kind of facial crap, ozone therapy — they’ve done everything to me, in short [...я много процедур для лица делал, там, из серии: чистка лица, шлифовка лица, какая-то хрень лица, озонотерапия — чего мне только не делали, короче]”.

They also claim to use hair products, deodorants, perfume and some other products. Overall, the respondents put much value their appearance. It applies not only to how athletic they look, but also how well they dress and how neat they appear.

The goal of Task 2 was to discover how gamers deal with their emotions. In this sense the revealed attitudes to some extent coincide with the findings of the reviewed studies. Many respondents told that they always know what they’re feeling. Some told they try to analyse what emotions they are experiencing a certain moment:

“if I think about it, I usually, just for myself, I can immediately understand what I feel: am I sad or happy, I can quickly understand [если я задумываюсь, я обычно, вот именно для самого себя, я могу сразу понять, что я чувствую: мне грустно или рад, я могу быстро понять]”.

The respondents also revealed how the actual gaming makes them feel. For instance, most of the respondents say that losing makes them either sad or enraged, whereas winning can not only bring joy, but it also can bring sadness if they feel that the victory was not earned. Most of the respondents answered that they considered themselves to be emotional people. But what is more interesting is that all the respondents say that they hold back and conceal their emotions. Some of the reasons for this is that expressing emotions can be harmful in a certain situation or that they do not want their negative emotions to spread into other people. Negative emotions are concealed more often than the positive ones:

“...I will try as much as possible not to make it so that the team does not feel it, so that no one after me falls into the same state. Accordingly, I can be upset inside myself, but at the same time no one will know about it, and well, and will not understand it [...я постараюсь максимально не как бы сделать так, чтобы команда этого не чувствовала, чтобы никто вслед за мной не попадал в это же состояние. Соответственно, я могу быть расстроен внутри себя, но при этом никто об этом не узнает, и, ну, и не поймет этого]”.

In general, most of the respondents do not consider showing emotions as something that should be penalised. However, they see an impulsive and hysterical person as a weak one.

The aim of Task 3 was to distinguish the gamers' attitudes towards homosexuality. In order to do this, the respondents were asked what they think about a The law that prohibits the LGBT¹ propaganda. In this sense the results are drastically different from the ones obtained in the reviewed studies. None of the respondents answered that they have positive attitudes towards this law. Some respondents are confused by the purpose of this law, others are concerned about how this law is formulated. Several respondents believe that the state should not get involved into people's personal relationships and that they do not think there is anything wrong with LGBT² people.

Some respondents have a controversial attitude towards this law, and consider a possibility of this law having a reason to be created:

"Probably, it was in our country that this had to be done, because we have a lot of such traditional conservative people, for whom LGBT and, especially, propaganda, is a downright sin [Наверное, именно в нашей стране это надо было сделать, потому что у нас очень много таких традиционных консервативных людей, которым ЛГБТ³ и тем более пропаганда, — для них это прям грех]".

The goal of Task 4 was to reveal what attitudes gamers have towards women in general and to female-gamers in particular. The first interesting aspect is what word gamers use to mention women in a conversation. The most popular version is either "girl" or "woman", however, some more harsh versions are used infrequently:

"Sometimes a 'chick', sometimes a 'girl', a 'young lady'. Well, I usually say 'girl'. But everyone has their own way, some are 'chicks', some are 'women' [Иногда вылетает там «тянка», иногда вылетает «девочка», «девушка». Ну, я обычно «девочка» говорю. А так, кто во что горазд, кто — «телка», кто — «баба»]".

Gamers believe that women are not fit for the physical work. However, they believe that women are superior in work with kids and in work that requires creativity. In terms of intellectual work the women are believed to be nothing less than men. In terms of appearance some of the respondents believe that women should be more concerned about their appearance than men:

"Well, girls should take more care of their appearance than men, actually, yes. That's why they are the beautiful sex. [Ну, девушки больше должны следить за своей внешностью на самом деле, чем мужчины, да. На то они и красивый пол]".

¹ Организация признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

² Организация признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

³ Организация признана экстремистской и запрещена в Российской Федерации.

However, the respondents do not think that there is a certain ideal image that all women should reach, but plumpness is undesirable for them as well as extreme thinness. In general all the respondents believe that women should be well-groomed and have gentle features. In terms of personality the respondents haven't named any particular characteristics, but they believe that swearing feels more odd when it comes from a woman. Speaking of female-gamers, most respondents believe that there are far less of those than male-gamers. They admit that there is a certain degree of discrimination among gamers towards women. They mentioned that many women tend not to speak in the voice-chat during the game in order not to receive negative backlash:

“Because usually, especially in some very toxic communities, it happens that a girl just says something in voice chat, and immediately some smart guy will come along and say: ‘Woman, go to the kitchen,’ and that’s it. And he’ll be like: ‘Well, that’s it, we lost, we have a woman on our team’ [Потому что обычно, особенно в каких-нибудь очень токсичных комьюнити, бывает такое, что девушка только что-то говорит в voice-chat, и ей сразу же найдется какой-то умник, который скажет: «Женщина, на кухню», — и все. И такой типа: «Ну все, мы проиграли, у нас женщина в команде】”.

However, the respondents believe, that if a woman does not speak in the voice-chat, it is almost impossible to distinguish female players from male ones. Some of the possible indicators are the characters used — women tend to use female characters — the neatness of their account and their photo. Their own attitude to female-gamers is that as long as they are good players, they have nothing against women on their team:

“That is, I judge purely by her personal skill. That is, if a girl plays at the rank she plays at, then I don’t mind her at all [То есть я сужу сугубо по ее личному скилу. То есть если девушка играет на тот ранг, на котором она играет, то я вообще не против нее】”.

The respondents also think that female-gamers are more fit for supporting positions in the game. More specifically, in the Dota 2 game women often tend to use the character of Crystal Maiden, a supporting character which is inherently associated with female-players. They also believe that women are less competitive in the game and that they behave in a less risky manner. The respondents also believe that female gamers are more mature and are less prone to participating in quarrels in the game chats compared to men.

It is important to address the implication of the traditional masculinity that requires men to avoid all things feminine. All the respondents answered

that they have nothing against using female characters in the game and having a girl — for instance a portrait of an anime-girl — as their photo.

The aim of Task 5 was to reveal how gamers tend to communicate with their friends and peers. It turns out that gamers have nothing against showing emotions and being vulnerable with friends:

“I cried in front of my friends. Again, when my dog died. Well, that’s it. That is, these are normal emotions [Я плакал при друзьях. Опять же, когда у меня собака умерла. Ну вот. То есть это нормальные эмоции]”.

They also have nothing against physical expressions of affection, such as handshakes, hugs, slaps on the shoulders. All the respondents say that they openly express their joy when they meet with a friend they have not seen for a long time. What is interesting is that the respondents feel comfortable with giving compliments about appearance to each other. Swearing is also common and approved among their peers.

When the respondents engage in a conflict, their first strategy is to calm themselves down, de-escalate the conflict and pull away from it. Some of the respondents believe that if an opponent is hysterical, it is pointless to argue because you cannot prove anything to them. They also claim that gamers do not have a lot of rules how to behave in the game, but they do claim that mocking other players, insulting them and cheating is highly despised by the community. It can even come to a person, who tends to mock other players a lot, to be banned from the game.

What is interesting is that many of the respondents claim that they have not built any close relationships with the other members of the “HSE OTTERS” club. They mentioned that the communication between the members has for the most part been an online communication with only rare face-to-face meetings.

The aim of Task 6 was to find out if the gamers comply the traditional masculine norms of being assertive, tough, aggressive and dominant. To some extent the respondents do fall into the traditional patterns: they value such personality traits as determination, self-sufficiency, responsibility, confidence, persistence and bravery. Some of the respondents also claim to value such traits as sense of humour, good manners, virtue, sincerity and critical thinking. However, there are some typically masculine traits that the respondents despise: aggression, excessive temper, arrogance. They also believe such traits as indiscipline, hypocrisy, inability to admit mistakes and bad manners to be negative traits of a man:

“Well, some kind of, probably, excessive irascibility. And, probably, attempts to move a person to more hostile sides of the conflict than to

resolve it. Some kind of manifestation of coolness, I don't know, associations, all that. Well, it seems to me that all conflicts are resolved with the help of words [Ну, какая-то, наверное, все же излишняя вспыльчивость. И, наверное, попытки перевести человека в более враждебные стороны конфликта, нежели решение его. Какое-то проявление крутости, я не знаю, ассоциации, вот это все. Ну, мне кажется, все же все конфликты решаются при помощи слов]”.

In Task 7 the goal was to explore gamers' ambitions, more exactly their career desires and choices. It also aims to reveal gamers' attitudes towards leadership. Consequently, many respondents see themselves as analysts, logistics specialists and IT specialists in the future. They value such things as the prestige of the specialty, the possibilities of further development and the versatility of their specialty to be of value. Most of the respondents are unwilling to work for hire and prefer to start their own business in the future.

The respondents see the leader as someone who is responsible, determined, has knowledge in the sphere of their expertise, organised, not afraid of mistakes, decisive and good at communicating with other people and capable of motivating them:

“Well, what makes a person a leader is the ability to analyze a large amount of information and distribute responsibilities and the ability to take responsibility and make decisions [Ну, человека лидером делает способность, собственно, анализировать большой объем информации и распределять обязанности и способность брать на себя ответственность и принимать решения]”.

Some of the respondents see themselves as leaders, however not all of those claim to possess the mentioned qualities of a good leader. Some of the mentioned qualities the respondents claim to have obtained because of their extensive gaming career, such as ability to work in a team, an ability to lead disputes, enhanced communication skills and taking responsibility. What is interesting is that many of the named features of a leader coincide with the features of a true, perfect man, which leads to a conclusion that the respondents inherently see a man in a position of a leader, which can be explained by the fact that some of the respondents are leaders in their gaming teams and peer groups.

Generally, the respondents see gaming as a means of leisure, relaxation, entertainment, but also as a means of escapism, emotional relief and competition. They claim that it helps them to remember not only gaming skills, but also soft skills, such as English.

Conclusions and limitations

The results of the study indicate that gamers from the “HSE OTTERS” club conform to some norms of traditional masculinity and oppose the other ones. They value athleticism and sport, they believe a man should be proactive, responsible, decisive, and confident. Many of the personal traits of a perfect man in their mind are the same as the qualities of a leader, so it brings up a conclusion that the participants usually see a man as a leader. However, the gamers, who participated in the research, conform to an emotionally restrictive lifestyle that traditional masculinity promotes only to a certain extent. They allow themselves to be emotional, physically affectionate and vulnerable with their friends, but they often hold their emotions, especially negative ones, back, but not because they believe them to be not masculine, but because they do not want those negative feelings to spread onto other people. Not many gamers in the club have close relationships with other club members and the communication is mostly an online one. Some of the gamers they communicate with are women and the participants have not shown any signs that they think themselves superior over them. They claim men to be more fit for the physical jobs, but admit that women are better at working with children. They believe female gamers to be less risky and competitive, but give them credit for being more mature not to engage in frequent fights in the game chats. They also admit that without women speaking in the voice chat it is almost impossible to distinguish them for male players. The participants themselves are not opposing some feminine practices, like using a female character in a game or using cosmetic products to maintain their appearance. They also haven’t expressed any open hostility towards homosexuality, which is often one of the main requirements of traditional masculinity.

However, the research has several limitations. Firstly, the research group was limited to one gaming club in one university. This can be a source of bias in the results since Higher School of Economics collects a distinct contingent of people and students of other universities may have drastically different mindsets. Secondly, the group was limited in terms of age. Mindsets tend to change over time. Moreover, as it was noted in the literature review, different age groups have different attitudes toward masculinity and realize them in different manners (Berberova 2017). It is logical to assume, that various gamer groups from different generations might as well have their own opinions about manhood. So, in the further research it is advised to expand the research group in order to reach more variety among the participants of the study.

Источники

Берберова К. К. Социально-групповые особенности конструкторов маскулинности в молодежной среде // Гуманитарий Юга России. — 2017. — Т. 6, № 4. — С. 71–78. — DOI: 10.23683/2227-8656.2017.4.6; EDN: ZGFMZB.

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятнейшие отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 6. — С. 48–73. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.03; EDN: VWSALC.

Blackburn G., Scharrer E. Video game playing and beliefs about masculinity among male and female emerging adults // Sex Roles. — 2019. — No. 80. — P. 310–324. — DOI: 10.1007/s11199-018-0934-4.

Braithwaite A. It's about ethics in games journalism? Gamergaters and geek masculinity // Social Media + Society. — 2016. — Vol. 2, no. 4. — DOI: 2056305116672484.

Gaetan S., Bréjard V., Bonnet A. Video games in adolescence and emotional functioning: Emotion regulation, emotion intensity, emotion expression, and alexithymia // Computers in Human Behavior. — 2016. — No. 61. — P. 344–349. — DOI: 10.1016/j.chb.2016.03.027.

Jansz J. The emotional appeal of violent video games for adolescent males // Communication theory. — 2005. — Vol. 15, no. 3. — P. 219–241. — DOI: 10.1111/j.1468-2885.2005.tb00334.x.

Kowert R., Domahidi E., Festl R., Quandt T. Social gaming, lonely life? The impact of digital game play on adolescents' social circles // Computers in human behavior. — 2014. — No. 36. — P. 385–390. — DOI: 10.1016/j.chb.2014.04.003.

Levant R. F. The new psychology of men // Professional psychology: Research and practice. — 1996. — Vol. 27, no. 3. — P. 259. — DOI: 10.1037/0735-7028.27.3.259.

Maloney M., Roberts S., Caruso A. 'Mmm... I love it, bro!': Performances of masculinity in YouTube gaming // New Media & Society. — 2018. — Vol. 20, no. 5. — P. 1697–1714. — DOI: 10.1177/1461444817703368.

Moss-Racusin C. A., Phelan J. E., Rudman L. A. When men break the gender rules: status incongruity and backlash against modest men // Psychology of Men & Masculinity. — 2010. — Vol. 11, no. 2. — P. 140. — DOI: 10.1037/a0018093.

Nami S., Demir G. T. The Relationship between | Attitudes towards Digital Gaming and Sports // Turkish Online Journal of Educational Technology — TOJET. — 2020. — Vol. 19, no. 1. — P. 40–52.

Paaßen B., Morgenroth T., Stratemeyer M. What is a true gamer? The male gamer stereotype and the marginalization of women in video game culture // Sex Roles. — 2017. — No. 76. — P. 421–435. — DOI: 10.1007/s11199-016-0678-y.

Schwalbe M., Wolkomir M. The masculine self as problem and resource in interview studies of men // Men and masculinities. — 2001. — Vol. 4, no. 1. — P. 90–103. — DOI: 10.1177/1097184X01004001005.

Thornham H. "It's A Boy Thing": Gaming, gender, and geeks // *Feminist Media Studies*. — 2008. — Vol. 8, no. 2. — P. 127–142. — DOI: 10.1080/14680770801980505.

Vandello J. A., Bosson J. K. Hard won and easily lost: A review and synthesis of theory and research on precarious manhood // *Psychology of men & masculinity*. — 2013. — Vol. 14, no. 2. — P. 101. — DOI: 10.1037/a0029826.

Way N., Cressen J., Bodian S., Preston J., Nelson J., Hughes D. "It might be nice to be a girl... Then you wouldn't have to be emotionless": Boys' resistance to norms of masculinity during adolescence // *Psychology of Men & Masculinity*. — 2014. — Vol. 15, no. 3. — P. 241. — DOI: 10.1037/a0037262.

Wilhelm C. Gender role orientation and gaming behavior revisited: examining mediated and moderated effects // *Information, Communication & Society*. — 2018. — Vol. 21, no. 2. — P. 224–240. — DOI: 10.1080/1369118X.2016.1271902.

Сведения об авторе

Мосеев Александр Григорьевич,

департамент социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия.

agmoseev@edu.hse.ru

Статья поступила в редакцию: 01.08.2023;

поступила после рецензирования и доработки: 09.09.2024;

принята к публикации: 25.09.2024.

ALEXANDER G. MOSEEV

National Research University Higher School of Economics,

St. Petersburg, Russian Federation

GAMING MASCULINITY: MASCULINITY NORMS PERCEPTION BY CYBERSPORTSMEN — HSE STUDENTS

Abstract. The topic of masculinity, its forms and components has been an object of interest for researchers for a long time by now. In every group masculinity manifests itself in its own distinct way. Amongst other groups cyber sportsmen are a special one, relatively young, but already attracts attention of the researchers. The students of Higher School of Economics are a distinct group as well, which hasn't been studied neither in terms of masculinity, nor in terms of gaming. So, the research question is: "How gamers from HSE cyber sport club perceive masculinity norms?" The methods applied here are approximately 10 semi-structured interviews with the "HSE OTTERS" club.

Keywords: gaming, masculinity, perception of masculinity, norms of masculinity, cyber sport.

For citation: Moseev A. G. Gaming masculinity: masculinity norms perception by cybersportsmen — HSE students // St. Petersburg Sociology Today. 2024. No. 25. P. 85–105. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.3q41-nq96; EDN: BLCUTX.

References

Berberova K. K. Social-Group Characteristics of the Constructs of Masculinity in the Youth Environment. *Humanities of the South of Russia*, 2017, vol. 6, no. 4, pp. 71–78. (In Russ.) DOI: 10.23683/2227-8656.2017.4.6; EDN: ZGFMZB.

Blackburn G., Scharrer E. Video game playing and beliefs about masculinity among male and female emerging adults. *Sex Roles*, 2019, no. 80, pp. 310–324.

Braithwaite A. It's about ethics in games journalism? *Gamergaters and geek masculinity. Social Media + Society*, 2016, no. 2 (4), pp. 1–10.

Gaetan S., Bréjard V., Bonnet A. Video games in adolescence and emotional functioning: Emotion regulation, emotion intensity, emotion expression, and alexithymia. *Computers in Human Behavior*, 2016, no. 61, pp. 344–349.

Jansz J. The emotional appeal of violent video games for adolescent males. *Communication theory*, 2005, no. 15 (3), pp. 219–241.

Kowert R., Domahidi E., Festl R., & Quandt T. Social gaming, lonely life? The impact of digital game play on adolescents' social circles. *Computers in human behavior*, 2014, no. 36, pp. 385–390.

Levant R. F. The new psychology of men. *Professional psychology: Research and practice*, 1996, no. 27 (3), p. 259.

Maloney M., Roberts S., & Caruso A. 'Mmm... I love it, bro!': Performances of masculinity in YouTube gaming. *New Media & Society*, 2018, no. 20 (5), pp. 1697–1714.

Moss-Racusin C. A., Phelan J. E., Rudman L. A. When men break the gender rules: status incongruity and backlash against modest men. *Psychology of Men & Masculinity*, 2010, no. 11 (2), pp. 140–151.

Nami S., Demir G. T. The Relationship between | Attitudes towards Digital Gaming and Sports. *Turkish Online Journal of Educational Technology — TOJET*, 2020, no. 19 (1), pp. 40–52.

Paaßen B., Morgenroth T., Stratemeyer M. What is a true gamer? The male gamer stereotype and the marginalization of women in video game culture. *Sex Roles*, 2017, no. 76, pp. 421–435.

Schwalbe M., Wolkomir M. The masculine self as problem and resource in interview studies of men. *Men and masculinities*, 2001, no. 4 (1), pp. 90–103.

Thornham H. "It's A Boy Thing" Gaming, gender, and geeks. *Feminist Media Studies*, 2008, no. 8 (2), pp. 127–142.

Vandello J. A., Bosson J. K. Hard won and easily lost: A review and synthesis of theory and research on precarious manhood. *Psychology of men & masculinity*, 2013, no. 14 (2), pp. 1–19.

Way N., Cressen J., Bodian S., Preston J., Nelson J., Hughes D. "It might be nice to be a girl... Then you wouldn't have to be emotionless": Boys' resistance to norms of masculinity during adolescence. *Psychology of Men & Masculinity*, 2014, no. 15 (3), pp. 241–252.

Wilhelm C. Gender role orientation and gaming behavior revisited: examining mediated and moderated effects. *Information, Communication & Society*, 2018, no. 21 (2), pp. 224–240.

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. What is “Masculinity”? Conceptual Keys to Critical Studies in Men and Masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 6, pp. 48–73. DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.03; EDN: VWSALC.

Information about the author

Moseev Alexander G.,

Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation.
agmoseev@edu.hse.ru

Received: 01.08.2023;

revised after review: 09.09.2024;

accepted for publication: 25.09.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИЙ

УДК 316.334.22

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.swze-t049

EDN: YPFBAW

Юлия Вячеславовна Лобанова^{1,2}

¹ Томский государственный университет, Томск, Россия

² Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИТ-СООБЩЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ СУБКУЛЬТУРЫ И ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются данные эмпирического исследования, которые позволили выявить основные элементы профессиональной субкультуры ИТ-сообщества, особенности взаимоотношений, формальные и неформальные практики взаимодействия. Анализ профессиональных биографий показывает, что тенденцией последнего времени является подготовка специалистов ИТ-компаниями под свои нужды в формате стажировок. Важной ценностью в рабочих отношениях представителей ИТ-сообщества является взаимоуважение и создание нетоксичной среды, формирование зон ответственности на основе принципа прозрачности. Полученные данные показали, что преобладание молодых сотрудников в среде ИТ-сообщества и неформальные отношения в рабочем коллективе могут являться барьером при выстраивании строго формализованного порядка. Большое значение для формирования профессионального сообщества играет история компании и те продукты, которые она разрабатывает.

Ключевые слова: антропология профессии, профессиональная культура, ИТ-сообщество, нормы, символы, ценности.

Введение

Несмотря на то что ИТ-сообщество стремительно развивается во всем мире, оно все еще мало изучено в социальной науке. Гораздо больше исследований, охватывающих различные профессиональной субкультуры, связано с творческими или медицинскими профессиями,

например, актеров, артистов балета, музыкантов, медиков, включая стоматологов (Зайцева 2003; Райкова 2012; Бабаян 2011; Сало 2012; Бердышева 2011; Масленкова 2005). Отдельный пул исследований связан с традиционными и рабочими профессиями (металлурги, кузнецы, адвокаты) (Абрамов 2012; Добровольская 2011; Бочаров 2016).

Что касается профессиональной субкультуры IT-сообщества, то интерес ученых был в основном сосредоточен на формальных практиках, в то время как неформальные отношения, отношение работников к истории и символике своей компании, элементы профессиональной субкультуры изучены гораздо слабей. В этой статье мы задаемся вопросом о том, какова же специфика профессиональной субкультуры и практики взаимодействия внутри IT-сообщества, какие элементы и черты профессиональной субкультуры воспроизводят представители IT-сообщества? Для разрешения исследовательской проблемы важно рассмотреть основные дискуссионные точки по поводу того, что такое «профессиональная субкультура», выявить основные элементы профессиональной субкультуры IT-сообщества, особенности взаимоотношений, формальные и неформальные практики взаимодействия.

Основным методом исследования являются полуструктурированные интервью, дополнительным источником информации — открытая информация с официальных сайтов компаний, где трудоустроены информанты. Интервью были проведены среди сотрудников томских IT-компаний: KreoSoft, «Спутник», «Лига Спорта», REDCAT. Для проведения интервью был составлен гайд, состоящий из четырех блоков: «Профессиональная идентичность», «Профессиональная биография», «Неформальные отношения», «Символика и атрибутика». В рамках первого блока респондентам предоставлялась возможность ответить на вопрос «Кто я?», из чего можно понять, каким образом человек идентифицирует себя и в какой последовательности расставляет свои социальные роли, на какое место в иерархии идентичностей поставлена профессиональная идентичность и есть ли в целом ей место в этой иерархии. Второй блок вопросов был посвящен образованию респондентов, их карьерному пути, рабочему функционалу, формату работы и профессиональным взаимоотношениям с коллегами. Третий блок раскрывает неформальные отношения в коллективе, отношение к тимбилдингу и корпоративам, общению после рабочего времени. Заключительный блок включает вопросы, связанные с историей компании, шуткам и юмором в профессиональной среде, стереотипам, суевериям и отношению к нужности и важности такой корпоративной

составляющей компании, как мерч¹. Интервью проводились в онлайн-и офлайн-формате. Для записи использовались диктофон и ноутбук.

Ключевыми понятиями, используемыми в данном исследовании, являются понятия «профессиональная субкультура» и «профессиональное сообщество». В качестве рабочего определения использован концепт, разработанный Т. Б. Щепанской, которая обозначает профессиональную субкультуру как «комплекс традиций: обычного права, стереотипов поведения, особенностей образа жизни, форм повседневного дискурса, символы и атрибутов, — сложившийся в данной профессиональной среде» (Щепанская 2003: 141). Что касается понятия «профессиональное сообщество», то в данном исследовании под ним понимается официально организованная, а также неофициально функционирующая структура профессионального взаимодействия представителей одной профессии, которые, в свою очередь, являются носителями ценностей и норм данной профессии (Руднева, Костянов 2010). В данном исследовании к IT-сообществу относятся сотрудники, занятые в этой сфере: разработчики, дизайнеры, HR, тестировщики, аналитики данных, системные администраторы, менеджеры продуктов, системные аналитики, ML-разработчики, технические писатели, менеджеры проектов. IT-сообщество рассматривается как самостоятельная общность, представители которой имеют следующие характеристики: собственную мотивацию, опыт, квалификацию, рыночную востребованность, коммуникации и язык, высокую степень самоорганизации и свободы и др. (Земнухова 2013).

Антропологическое измерение профессии: обзор существующих подходов

По мнению современных исследований, антропология профессий — явление не столь новое в науке. Ее возникновение обусловлено необходимостью «применить этнографический метод в социологических и экономических исследованиях трудовых отношений в крупных промышленных организациях, образовательных учреждениях, медицинских и социальных сервисах и других организационно-профессиональных контекстах» (Романов, Ярская-Смирнова 2016). П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова определяют антропологию профессий как «конкретный методологический подход к исследованию различных аспектов повседневной жизни профессий и профессиональных групп, понимаемых в как раз в таком широком смысле» (Романов, Ярская-Смирнова 2005). Кроме

¹ Мерч — это любая сувенирная продукция с символикой бренда.

того, антропологическое исследование профессий, по их же мнению, сопряжено с неявными социальными взаимодействиями, культурными практиками, которые являются скрытыми от наблюдателей извне. Фокусируясь на узком смысле определения антропологии или этнографии профессий, мы понимаем ее как метод сбора эмпирических данных и жанр описания культур, при этом в широком смысле — это синоним антропологии, когда исследователь выходит на уровень обобщений и построения теории (Романов, Ярская-Смирнова 2008). Основными целями антропологии профессий являются исследование специфики профессиональной деятельности, анализ профессиональных навыков и компетенций, изучение социокультурных аспектов работы и трудовых отношений. В рамках антропологии профессий изучаются различные аспекты профессиональной деятельности, в их числе: специализация, трудовые навыки, профессиональные общности, структура рабочих коллективов, трудовая мотивация, социальные и культурные аспекты труда, профессиональная идентичность, а помимо всего прочего, влияние технологических изменений на профессиональные практики.

Исследователи направления, именуемого антропологией профессий, при характеристике исторического развития этой области выделяют несколько этапов ее формирования. Так, П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова формулируют следующие периоды истории развития антропологии профессий: человеческие отношения на производстве (1920–1950-е гг.); структуры и конфликты (1960–1970-е гг.); управление знанием (1980–2000-е гг.). Если обратиться к первому этапу в истории антропологии профессий, то уже в 20–30 гг. прошлого века появились первые консалтинговые компании в Европе, которые позже распространились в Азии, Африке и Латинской Америке. Одной из первых таких компаний можно назвать созданную в 1914 г. в Чикаго Business Research and Development Company, в настоящее время известную как Booz Allen Hamilton Holding Corporation.

Развитие экономической сферы неизбежно оказало влияние на состояние исследовательского поля. В 20-е гг. XX в. американский психолог и социолог Элтон Мейо приступил к эксперименту, который проводил на текстильной фабрике в Филадельфии. Там наблюдалась проблема частой смены сотрудников и, как следствие, вытекающая из-за этого нестабильность штата, проблему не решало даже материальное стимулирование в виде заработной платы. В ходе эксперимента, проведенного Мейо, оказалось, что для сотрудников предприятия важным оказалось неформальное взаимодействие с коллегами, например, в рамках небольших перерывов на отдых, когда прядильщики

могли пообщаться друг с другом. В последующие годы Элтон Мейо руководил вторым этапом Хоторнского эксперимента, проводимого на предприятии Hawthorne Works, относящегося к американской компании Western Electric Company, который проходил в три этапа (Фаткуллина 2015). Исследователи сделали вывод о том, что условия труда не являются основополагающей составляющей для производительности труда работников, но при этом на производительность труда влияют положительные взаимоотношения в коллективе (Фаткуллина 2015). Кроме того, по результатам проведения Хоторнского эксперимента были сделаны выводы о том, что у рабочей группы есть своя сложная организация, состоящая из выработанных группой норм поведения, взаимных оценок и связей.

В 1933 г. вышла монография Элтона Мейо «The Human Problems of an Industrial Civilization», в которой обсуждаются вопросы мотивации сотрудников, их ожиданий от работы, а также важность социального взаимодействия и коммуникации на рабочем месте (Mayo 1933). Позже, в 1949 г., Э. Мейо выпустил другую монографию «Hawthorne and the Western Electric Company», в которой анализирует социальные проблемы в индустриальном обществе. Основное внимание в книге как раз уделяется Хоторнскому эксперименту и его последствиям. Мейо обсуждает важность участия работников в принятии решений и раскрывает взаимосвязь между социальными аспектами работы и производительностью труда. Он анализирует эмоциональное состояние и мотивацию работников, выявляя влияние факторов межличностных отношений на результативность производства (Mayo 1949).

Новый подход к анализу социальной действительности, в котором были учтены культурные особенности и точки зрения различных групп, был развит американским антропологом Ренато Росальдо в работе «Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis» (Романов, Ярская-Смирнова 2008). Антрополог считает, что для понимания социальных явлений необходимо учитывать не только объективные факты, но и культурные представления и ценности, которые влияют на восприятие и интерпретацию событий. Росальдо призывает к переосмыслению социального анализа с учетом многообразия культурных практик и исключения единственно правильной точки зрения (Rosaldo 1989).

В 70-е гг. получила развитие марксистская и неомарксистская критика индустриального производства в США. Так, в 1979 г. было опубликовано исследование американского антрополога Луизы Ламфер «Fighting the Piece Rate System: New Dimensions of an Old Struggle in the Apparel Industry». Л. Ламфер размышляет о том, как система сдельной

оплаты, при которой рабочие получают оплату за каждую произведенную единицу, оказывает влияние на условия труда и заработную плату работников в швейной отрасли. Автор отмечает, что эта система создает интенсивное давление на рабочих, заставляя их работать быстрее и часто снижая их заработок из-за колебаний производительности и качества работы (Lamphere 1979).

Американский социолог Гарри Браверман в своей книге «Labor and Monopoly Capital» проанализировал трансформации, произошедшие в трудовом процессе. Он утверждает, что основной целью тайлоризма является разделение умственного и физического труда, что приводит к деквалификации рабочих и усилению контроля со стороны управления. Это так называемое отчуждение труда обесценивает рабочую силу и снижает ее самостоятельность. Браверман приводит множество примеров из различных отраслей, демонстрируя, как эти процессы происходят в реальной жизни (Braverman 1974).

Этот же период характеризуется появлением исследований международных корпораций, чьи предприятия имеют филиалы, базирующиеся в разных странах. В качестве примера можно привести исследование американского социального антрополога Джун Нэш «The Anthropology of the Multinational Corporation», в которой она рассматривает влияние транснациональных корпораций на локальные сообщества. Автор обсуждает, как транснациональные корпорации влияют на местные рынки труда, создавая рабочие места, а также вызывая экономическую зависимость регионов от внешних инвесторов, что приводит к изменению традиционных экономических структур и неравенству в распределении ресурсов. Нэш подчеркивает, что это взаимодействие может привести к культурным изменениям и даже к потере культурного наследия (Nash 1979).

Контекст приведенных исследований связан с глобализацией в мировой экономике, влиянии властей различных государств, где имелись филиалы этих предприятий, а также предприятий, которые непосредственно оказывали влияние на экономическую и политическую сферы регионов. Помимо этого, научные труды указанного периода придали значимость таким аспектам, как знания и навыки работников. В работе Кеннета Кэстипера «Know-How on the Job: The Important Working Knowledge of Unskilled Workers» рассматривается проблема того, что неквалифицированные рабочие на самом деле обладают важными, хотя и неформальными, знаниями, которые критичны для выполнения их задач. Эти знания и навыки зачастую не присущи формальному образованию и не признаются официально, но являются ключевыми

для эффективной работы и обеспечения производительности. Исследуя конкретные примеры и анализируя рабочие процессы в различных отраслях, Кэстирер приходит к выводу о том, что понимание и систематизация этих неформальных знаний может значительно улучшить организацию труда и повысить эффективность производственных процессов (Kusterer 1978).

По мнению П. В. Романова и Е. Р. Ярской-Смирновой, «этнографические исследования работы и сообществ, объединенных тем или иным видом занятости на заводах, шахтах, различного рода производствах, были ориентированы марксистской методологией». Предметом анализа в этих описаниях становятся конфликты и отчуждение, эксплуатация рабочих и их ответ на глубокую дифференциацию власти между рядовыми работниками и менеджерами. Антропологические исследования подчеркивали важность этнографии и социальной истории для развития такого направления анализа, который рассматривал бы политические и идеологические аспекты жизни промышленных предприятий (Романов, Ярская-Смирнова 2008).

Критический обзор истории антропологических исследований рабочего места, особенно в контексте крупных корпораций проведен американским антропологом Мариеттой Баба. М. Баба обсуждает разнообразие методологических инструментов, которые антропологи использовали для изучения рабочих мест. Она подчеркивает важность этнографических методов, таких как длительные полевые исследования и вовлечение участников для понимания сложных социальных и культурных динамик в корпоративной среде. Одной из ключевых тем исследования является изучение условий труда и прав работников в крупных корпорациях. Автор обсуждает, как антропологи выявили проблемы, связанные с неравенством, дискриминацией и борьбой за справедливые условия работы (Baba 1998).

В истории развития антропологии профессий в 1960-е гг. преимущество получили исследования, связанные с культурой организаций и профессиональной деятельностью. Среди исследователей, относящихся к этому периоду, можно назвать Говарда Беккера, Питера Блау и Ирвина Гофмана. Американский социолог Питер Блау исследовал государственную службу и бюрократию в современном обществе. Его работа «The Dynamics of Bureaucracy: A Study of Interpersonal Relations in Two Government Agencies» посвящена анализу межличностных отношений в государственных учреждениях. Исследование Блау основывается на тщательном наблюдении и интервью с сотрудниками этих учреждений. Одним из его ключевых выводов является то, что,

несмотря на строгие бюрократические правила, люди находят способы адаптироваться и обходить эти правила для достижения своих целей. Блау показывает, что личные отношения и неформальные сети часто играют важную роль в функционировании бюрократических организаций, иногда даже большую, чем официальные правила и процедуры (Blau 1953).

Следует отметить, что с течением времени символическое стало играть важную роль в исследованиях, относящихся к антропологии профессий. К символическому можно отнести объекты, поведение, фольклор, например рассказы об определенных событиях, а также атрибутику. В 1996 г. вышла книга Майкла Оуэна Джонса «*Studying Organizational Symbolism. Qualitative Research Methods Series*». Оуэн изучил, как символы, к которым он относит ритуалы, язык, артефакты и истории, формируют и отражают культуру организации. Символы рассматриваются как ключевые элементы, помогающие членам организации понять и интерпретировать ее нормы, ценности и структуру. Одной из центральных тем книги является использование качественных методов исследования, таких как интервью и наблюдение для изучения символического измерения организационной жизни. Также в работе рассматриваются практические аспекты проведения исследований, включая разработку исследовательских вопросов, сбор данных и интерпретацию результатов. Помимо этого, символическими составляющими профессиональной субкультуры могут являться шутки и юмор, профессиональный сленг, празднование различных событий, например каких-то достижений или дней рождения (Owen 1973).

Шведские исследователи Матс Альвессон и Пер Берг исследовали важность символов и культуры в функционировании организаций. В 1992 г. было опубликовано исследование «*Corporate culture and organizational symbolism: development, theoretical perspectives, practice and current debate*», в котором рассматривается роль символов, а именно логотипов, слоганов, ритуалов и рассказов в создании и поддержании организационной культуры. Авторы обсуждают, как руководители могут использовать символы и культурные элементы для управления и изменения поведения сотрудников, а также для укрепления корпоративных ценностей и идентичности (Alvesson 1992).

Герменевтическая же традиция, напротив, обратила внимание на большое количество неопределенностей, в том числе в профессиональных субкультурах, которые возникали помимо административного аппарата. Примером может служить исследование американского антрополога Фредерика Гамста «*The Hoghead: An Industrial Ethnology*

of the Locomotive Engineer». В работе представлено подробное этнографическое исследование профессиональной жизни и культуры локомотивных инженеров. Гамст, применяя этнографические методы, осветил историю профессии машиниста, включая развитие железнодорожной индустрии и изменения в технологиях и организационных структурах, описывает рабочие условия машинистов, их ежедневные задачи и взаимодействия с коллегами. Ф. Гамст подчеркивает важность понимания культурных и социальных аспектов работы для улучшения условий труда и управления (Gamst 1980).

Джулиан Ор в своей работе («Sharing Knowledge, Celebrating Identity: War Stories and Community Memory Among Service Technicians» исследует роль рассказов («военных историй») и коллективной памяти в профессиональных сообществах, используя пример технических специалистов, обслуживающих оборудование. Их общие воспоминания укрепляли чувство принадлежности к сообществу и связывали его членов, помогали новичкам усваивать необходимые навыки и стратегии, которые часто невозможно передать через формальные инструкции или учебники. Автор книги отмечает, что рассказы также служат способом передачи культурных норм и ценностей, поддержания мотивации и морального духа. Через рассказы сослуживцы могут оценивать компетентность друг друга, делиться опытом и объединяться вокруг общего профессионального опыта. Таким образом, рассказы и коллективная память играют важнейшую роль в профессиональных сообществах, служат инструментом для обмена знаниями, поддержания культурных ценностей и укрепления идентичности (Ort 1990).

Таким образом, антропология профессии как научное направление прошло в своем развитии несколько этапов: от изучения человеческих отношений до понимания того, что каждый сотрудник несет ценное и важное знание вне зависимости от уровня своего образования. С течением времени иначе стали относиться и к антропологическим исследованиям, осознавая их значимость для изучения рабочих отношений в коллективе.

Профессиональная субкультура IT-сообщества

Рассмотрим ключевые подходы в исследованиях профессиональной субкультуры. Т. Б. Щепанская в работе «Антропология профессий» понимает профессиональную субкультуру как «комплекс традиций: обычного права, стереотипов поведения, особенностей образа жизни, форм повседневного дискурса, символики и атрибутов, — сложившийся

в данной профессиональной среде»⁴². Т. Б. Щепанская отмечает, что профессиональные традиции рассматриваются в терминах субкультур в связи с тем, что это позволяет рассмотреть социальные отношения и культурные коды, изучать символику, атрибуты, фольклор, а также формы общения, нормы и стереотипы поведения (Щепанская 2003).

С. Ю. Федосеенко изучила неформальные аспекты коммуникаций в среде геологов-полевиков. Рассмотрев формальные и неформальные отношения, критерии статуса, организация досуга и отдыха, а также роль фольклора в профессиональной деятельности геологов, автор эмпирического исследования заключила, что «геологический фольклор как феномен играет роль вместилища накопленного опыта, как транслятора норм, оправдавших себя обычаев, правил поведения» (Федосеенко 2003). Исследователь считает, что профессиональная среда зарождается, с одной стороны, во время непосредственной совместной работы, а с другой стороны, в свободное от работы время, когда организуется совместный досуг.

Отдельного внимания заслуживает обсуждение того, что такое профессиональное сообщество. Е. Н. Руднева, В. В. Костянов дают следующее определение: профессиональное сообщество — «это официально организованная, а также неофициально функционирующая структура профессионального взаимодействия представителей одной профессии, которые, в свою очередь, являются носителями ценностей и норм данной профессии» (Руднева, Костянов 2010: 146). К внешним атрибутам профессии авторы относят то, что может отличать внешний облик одного профессионального сообщества от другого. Например, униформа, прическа или иные атрибуты внешности. Что касается исследуемого нами IT-сообщества, то бытует мнение о том, что его представители предпочитают свободный и удобный стиль одежды. В основном это джинсы, свободные футболки, толстовки или худи.

У представителей IT-сообщества, как и других профессиональных сообществ, есть свой профессиональный язык и своя специальная терминология, которой они оперируют при решении рабочих задач. Иногда они используют свой профессиональный язык и в быту. Во время проведения глубинных интервью респонденты также часто оперировали своей профессиональной терминологией.

Е. Н. Руднева и В. В. Костянов в своем исследовании выделяют составляющие профессиональной компетентности. Прежде всего, это базовые знания программирования, без которых невозможно стать специалистом. Причем это касается как теоретических, так и практических знаний. В то же время в зависимости от профессионального

стека² знания и навыки, нужные IT-специалисту, могут отличаться. Профессиональные привычки и стереотипы также относятся к важным элементам профессионального сообщества. Стереотип определяется как устойчивый образ, который сложился о профессиональном сообществе. Известно, что раньше программистов представляли парнями в растянутых свитерах, в очках и с неопрятными волосами, которые не имеют личной жизни, а свободное от работы время проводят за компьютерными играми с друзьями.

Позднее появился стереотип о том, что представители IT-сообщества много зарабатывают, могут работать в удобном для них формате и путешествовать. При разговоре с респондентами выяснилось, что сейчас можно услышать об IT-фашизме — явлении, когда часть IT-специалистов ставит себя выше других профессий и в радикальном случае даже избегает контактов с ними ввиду престижа и значимости своей профессии в современном мире.

Непременным атрибутом любого профессионального сообщества являются традиции и приметы, которые представлены в том числе профессиональными праздниками. Так, Международный день Интернета отмечают 4 апреля. В России отмечается День программиста в 256-й день в году. Такая дата выбрана неслучайно: 256 — это количество различных значений, которые можно выразить с помощью восьмиразрядного байта.

У IT-сообщества, как и у других профессиональных сообществ, существует своя профессиональная этика и мораль. Также в зависимости от проекта могут быть подписаны документы о неразглашении. Помимо этого, существуют ресурсы, куда можно выкладывать свой код в открытый доступ. Но, в зависимости от случая, код может и быть закрыт от всеобщего обозрения. Для IT-специалистов, как и для других представителей профессиональных сообществ, важны определенные профессиональные качества, которые влияют на формирование их принадлежности к профессии и профессионализм. Например, для IT-специалистов важны усидчивость, самостоятельность в принятии решений, но в то же время работа в команде и нетоксичная коммуникация с коллегами и заказчиками.

Отдельного рассмотрения при изучении профессионального сообщества заслуживает вопрос о профессиональной идентичности. В научной литературе она определяется как «осознание человеком

² Стек разработки — это набор инструментов, применяющийся при работе в проектах и включающий языки программирования, фреймворки, системы управления базами данных, компиляторы.

того, что он является частью профессиональной структуры и занимает в ней определенное положение. Профессиональная идентичность является результатом включенности человека в профессиональное сообщество и означает частичный отказ от собственной индивидуальности в пользу принятых в данном сообществе стандартов» (Руднева, Костянов 2010: 145). Выделяется ряд факторов, влияющих на формирование профессиональной идентичности. К ним относятся воспитание в соответствии со сложившимися традициями в семье и ближайшем окружении; получение информации о профессиональной принадлежности и ее переработка; получение информации об особенностях различных профессий и ее оценивание (Руднева, Костянов 2010: 145). Таким образом, к составляющим профессиональной субкультуры относятся социально-поведенческие практики и знаковые элементы. В ходе разработки гайда для интервью к социально-поведенческим аспектам были отнесены следующие характеристики: профессиональная идентичность, профессиональная биография (образование, опыт работы, нормы и стереотипы поведения с коллегами как формально на работе, так и неформально после рабочего дня). К знаковым аспектам были отнесены символика и атрибутика (знание истории своей компании, шутки и юмор, приметы и суеверия, символические атрибуты компании).

Профессиональная биография и идентичность

Данное исследование охватывает изучение профессиональной идентичности и карьерных путей в IT-сообществе. Во время интервью респонденты рассказывали о полученном образовании, пути в IT и причинах выбора данной профессиональной отрасли, о своих рабочих задачах. Вспоминали также о поиске работы и прохождении собеседования, своих первых рабочих днях и адаптации в коллективе, первом рабочем проекте и отношении коллег к ошибкам, а также дали оценки рабочих взаимоотношений в коллективе и преимущественного формата работы, указав причины своего выбора.

Если говорить про профессиональную идентичность, то большинство респондентов ставит ее на первую и вторую строчку в персональном рейтинге своих социальных ролей. Далее для респондента важна образовательная составляющая его жизни, если он еще находится в процессе обучения, а если нет, то на второй план выходят хобби. Часть респондентов окончили или являются студентами профильных факультетов, например Научно-образовательного центра «Высшая ИТ

школа» Национального исследовательского Томского государственного университета. Отличительной особенностью данного структурного подразделения является то, что после второго курса каждый студент обязан начать проходить практику в одной из компаний города Томска или партнеров школы.

Респонденты профильных факультетов отмечают, что пришли в IT в основном по причине того, что в школе их привлекали технические предметы, такие как информатика, физика и математика:

«Ну, в школе я еще увлекался всеми науками, которые преподаются в школе, всеми дисциплинами, но больше всего меня привлекла именно информатика, вот. И еще с 5-го класса, даже, наверное, с 1-го, я учился с 1-го по 4-й класс в гимназии, у нас был очень хороший учитель по информатике в начальной школе, вот, меня это заинтересовало еще в начальной школе, потом это продолжилось в средней, старшей школе, и в итоге я решил, что хочу развиваться в сфере информационных технологий» (респондент № 1, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

«В старшей школе учился в классе с физмат уклоном, поэтому сдавал в качестве ЕГЭ физику и информатику, решив для себя, что лучше сдам, с тем и буду поступать. По иронии судьбы сдал оба экзамена на одинаковый балл, поэтому решил, что информатика и сфера IT перспективнее инженерного образования с физикой» (респондент № 2, android-разработчик, опыт работы 2 года).

Что касается респондентов, чье профильное образование не связано с IT, то здесь причины смены профессии заключаются либо в интересе, например дизайн или работа с человеческими ресурсами, или же опыт их друзей и более высокооплачиваемая работа по сравнению с той специальностью, которая была получена в университете:

«Я занимался сначала графическим дизайном, но понимал, что в графике действительно нужно какое-то творчество, а мне больше нравится техническая работа. Поэтому посмотрел случайно совершенно в сторону UX/UI, мне понравилось. Я начал этим заниматься сначала для себя, потом пару коммерций было. Просто потому, что в графике, я уверен, у меня бы не получилось вырасти так быстро, как получится и получается вырастать в UX. Он просто интереснее, а быстрее растешь в том, что интереснее, наверное» (респондент № 4, UX/UI-дизайнер, опыт работы 1 год 2 месяца).

«После того как я окончил университет, я начал работать корпоративным аналитиком. По сути, я по специальности пошел работать

и проработал по специальности, насколько я помню, полгода. Потом я решил сменить профессию в силу того, что все мое окружение ближайшее — они разработчики. То есть мы дружим со школы. Я пошел на экономиста, они пошли в свое профильное образование. Не помню, как именно факультет назывался, но он именно связан с тем, чтобы программировать, писать код. Ну и, соответственно, когда мы проводили время вместе с друзьями, я постоянно слушал все вот эти вот обсуждения, и волей-неволей это как-то на меня повлияло» (респондент № 5, project manager, опыт работы 9 месяцев).

В вопросе выбора между soft skills и hard skills среди респондентов большинство склоняется к тому, что важнее мягкие навыки и личные качества человека, а общий посыл можно объединить одной фразой: «дать профессиональные знания человеку можно, а вот научить его общаться с людьми и быть хорошим человеком — нет».

«Потому что легче научить взрослого человека, чем его перевоспитать. Соответственно, если там не справлялась его семья, то мы уже как бы не справимся. Поэтому я бы всегда, в любом случае, предпочел бы его софты» (там же).

«Харды, их можно подтянуть, мне кажется, вообще в любой момент. То есть вот если человек, прям видно по нему, он горит, ему прям нравится, у него... Это все на самом деле видно в людях. Ты не сомневаешься в человеке, что он сейчас не знает эту информацию, он, например, через минут 10 ее загуглит, он ее узнает, а особенно когда он ее на реальном проекте применит, он ее уже запомнит. То есть харды восстановить, подтянуть — это вообще не проблема. Другое дело, когда ты видишь, что человеку сложно разговаривать, сложно коммуницировать, он тебе доставит какие-то проблемы, он постоянно что-то спрашивает, что можно просто первой строкой в гугле найти. Вот это тоже на самом деле большая проблема. Поэтому я считаю, ну вот если прямо так, мое мнение, что, наверное, все-таки софты, они важнее будут» (респондент № 6, frontend-разработчик, опыт работы 1 год).

Важным для развития профессиональной культуры и IT-сообщества является вопрос, связанный с адаптацией и принятием новых сотрудников в коллективе. Респонденты вспоминают данный период времени с особыми положительными эмоциями. В целом у каждого респондента первый рабочий день проходил по похожему сценарию: знакомство с рабочим местом, коллегами, начальником и уставом / правилами компании. Важно отметить, что респонденты позитивно

относятся к своим первым рабочим дням еще и потому, что им с радостью помогали их коллеги, подсказывали, как все устроено или как найти подход к кому-то из команды, а не действовали по принципу «если научатся плавать — хорошо, не научатся — ну, ничего страшного».

«Так, как меня приняли в коллективе? Ну, я думаю, просто чудесно. У нас удаленный формат работы, и поэтому общаемся мы в основном в чате и на дейликах. Ну, все довольно дружелюбные, и иногда там, пока ждем начала дейли, общаемся, как друг у друга дела, поздравляем друг друга с днями рождения. В общем, мне кажется, что все здорово. Ну, настолько, насколько это возможно на удаленке. Адаптироваться — да, помогали. У меня поначалу было очень много вопросов, и мне всегда очень подробно на них отвечали, за что я очень благодарна» (респондент № 3, QA-инженер, опыт работы 1 год).

Первый реализованный проект респонденты вспоминают по-разному: для кого-то это приятные воспоминания начала их карьерного пути в IT, они досконально описывали весь процесс работы, отмечая важные, на их взгляд, детали, а кто-то не очень хотел вспоминать это время из-за неудачи, например, ввиду отсутствия должного интереса к теме проекта.

«То есть это было круто. Весь проект, всем понравился очень этот проект. Не знаю, какая у него судьба дальше была, я честно что-то не спрашивал. Но именно когда мы его уже презентовали, когда у нас стажировка закончилась, это был как бы наш выпускной билет, все были в восторге. То есть это было очень классно» (респондент № 5, project manager, опыт работы 9 месяцев).

«Да, помню, конечно. Очень не повезло мне на самом деле с этим проектом. Он вышел максимально плохой, потому что за ним сидели, ну, откровенно говоря, какие-то три калеки, которые это все делали. Плюс... Это очень плохой проект был, с этого максимально было нельзя начинать, но так как вариантов не было, альтернатив не было, мне пришлось над этим сидеть. Я сейчас очень счастлив, что... уже в стороне, далеко-далеко с этим проектом, и мне больше это никогда не придется делать» (респондент № 6, frontend-разработчик, опыт работы 1 год).

Мнения о формате работе между респондентами разделились. Желающие работать очно аргументируют это тем, что, находясь в офисе, можно в разы быстрее решить сложные вопросы и объяснить некоторые моменты сотрудникам. Помимо этого, в офисе существует рабочая

атмосфера и за счет фактора того, что сами сотрудники создают ее своей нетоксичностью, желанием помочь и быстрым решением задач, и того, что сам по себе офис в представлении сотрудников является местом, где необходимо работать.

Дома же существует большое количество отвлекающих факторов, которые могут влиять на качество работы, начиная от внезапного ремонта у соседей или за окном, домашними животными и заканчивая тем, что сама по себе домашняя атмосфера с ее уютом может поглотить и прервать рабочий процесс.

«Сейчас я понимаю, что я просто не могу на удаленке работать. Все гораздо проще, когда вы находитесь в одном пространстве, гораздо быстрее решаются вопросы. Проще быстренько ткнуть человека и ртом проговорить что-то, чем собирать созвон на 10 минут. Десять минут его собирать, 10 минут созваниваться и потом забыть, о чем вы вообще говорили. Короче, я строго за офис. Офис — кайф, люблю офис. Ничего, кроме офиса» (респондент № 4, UX/UI-дизайнер, опыт работы 1 год 2 месяца).

В целом информанты предпочитают дистанционной работе офис компании как более значимое место для реализации своих профессиональных задач, но при этом психологический комфорт и выстраиваемые коммуникации оказываются в приоритете:

«И, соответственно, я всегда пользуюсь тем, что надо приехать в офис. Во-первых, там атмосфера такая более благоприятная для работы. Потому что дома все-таки много отвлекающих факторов, там, не знаю, начиная от кота, заканчивая какими-то стуками в дверь и так далее. А в офисе, не знаю, у нас, как я говорил, хорошая команда, хочется их видеть. Ну и непосредственно для того, чтобы какие-то задачи решать, всегда мне с глазу на глаз легче понять вообще, что команде требуется для выполнения той или иной задачи. И, соответственно, корректно объяснять те задачи, которые ставлю я. То есть я, наверное, в большинстве случаев выберу очную работу» (респондент № 5, project manager, опыт работы 9 месяцев).

Сотрудники, выступающие за дистанционный формат, считают, что работа онлайн воспитывает в работниках больше ответственности, так как им самим необходимо непосредственно планировать свой рабочий день и задачи. Но большим плюсом такой работы является то, что человек больше принадлежит себе и помимо работы может заниматься другими делами, если это не влияет на качество их работы.

«Уже теперь я привык работать онлайн, и в плане того, что даже если выбирать следующее место работы, я бы тоже предпочел работать дистанционно, не очно. Ну и в плане того, что априори онлайн дает намного больше возможностей, нежели ты будешь работать очно» (респондент № 1, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

Еще одна часть респондентов считает, что самый лучший формат работы — гибридный. Сотрудники могут сами выбирать, когда им приехать в офис, а когда поработать из дома, они свободны в своем выборе.

«Сейчас, как я лично считаю, что в компании нужен гибрид, и мне очень удобно так работать, когда необходимо или какая-то, например, есть даже потребность, ты приходишь и разговариваешь с людьми. То есть это все равно немножко по-другому, нежели в чате общаться. А когда тебе хочется, например, в пасмурную погоду посидеть дома, там, не знаю, или как-то надоело уже, правда, в маршрутке ехать, там, не знаю, в такси, больше не находиться, тоже такое бывало, то из дома работать спокойно» (респондент № 6, frontend-разработчик, опыт работы 1 год).

Таким образом, биография и причины выбора IT-сферы как профессиональной составляющей жизни разнообразны. Кто-то еще в школе предпочитает информатику и математику другим предметам, а кто-то, уже обучаясь в университете, понимает, что хочет попробовать себя в новой и перспективной по сравнению с их профессией сферой или же общаясь со своими друзьями из IT, решается поменять свой профессиональный путь.

В то же время большинство респондентов вспоминает свои первые рабочие дни с трепетом. Они благодарны своим коллегам и наставникам за облегчение адаптации на новом месте работы и помощь с первыми проектами и исправлением ошибок.

Если в целом говорить про ошибки на работе, то респонденты отмечают, что коллеги адекватно реагируют на них и спокойно просят исправить их, указывая на недочеты. Во всех компаниях респондентов создается нетоксичная среда, так как это непосредственно влияет на качество работы и производительность труда.

Несмотря на сложившийся стереотип и рекламу на образовательных ресурсах о том, что представители IT-сферы работают дистанционно, часть респондентов выступает за очный или гибридный формат, а еще одна часть отмечает, что именно руководители компаний выступают за то, что необходимо работать из офиса, а не онлайн.

Неформальные отношения внутри профессионального сообщества

Неформальные отношения являются важной составляющей корпоративной культуры. От того, как будут налажены связи и какими будут взаимоотношения в коллективе, напрямую зависит рабочий процесс, работоспособность и успех компании в целом. В рамках данного блока интервью респонденты поделились информацией о мероприятиях на тимбилдингах и корпоративах, рассказали о чатах в компании и общении за пределами рабочего времени в целом. Неформальные связи зарождаются через рабочие коммуникации: кто-то из сотрудников рассказывает о своих интересах, другие сотрудники — о своих, и таким образом возникает взаимность интересов, что приводит к установлению приятельских и дружеских отношений. В компании могут появиться неформальные лидеры. Обычно это более опытные сотрудники, к которым прислушиваются младшие в коллективе. Иерархия среди сотрудников существует, но во время неформальных встреч и общения — это устройство отходит на второй план, и все общаются на равных.

Помимо этого, в компаниях во время неформальных встреч нет разделения на новичков и опытных, различие состоит лишь в том, что новички совсем недавно пришли в компанию, но если человек коммуникабельный, то он достаточно быстро вливается в коллектив и настраивает хорошие взаимосвязи с другими членами команды.

В некоторых IT-компаниях разработка и проведение постоянного общего досуга — это одна из обязанностей HR-работников. В разных организациях частота такого времяпровождения различается, но схожи форматы общего досуга: «настолки», консольные игры, просмотр фильмов, караоке, посиделки у кого-то дома или в заведениях. В настольные игры после рабочего дня остаются играть все желающие. Обсуждение ведется во время рабочего дня, а после него сотрудники нередко играют в офисе компании в настольные игры.

Виды настольных игр могут быть разные: популярные сегодня «Взрывные котята» и «Свинтус» или же игры на выявление ролей в команде. Например, «Agile Command Game» — игра, которая моделирует процессы разработки, в ходе нее могут происходить различные события, за счет которых можно выявить командного или некомандного игрока, как он может справляться со стрессовыми ситуациями, договариваться с коллегами и т. д. Игры такого характера также помогают выявить присутствующие у человека soft skills. Они проводятся не

только среди сотрудников, но и среди стажеров, чтобы уже на начальном этапе понимать, возможно ли будет продолжать работу с таким потенциальным сотрудником или нет.

«Это еще какие-то настольные игры. Как бы типа была настольная игра, по-моему, “Бункер”, в которую мы играли командой, и в какой-то степени, наверное, это и можно сказать на тимбилдинг, потому что в некоторых настольных играх ты можешь проанализировать поведение своего напарника, так сказать, на что он... как он может повести себя в той или иной ситуации» (респондент № 1, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

«Еще иногда собирались только в офисе в настолки поиграть, а, например, фильм посмотреть у одного коллеги, он сейчас уже не работает. Ну, то есть дома, у него такой большой домашний кинотеатр» (респондент № 6, frontend-разработчик, опыт работы 1 год).

По мнению информантов, корпоративные праздники не являются частым явлением в компаниях, но несколько раз в год они проводятся. Так, сотрудники отмечают Новый год, 23 февраля и 8 Марта, но могут организовываться и неформальные встречи без привязки к конкретной дате: например, собраться летом на природе или же принять участие в спортивных соревнованиях. В основном существует два варианта места проведения корпоративов: кафе / ресторан или же коттедж за городом. Тематические корпоративы в компаниях респондентов не проводятся. Проведение корпоративов — это больше инициатива руководства компании в целях повышения трудовой заинтересованности сотрудников, особенно когда IT-компания состоит из разных департаментов и отделов. Соответственно, эти отделы нужно объединять на неформальных встречах и знакомить, чтобы коллектив был более дружным и сплоченным.

Еще один вид общего времяпрепровождения — посещение профессиональных конференций и митапов, где можно познакомиться с коллегами из других компаний и обменяться своими знаниями и опытом. У всех респондентов в компаниях есть разделение на рабочий и нерабочий чаты, которые, в свою очередь, также могут подразделяться на чаты проектов, чаты с мероприятиями, объявлениями. Но отдельно могут существовать и чаты для неформального общения и мемов. Существует четкое разделение, что может быть написано в том или ином чате. Часть респондентов отмечает, что их чаты утихают только ночью:

«Никто в рабочий чат, где только рабочие вопросы, никакой флуд не пишет, никакие мемы не кидает, чтобы не засорять этот чат и чтобы было проще искать информацию. Для всяких мемов есть

специальные чаты» (респондент № 4, UX/UI-дизайнер, опыт работы 1 год 2 месяца).

«Вообще, для неформального общения есть отдельный чат, и если обсуждение рабочих вопросов становится совсем неформальным, то участники этого обсуждения переключаются на соответствующий чат» (респондент № 2, android-разработчик, опыт работы 2 года).

Респонденты отмечают удобство разделения чатов в Telegram на тематические подгруппы и на каналы на сервере в Discord. Может существовать общий рабочий чат, куда отправляют всю организационную информацию, а также, например, сотрудники отписываются, когда они будут присутствовать и отсутствовать на рабочем месте. Далее уже рабочие чаты могут подразделяться по отделам разработки или же по проектам, которые, в свою очередь, опять могут подразделяться на проектные группы и отдельную флудилку по каждому проекту.

В нерабочий чат помимо мемов на различные темы (не только IT) могут присылаться также новости, относящиеся к политике, спорту, игровым или техническим новинкам. Обсуждение ведется в зависимости от интересов сотрудников. Отмечается, что существует часть сотрудников, которые любят отправлять мемы, новости и обсуждать их, а есть те, кому достаточно просто поставить реакцию на сообщение. Также может существовать неформальный чат без руководителей или без определенной части сотрудников ввиду того, что мемы в этом чате могут быть более аморальные, а контингент компании подразделяется и по гендерному, и по семейному статусу, и по проживанию в разных странах.

Сотрудники IT-компаний стараются не отставать от трендов в плане мемов, коротких видео в социальных сетях или популярных передач. В настоящее время популярностью пользуется передача «Натальная карта», и один из респондентов во время проведения интервью сообщил, что они с коллегами проверили друг друга на спидометре гармонии и составили натальные карты, итогом чего стало понимание, что они все подходят друг другу.

Еще одним элементом неформального общения является курилка, когда коллеги могут сделать небольшие перерывы в работе, выйти на улицу и расслабиться, обсудив нерабочие вопросы. При этом подобные неформальные практики, по мнению информантов, могут приводить и к такой трудности, как смешение «личного и рабочего». Как отметили респонденты, во время рабочего процесса важно разделять это и не допускать панибратского отношения при выполнении задач, иначе может пострадать работоспособность коллектива и качество производимого продукта.

Символика и атрибутика

Атрибуты являются еще одной составляющей корпоративной культуры компании, не исключением являются и IT-компании. Наличие у компании своего логотипа и сувенирной продукции влияет как на чувство принадлежности сотрудников к месту, где они работают, так и на маркетинг и PR-кампании извне. В рамках этого блока вопросов респонденты рассказали об истории создания их компании и важности этого знания для них. Помимо этого, респонденты активно делились известными шутками и стереотипами про IT-сообщество. Анализ данных показал, что не существует единого мнения о том, что важно досконально знать историю своей IT-компании, но большинство информантов склоняется к тому, что в той или иной степени быть знакомым с ней нужно. Были обозначены следующие объяснения этого: зная путь развития своей компании, работник может понимать, как продвигаться в этой компании ему самому:

«Если ты целенаправленно идешь в какое-то место работать, то тут уже ну лучше тебе узнать историю, где ты работаешь. IT-компания создается с какой-то целью, у нее есть какой-то путь, и если ты не знаешь историю своей IT-компании, то по какому пути, собственно, тебе самому двигаться в этой IT-компании? Ты будешь просто “тупым прогером”, который пришел задачки поделать, и все» (респондент № 1, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

История — это не только про удачу компании, но и про определенные кризисы. К примеру, зная, как руководители компании решали проблемы, работник, во-первых, начинает им больше доверять ввиду открытости процессов принятия решений, а во-вторых, может увидеть опыт и рост своего руководителя.

«Хоть немного, я думаю, да потому что, когда ты знаешь историю своей компании, ты понимаешь, с чем твое руководство сталкивалось, и как оно из этого выкручивалось. Все равно это вопрос к доверию, к лояльности к своему руководству, а я думаю, оно должно быть» (респондент № 2, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

По мнению одного разработчика, история является составляющей политики компании. Для других информантов понимание производимого продукта является более важным, чем история компании:

«Возможно, история компании определяет политику, которую она сейчас соблюдает. Например, у ... такая открытая политика, все они веселые, все они не курят — здоровые и так далее» (респондент № 3, QA-инженер, опыт работы 1 год).

Важными составляющими корпоративной культуры и здоровых отношений в коллективе являются шутки и юмор. Часть респондентов вообще не вспомнила шутки, непосредственно с ИТ или с их должностью, но отметила, что они достаточно часто и много смеются над шутками на различные тематики, что положительно влияет на атмосферу в их рабочем коллективе. Часть информантов отметила, что шутки, связанные с ИТ, все же существуют. Они могут быть как про всю область ИТ, так и про какие-то конкретные должности:

«Ну, есть анекдот про то, как тестировщик заходит в бар и кучу раз разными способами заказывает бокалы пива, люблю этот анекдот, поскольку я сама тестировщик» (респондент № 3, QA-инженер, опыт работы 1 год).

«Мне кажется, самая любимая шутка мобильных разработчиков про то, что на рабочем ноутбуке можно жарить шашлыки, поскольку инструменты разработки достаточно тяжеловесные и ноутбук неминуемо греется при работе» (респондент № 2, android-разработчик, опыт работы 2 года).

Помимо этого, сотрудники могут посмеиваться над объявлениями о вакансиях в различные компании, когда описание должности не соответствует действительности или выглядит максимально странным. Часть сотрудников может с юмором и иронией коммуницировать с заказчиками. Так, по мнению части респондентов, таким образом они выговариваются и им становится легче, а их коллеги смеются над этим «шоу», и таким образом негативная энергия конвертируется в позитивную.

Еще одним важным составляющей корпоративной культуры ИТ-компаний является выпускаемый ею мерч (это может быть мерч как для внутреннего, так и для внешнего пользования). Несмотря на то что не все компании имеют мерч, к примеру, у кого-то он лишь в планах, у кого-то в процессе разработки дизайна, но в большинстве своем информанты считают мерч важным элементом культуры.

По мнению информантов, мерч показывает причастность работника к компании и является важной составляющей корпоративной культуры, а его наличие показывает связь сотрудника с компанией.

«Конечно. Мерч это всегда приятно. Каждый хочет получить дольку славы, ощутить свою принадлежность к чему-то большему, известному и крутому» (респондент № 4, UX/UI-дизайнер, опыт работы 1 год 2 месяца).

Получение мерча может являться частью мотивации для сотрудников и выполняет рекламную функцию. Как сказал один из информантов:

«Ну в принципе ты же, как это, ходячая реклама. Надел на себя свитер и пошел, все видят, что ты носишь какую-то необычную одежду, и м-м-м, а что это за одежда, что это за эмблема, спрошу-ка я подойду, поговорю. Пожалуйста, тебе плюс один человек уже узнал об этой компании» (респондент № 1, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

Ранее бытовавшие стереотипные образы о том, что представители IT-сферы — это, как правило, мальчики-ботаны с нечистыми волосами, в свободное от работы играющие в компьютерные игры и не имеющие личной жизни, к настоящему моменту времени уже в прошлом:

«Стереотип жив именно в контексте шутки, аналогично и с IT — эти люди, вот подобные люди они будут существовать, они будут с каждым годом, мне кажется, только уменьшаться, но сам стереотип, он все равно останется, но опять же в роли шутки» (респондент № 1, backend-разработчик, опыт работы 2 года).

Респонденты объясняют это тем, что раньше профессиональная деятельность IT-специалиста была действительно очень трудоемкой. Сейчас же подобный стереотип остается только как часть воспоминания некоторых информантов. Сфера IT за последние годы трансформировалась, а значит, изменились профессиональные практики сотрудников компаний.

Заключение

В качестве основного метода в данном исследовании было использовано полуформализованное глубинное интервью сотрудников IT-компаний. Результатами проведения глубинных интервью послужили следующие выводы. IT-сообщество, как и любая другая профессиональная субкультура, имеет составляющие: профессиональная идентичность сотрудников IT-компаний, их образование и профессиональный путь входа в IT, неформальные отношения, состоящие из различных форм досуговых мероприятий, специфичные шутки и юмор, а также стереотипы о профессиональном сообществе, которые оказались вне времени.

Важно отметить, что до сих пор вход в IT-сообщество не заканчивается лишь возможностью окончить университет по необходимой специальности. Обучиться IT-навыкам можно на множестве онлайн-платформ, причем уже во время обучения поработав с реальными практическими кейсами, а после обучения получив официальный подтверждающий документ. Анализ данных показал, что также в последнее время все

большую популярность набирают стажировки в IT-компаниях, когда компании могут «вырастить» специалистов под себя и свои потребности и предложить работу самым успешным после прохождения стажировки. Таким образом, путь в IT открыт для всех имеющих возможности и желание вне зависимости от пола и возраста.

Проведенное исследование показало, что для представителей IT-сообщества важной ценностью в рабочих отношениях является взаимоуважение и создание нетоксичной среды, когда каждый сотрудник может спокойно сообщить друг другу об ошибке. Действует принцип прозрачности, когда каждый четко понимает, кто за что ответственен, и не боится взять эту ответственность на себя и признать ошибки. Значимой составляющей корпоративной культуры оказались шутки и юмор. Причем они могут быть связаны с профессией, различаться в зависимости от стека и отдела, иметь свой жизненный окрас, присущий всем, вне зависимости от рода деятельности. Полученные данные показали, что неформальные отношения в рабочем коллективе могут создавать трудности при выстраивании строго формализованных профессиональных отношений в течение рабочего дня, когда приятелям или друзьям необходимо взаимодействовать согласно должностной инструкции и строго выполнять свои рабочие обязанности. Еще одной выявленной проблемой оказался возраст сотрудников компании. Чаще всего это проявляется в молодых коллективах, когда стажеры занимают позиции, где еще нет старших специалистов либо старшие специалисты сильно заняты. Иногда молодые сотрудники могут начинать чувствовать себя слишком уверенно, что влечет за собой конфликтные ситуации.

История IT-компаний и продуктов, которые она разрабатывает, важна для представителей профессионального сообщества в силу ряда причин: понимание философии своей компании и пути развития руководителей, составляющая политики компании, понимание своей принадлежности и возможного роста в компании. Мерч является символом принадлежности сотрудника к месту, где он работает, продуктом маркетинга и PR вовне, а также продуктом мотивации для сотрудников.

Дальнейшие перспективы исследования заключаются в возможности сочетания нескольких методов исследования для более полного изучения профессиональной субкультуры IT-сообщества. Полученные результаты эмпирического исследования могут стать отправной точкой частью изучения миграции IT-специалистов внутри России, выявления внутренних и внешних факторов, влияющих на данный процесс.

Источники

Абрамов Р. Н. Металлурги на машиностроительном заводе: очерк профессиональной культуры // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности: Сб. научных статей. — М.: Вариант, 2012. — С. 153–174.

Бабаян И. В. «Мы добывали все сами, это было нашей особенностью»: профессионализация советского джазового музыканта // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен: Сб. научных статей. — М.: ООО «Вариант», 2011. — С. 217–245.

Бердышева Е. С. Рынок и профессия в стоматологии: логика ценообразования в частных клиниках Москвы // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен: Сб. научных статей. — М.: ООО «Вариант», 2011. — С. 188–216.

Бочаров Т. Ю. Адвокатская профессия как сообщество практики // Социология власти. — 2016. — № 3. — С. 80–114.

Добровольская В. Е. «Не молот железо кует...»: категории власти и социального порядка в традиционных знаниях о кузнечном мастерстве // Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен: Сб. научных статей. — М.: ООО «Вариант», 2011. — С. 144–167.

Зайцева Н. В. Этнографические наблюдения в театре имени Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 6, № 1. — С. 166.

Земнухова Л. В. «Айтишники чаще любят свою работу»: к обсуждению результатов исследования // Петербургская социология сегодня. — 2013. — Т. 1. — С. 87–115.

Масленкова Н. А. Проблема смеха в контексте профессиональной деятельности медиков // Антропология профессий: Сб. научных статей. — Саратов: Научная книга, 2005. — С. 153–163.

Райкова И. Н. Профессиональное сообщество артистов балета: традиции и фольклор // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности: Сб. научных статей. — М.: Вариант, 2012. — С. 175–196.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Антропологическое исследование профессий // Антропология профессий: Сб. научных статей. — Саратов: Научная книга, 2005. — С. 13–49.

Романов П., Ярская-Смирнова Е. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 5. — С. 3–17.

Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Мир профессий как поле антропологических исследований // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. и сост. Г. А. Комарова. — М.: ИЭА РАН, 2016. — С. 209–223.

Руднева Е. Н., Костянов В. В. Профессиональное сообщество как фактор формирования профессиональной идентичности студентов на этапе профессиональной вузовской подготовки // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. — 2010. — № 6. — С. 146–147.

Сало Е. П. Трехкомпонентная модель изучения социального статуса врачей традиционной медицины // Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности: Сб. научных статей. — М.: Вариант, 2012. — С. 197–216.

Федосеенко С. Ю. Проявление неформального фактора в профессиональной среде геологов-полеводов // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 6, № 1. — С. 167–183.

Фаткуллина Г. Р. Хоторнский эксперимент // Экономика и социум. — 2015. — № 1–4 (14). — С. 982–985.

Щепанская Т. Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 6, № 1. — С. 139–161.

Alvesson M., Berg P. Corporate culture and organizational symbolism: development, theoretical perspectives, practice and current debate. — Hawthorne, NY: Wolter de Gruyter, 1992. — 270 p.

Baba M. L. The anthropology of work in the fortune 1000: a critical retrospective: History of Workplace Anthropology // Anthropology of Work Review. — 1998. — Vol. XVIII, iss. 4. — P. 17–28.

Becker H., Geer B., Hughes E., Strauss A. Boys in white: student culture in medical school. — Chicago: University of Chicago Press, 1961. — 237 p.

Blau P. The Dynamics of bureaucracy: a study of interpersonal relations in two government Agencies. — University of Chicago Press, 1953/1963. — 322 p.

Braverman H. Labor and monopoly capital. — New York: Monthly Review Press, 1974. — 465 p.

Gamst F. The Hoghead: an industrial ethnology of the locomotive engineer. — New York: Holt Rinehart and Winston, 1980. — 142 p.

Goffman E. Asylums: essays on the social situation of mental patients and other inmates. — Garden City, NY: Anchor Books, Doubleday, 1961. — 400 p.

Kusterer K. C. Know-how on the job: the important working knowledge of unskilled workers. — Boulder, CO: Westview Press, 1978. — 202 p.

Lamphere L. Fighting the piece rate system: new dimensions of an old struggle in the apparel industry // Case Studies on the Labor Process / A. Zimbalist (ed.). — New York: Monthly Review Press, 1979. — P. 257–276.

Mayo E. Hawthorne and the western electric company // The social problems of an industrial civilization. — Abingdon: Routledge, 1949. — P. 60–76.

Nash J. The anthropology of the multinational corporation // The politics of anthropology: from colonialism and sexism toward a view from below / G. Huizer, B. Mannheim (eds.). — Paris: Mouton Publishers, 1979. — P. 421–446.

Orr J. Sharing knowledge, celebrating identity: war stories and community memory among service technicians // Collective remembering: memory in society / D. S. Middleton, D. Edward (eds.). — London: Sage Publications, 1990. — P. 167–169.

Owen M. J. Studying Organizational symbolism. Qualitative research methods series. — London: Sage, 1996. — 73 p.

Rosaldo R. Culture and truth: the remarking of social analysis. — Boston: Beacon Press, 1989. — 253 p.

Сведения об авторе**Лобанова Юлия Вячеславовна,**

Томский государственный университет, Томск, Россия; НИУ-ВШЭ,
департамент социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
ylobanova@hse.ru

Статья поступила в редакцию: 06.05.2024;
поступила после рецензирования и доработки: 15.09.2024;
принята к публикации: 30.09.2024.

JULIA V. LOBANOVA^{1,2}¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*² *National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation*

PROFESSIONAL IT COMMUNITY: FEATURES OF SUBCULTURE AND INTERACTION PRACTICES

Abstract. The data of the empirical study allowed us to identify the main elements of the professional subculture of the IT community, the characteristics of relationships, formal and informal interaction practices. The analysis of the professional biographies of specialists showed that the recent trend is the training of specialists by IT companies for the needs of the company in the format of internships. It was revealed that for representatives of the IT community, an important value in working relationships is mutual respect and the creation of a non-toxic environment, the formation of areas of responsibility based on the principle of transparency. The data obtained showed that the predominance of young employees in the IT community and informal relationships in the work team can be a barrier to building a strictly formalized order. The history of the company and the products it develops are of great importance for the formation of a professional community.

Keywords: anthropology of the profession, professional culture, IT community, norms, symbols, values.

For citation: Lobanova J. V. Professional IT community: features of subculture and interaction practices. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 106–134. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.swze-t049; EDN: YPFBAW

References

- Abramov R. N. Metallurgist at the machine-building plant: essay on professional culture. *Anthropology of Professions: The Frontiers of Employment in an Age of Instability*. Moscow: Variant, 2012, pp. 153–174. (In Russ.)
- Alvesson M., Berg P. *Corporate culture and organizational symbolism: development, theoretical perspectives, practice and current debate*. Howthorne. New York, Wolter de Gruyter, 1992, 270 p.
- Baba M. L. The anthropology of work in the fortune 1000: a critical retrospective: History of Workplace Anthropology. *Anthropology of Work Review*, 1998, XVIII (4), pp. 17–28.
- Babayan I. V. “We mined everything ourselves, it was our peculiarity”: the professionalization of the Soviet jazz musician. *Anthropology of professions, or outsiders are allowed: Sat. scientific articles*. Moscow, OOO “Variant”, 2011, pp. 217–245. (In Russ.)
- Becker H., Geer B., Hughes E., Strauss A. *Boys in white: student culture in medical school*. Chicago, University of Chicago Press, 1961, 237 p.
- Berdysheva E. S. Market and a profession in dentistry: pricing logic in private clinics in Moscow. *Anthropology of professions, or extraneous entrance is allowed: Sat. scientific articles*. Moscow, OOO “Variant”, 2011, pp. 188–216. (In Russ.)
- Blau P. *The Dynamics of bureaucracy: a study of interpersonal relations in two government agencies*. University of Chicago Press, 1953/1963, 322 p.
- Bocharov T. Yu. Law profession as a community of practice. *Sociology of power*, 2016, no. 3, pp. 80–114. (In Russ.)
- Braverman H. *Labor and monopoly capital*. New York, Monthly Review Press, 1974, 465 p.
- Dobrovolskaya V. E. “Not a hammer in the iron...”: categories of power and social order in traditional knowledge about blacksmithing. *Anthropology of professions, or extraneous entrance is allowed: Sat. scientific articles*. Moscow, OOO “Variant”, 2011, pp. 144–167. (In Russ.)
- Fatkullina G. R. Khotorsky experiment. *Economics and Socium*, 2015, no. 1–4 (14), pp. 983. (In Russ.)
- Fedosenko S. Yu. A manifestation of an informal factor in the professional environment of geologists-full-owners. *Journal of sociology and social anthropology*, 2003, vol. 6, no. 1, pp. 168–183. (In Russ.)
- Gamst F. *The Hoghead: an industrial ethnology of the locomotive engineer*. New York, Holt Rinehart and Winston, 1980, 142 p.
- Goffman E. *Asylums: Essays on the social situation of mental patients and other inmates*. Garden City, NY, Anchor Books, Doubleday, 1961, 400 p.
- Kusterer K. C. *Know-how on the job: the important working knowledge of unskilled workers*. Boulder, CO, Westview Press, 1978, 202 p.
- Lamphere L. Fighting the piece rate system: new dimensions of an old struggle in the apparel industry. *Case studies on the labor process*, A. Zimbalist (ed.). New York, Monthly Review Press, 1979, p. 257–276.
- Maslenkova N. A. The problem of laughter in the context of professional activities of training doctors. *Anthropology of professions*. Saratov, Scientific book, 2005, pp. 153–163. (In Russ.)
- Mayo E. Hawthorne and the western electric company. *The social problems of an industrial civilisation*. Abingdon, Routledge, 1949, pp. 60–76.
- Nash J. The anthropology of the multinational corporation. *The politics of anthropology: from colonialism and sexism toward a view from below*. G. Huizer, B. Mannheim (eds.). Paris, Mouton Publishers, pp. 421–446.

Orr J. Sharing knowledge, celebrating identity: war stories and community memory among service technicians. *Collective remembering: memory in society*. D. S. Middleton, D. Edward (eds.). London, Sage Publications, 1990, p. 167–189.

Owen M. J. *Studying organizational symbolism. Qualitative Research Methods Series*. London, Sage, 1996, 73 p.

Raikova I. N. Professional community of ballet artists: traditions and folklore. *Anthropology of professions: Employment boundaries in the era of instability: Sat. scientific articles*, Moscow, Variant, 2012, pp. 175–196. (In Russ.)

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Anthropological study of professions. *Anthropology of professions: a collection of scientific articles*. Saratov, Scientific book, 2005, pp. 13–49. (In Russ.)

Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. The world of professions as a field of anthropological research. *Ethnographic Review*, 2008, no. 5, pp. 3–17. (In Russ.)

Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. The world of professions as a field of anthropological research. *The phenomenon of interdisciplinaryness in domestic ethnology*. G. A. Komarova (exec. ed. & comp.). Moscow, IEA RAN, 2016, pp. 209–223. (In Russ.)

Rosaldo R. *Culture and Truth: The Remarking of Social Analysis*. Boston, Beacon Press, 1989, 253 p.

Rudneva E. N., Kostyanov V. V. The professional community as a factor in the formation of professional identity of students at the stage of professional university training. *Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 2010, no. 6, pp. 146–147. (In Russ.)

Salo E. P. Three component model of studying the social status of traditional medicine. *Anthropology of professions: Employment boundaries in the Institute of Instability: Sat. scientific articles*. Moscow, Variant, 2012, pp. 197–216. (In Russ.)

Shepanskaya T. B. Anthropology of professions. *Journal of sociology and social anthropology*, 2003, vol. 6, no. 1, pp. 139–161. (In Russ.)

Zaitseva N. V. Ethnographic observations in the Lensovet Theater. *Journal of sociology and social anthropology*, 2003, vol. 6, no. 1, p. 166. (In Russ.)

Zemnukhova L. V. “IT specialists love for the work”: to discuss the results of the study. *St. Petersburg Sociology Today*, 2013, vol. 1, pp. 87–115. (In Russ.)

Information about the author

Lobanova, Julia V.,

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences,

National Research University Higher School of Economics,

St. Petersburg, Russian Federation.

ylobanova@hse.ru

Received: 06.05.2024;

revised after review: 15.09.2024;

accepted for publication: 30.09.2024.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 316.344.42

DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.ex31-pp04

EDN: VOLBZJ

НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА КОЛЕСНИК

*Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

КАК ИЗУЧАТЬ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭЛИТУ, ИЛИ О ТОМ, ЧТО ДУМАЮТ О СЕБЕ БЕЗУМНО БОГАТЫЕ РУССКИЕ

**Рецензия на книгу:
Schimpfössl E. Rich Russians.
From Oligarchs to Bourgeoisie.
Moscow: Individuum, 2022, 352 p.**

Аннотация. Книга известного австрийского социолога Элизабет Шимпфессль «Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии» была переведена на русский язык в 2022 г. На большом эмпирическом материале автор монографии предпринимает попытку ответить на главный вопрос о том, что же думают о себе олигархи? Социолог обращает внимание на состояние исследовательского поля в России в части изучения российской элиты и представляет читателю детальное описание того, как происходит формирование и обособление российской элиты, как эти процессы связаны с семейной историей, филантропией, гендерными отношениями, молодым поколением.

Ключевые слова: олигархи, богатые русские, элита, семья, наследники, интервью, филантропия, благотворительность.

Ссылка для цитирования: Колесник Н. В. Как изучать экономическую элиту или О том, что думают о себе безумно богатые русские. Рецензия на книгу: Schimpfössl E. Rich Russians. From Oligarchs to Bourgeoisie. Moscow: Individuum, 2022, 352 p. // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 135–146. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.ex31-pp04; EDN: VOLBZJ

Книга австрийского социолога Элизабет Шимпфессль¹ посвящена крайне противоречивому феномену российского капитализма последних десятилетий — олигархам. В предисловии автор пишет, что жизнь ее героев с 2018 г. изменилась удивительно мало, но февральские события 2022 г. «сотрясли уклад жизни российских богачей» (с. 7). Как справедливо замечает социолог, мнения экспертов сильно расходятся в части того, насколько им навредили текущие события. Именно обобщению мнения экспертов по поводу произошедшего посвящено одно из введений рассматриваемой монографии. Обращает на себя внимание тот факт, что автор книги сочла необходимым ввести в текст два предисловия и одно введение, которые занимают примерно тридцать страниц. При этом в каждом предисловии обозначены свои подразделы, которые точно предвосхищают дальнейшее изложение ответа на главный вопрос о том, что же думают о себе олигархи.

Прежде чем представить некоторые размышления Элизабет Шимпфессль о безумно богатых русских, следует отметить, что в целом состояние исследовательского поля сильно различается и зависит от того, на каком языке пишет автор и где издана его работа. Об олигархах гораздо больше написано на английском языке, чем на языке, на котором они говорят в РФ. Практически ни один научный журнал на Западе в прошлые годы не обходился без публикации об олигархах в современной России, о которых впервые заговорили еще в период президентства Бориса Ельцина в 90-е гг. Приметой того времени были не только пейджеры, рейдерские захваты, перестрелки, но и олигархи. О последних писали достаточно много представители журналистского сообщества, активно используя интервью с экспертами и самими представителями олигархического сообщества².

Что же касается научных работ российских авторов, то, по данным научной библиотеки e-library, всего за более чем тридцатилетний период было издано не более 300 статей с ключевым словом «олигарх». При допущении ряда синонимов слову «олигарх» (бизнес-элиты, экономическая власть, элита компании, богатые и др.) количество статей возрастает, но незначительно, и чаще всего эти работы носят обзорный

¹ Шимпфессль Э. Безумно богатые русские. От олигархов к новой буржуазии. — М.: Individuum, 2022. — 352 с. — ISBN 978-5-6048006-6-9.

² Хоффман Д. Олигархи. Богатство и власть в новой России. — М.: КоЛибри, 2007; Freeland C. Sale of the century: Russia's wild ride from communism to capitalism. — New York: Crown Business, 2000.

характер³. Среди крайне малого количества эмпирических работ, посвященных российским олигархам, практически отсутствуют работы, выполненные в качественной методологии. Чаще всего российские авторы в своих работах об олигархах рассматривают концепции Платона, Аристотеля, Р. Михельса и других мыслителей, которые объемно представляют проблему олигархии на разных этапах истории, анализируют взаимосвязь политического режима и олигархов, специфику российского капитализма и глобального олигархата, особенности экономического развития РФ после распада СССР, вопросы приватизации, социального неравенства и борьбы с бедностью и др. Эти работы носят преимущественно философский и обобщающий характер, и лишь единичные исследования основаны на интервью, включенном наблюдении с применением дискурсного анализа, и иных научных методов⁴.

Э. Шимпфессль также обращает внимание на состояние исследовательского поля в России в части изучения российской элиты, когда действительно ученые отстали от журналистики, писателей, режиссуры (с. 36). «К 2017 г. обозначился очевидный пробел в академических исследованиях того, что представляет собой российский богатый класс, как он изменился по сравнению с девяностыми, а также каким образом колоссальное экономическое неравенство, присущее российскому обществу, отражается на используемых им индивидуальных и коллективных стратегиях легитимации... практически нет научных публикаций, касающихся семейных отношений, образа жизни и идентичности нового российского высшего класса» (с. 37). Чем же социолог объясняет сложившуюся асимметрию? В первую очередь существующими в социальных науках традициями ставить под сомнение само понятие «социальный класс» и в целом неприменимость его к постсоветскому российскому обществу. И далее, как пишет ученый, за рамками советологии и кремлевведения остались социальные и культурные характеристики высшего класса и элиты, взгляды на богатство и неравенство, совокупность представлений и практик, определяющих воспроизводство элиты (с. 37).

В этой связи работа европейского социолога о богатых русских представляется крайне важной в том числе и для элитологии, в фокусе исследования которой находятся различные типы и виды элит.

³ Одна из первых публикаций о российских олигархах датируется 2005 г.: Бунин А. П. Материалы к заседанию клуба «Красная площадь», 30 сентября 2005 г. Тема заседания «Государство и олигархия». — М., 2005. Более подробно: www.intelros.org/club/texts/bunich_1_club.pdf.

⁴ Из российских элитологов качественную методологию активно применяют А. Е. Чирикова, Н. Ю. Лапина, Т. Б. Витковская и др.

Э. Шимпфессль впервые «применяет к российскому высшему классу концепцию преуспеяния, разработанную в социологических исследованиях, фокусировавшихся на высших слоях других стран» (с. 24). Основной посыл книги состоит в том, чтобы показать, что многие представители российского высшего класса преуспели именно в западном понимании: когда их респектабельные деньги позволяют им развивать более утонченные вкусы, выстраивать имидж добропорядочного буржуа, активно участвовать в благотворительности. В предисловии значатся многочисленные имена ученых и названия научных фондов, которые на разных этапах оказали поддержку этому исследованию.

Для реализации основного замысла автор в своей монографии формулирует ряд исследовательских вопросов. Прежде всего социолог подвергает глубинному анализу мировоззрение и нарративы поколения богатых и влиятельных россиян, которое сформировалось в эпоху больших перемен не только в СССР, но и в мире. В поле зрения австрийского социолога оказались стратегии богатых русских по обретению буржуазных привычек и вкусов, то, как они обосновывают свое привилегированное положение в российском обществе с его выраженным социальным неравенством, «как они воспитывают чувство легитимности у своих детей, которым в скором времени предстоит унаследовать их огромные состояния» (с. 29). Для поиска ответов на эти и другие вопросы автор монографии вовлекает в научный оборот порядка восьмидесяти интервью, что является серьезной эмпирической базой для качественного исследования. Информантами выступили не только самые богатые в РФ, но и представители их семей (супруги, дети). Треть из опрошенных, по мнению автора, относится к категории «супербогатых» (классификация журнала «Форбс») и «гипербогатых» (долларовые миллиардеры). Верификация данных осуществлялась посредством сравнения данных, полученных из разных источников, в том числе из онлайн-медиа, включенного наблюдения в период с 2008 по 2017 г. Сотню интервью автора провела с теми, кто входит в экспертное сообщество.

Уже во введении автор работы обращается к определению ключевых концептов своего исследования, а именно кто же такой «олигарх» и почему при описании безумно богатых русских применим устоявшийся в науке термин «буржуазия». В своем определении социолог избирает классическую оптику и пишет, что олигархия — власть немногих, что же касается российских олигархов, то это крошечная группа банкиров и других магнатов на вершине слоя богачей, которая появилась в РФ в 90-е гг. Выбор «буржуазии» как рамочного концепта для своего исследования Э. Шимпфессль объясняет прежде всего той целью, которую она поставила в своем исследовании. По ее мнению, переход в РФ от

соперничества индивидов и кланов к более когерентному социальному классу позволяет использовать термин «буржуазия», учитывая еще и то, что это позволяет проводить сравнительный анализ соответствующих классов в России с другими странами.

Рассматривая исторический контекст термина «буржуазия», социолог отмечает, что в России буржуазия никогда не была властвующим экономическим классом, что было связано с неразвитостью капиталистического производства в стране, где до 1917 г. преобладало преимущественно крестьянство. «Тот факт, что на протяжении большей части XX века российской буржуазии как таковой не существовало, в значительной степени объясняет, почему сегодня она не является правящим классом, подобно своим британским или французским аналогам» (с. 46). Олигархи никогда не были наследниками устоявшегося буржуазного класса, заключает социолог, и поэтому так до сих и не прижился в российских исследованиях термин «буржуазия» при изучении и описании элиты.

В этой связи следует отметить, что не только «буржуазия», но и термин «элита» также не получил должного распространения в среде российских ученых, которые изучают представителей высшего слоя. К примеру, анализируя экономическую элиту, исследователи крайне редко используют этот концепт, заменяя его на «бизнес-класс», «высший класс», «плутократия», «бизнес-элита», «нэвориши», «кланы», «деловая элита», «элитные семьи», «богачи». Подобное положение дел в исследовательском поле, возможно, свидетельствует о том, что не только «буржуазия», но и «экономическая элита» в России просто отсутствуют как социальные субъекты. В этой связи возникает другой вопрос о том, каковы вообще социальные основания для выделения этих общностей, которые часто не исключают друг друга. Кажется, что автор рецензируемой книги пытается преодолеть возникающие терминологические путаницы и существующие противоречия, но по факту читатель встретит множественные обозначения главного объекта исследования. При описании «олигархов» в монографии выстраивается целый синонимичный ряд из понятий «элита», «буржуазный класс», «слой состоятельных россиян», «российская элита», «русские богачи», «богатые люди», «бизнес-кланы» и др.

Самой сильной стороной книги, несомненно, является эмпирическая база исследования и научная смелость автора в части поиска ответов на вопрос об основах для легитимного функционирования богатых русских и их идентичностей. Теоретические сюжеты и представление дискуссионных точек по главному предмету исследования носят скорее маргинальный характер. В монографии автор умело выстраивает

диалоги с информантами и далее препарирует собранный биографический материал, раскрывая жизненные нарративы при помощи методических приемов из работ Даниэля Берто. Вскрывая факты из личных историй богатых информантов, автор подсвечивает контрастность и пестроту нитей, из которых соткана каждая биография. Характеризуя социально-демографические характеристики, Э. Шимпфессль подчеркивает высокий уровень образованности элиты (к примеру, более 90% имеют высшее образование, 30% имеют научные степени). Проведенные нами исследования также подтверждают высокий уровень образования у представителей различных сегментов элиты РФ (политической, административной, экономической)⁵, но на фоне высокого уровня образования россиян в целом кажется гораздо важнее тот факт, что почти каждый из опрошенных располагает тесными политическими связями с Кремлем и другими властными структурами. Автор книги подхватывает эту линию рассуждения, подчеркивая специфику изучаемой социальной общности.

Структурно книга состоит из восьми глав, в которых рассматриваются практики, «посредством которых члены российского высшего класса формируют персональную идентичность» (самовосприятие и отношение к «своим» и тем, кто за пределами круга) (с. 55). В первую очередь Э. Шимпфессль показывает, что успех самых богатых русских связан с их умелым использованием социальных активов, гибким перераспределением своих ресурсов. Последующие главы посвящены вопросу о том, что значит быть буржуазией и какие факторы способствуют этому превращению, как идет процесс формирования мировоззренческих установок российских буржуа. И далее социолог представляет читателю достаточно плотное и детальное описание того, как происходит обособление и самозакрытие российской элиты, как эти процессы связаны с семейной историей, филантропией, гендерными отношениями, молодым поколением.

Особый исследовательский интерес представляет то, как выстраивалась коммуникация между исследователем и информантом в период сбора эмпирического материала. Автор монографии пишет о случаях, когда возникали некоторые диспозиции между исследователем и информантами. Если один информант был раздражен медлительностью социолога и в нетерпении ерзал на месте, поправляя пиджак, то охранники другого просто не дали возможности записать интервью на диктофон

⁵ Колесник Н. В. Экономическая элита Крыма после 2014 г. // Социологические исследования. — 2023. — № 9. — С. 41–50. — DOI: 10.31857/S013216250027777-7.

и автору книги пришлось восстанавливать по памяти содержание всей беседы, а буржуазная женщина, как и многие российские женщины, «осмотрела меня с ног до головы» (с. 243)⁶.

В целом в книге воспроизводится неолиберальный нарратив информантов о том, что богатство они заслужили, и они верят в то, что каждый имеет возможность стать богатым. При этом по-прежнему серьезным препятствием для легитимации привилегированного положения богатых русских является замалчивание ими неоднозначного прошлого страны, и эта российская проблема, как подчеркивает социолог, не является уникальной. Также до сих пор существует идеологический вакуум в части примирения нажитого капитала, которым владеют только 0,1% населения РФ, и ряд этических вопросов.

Каким образом данную проблему преодолевают представители экономической элиты в РФ? Игнорируя «гармоничные нарративы постсоветской истории», олигархи утверждают свое право на имеющуюся собственность через конструирование своего особого семейного прошлого. В 90-е гг. прошлого века среди новой постсоветской элиты было достаточно «модным искать в своей родословной привилегированные корни, желательно голубую кровь. Сегодня же фокус переместился на советскую интеллигенцию» (с. 165). В этой связи следует отметить, что проведенные исследования петербургской элиты достаточно отчетливо показывают, что, как правило, элита обладает мощным семейным ресурсом для воспроизводства на закрытых основаниях своей социальной позиции⁷. Потому как в социалистическом обществе, где было декларируемо социальное равенство, так и после распада СССР семейный капитал всегда был и остается надежным и универсальным ресурсом не только в среде богатых и успешных русских.

Изучив семейные истории безумно богатых русских, исследователь справедливо замечает, что эти семейные нарративы находятся все еще в стадии формирования и «фундаментальные ориентиры, определяющие, какой должна быть “идеальная” семейная история, еще не устоялись» (с. 170). Нередко в интервью олигархи и их жены говорили о своих дворянских корнях, принадлежности к дореволюционной элите, что еще раз доказывает, что культурный капитал их семей, который воспроизводился до 1917 г., в советское время превратился в их главную силу. «Старшие члены семьи передавали свои знания и культуру

⁶ Зарубежные элитологи нередко обращают внимание в своих работах на складывающиеся диспозиции между исследователем и объектом исследования.

⁷ Колесник Н. В. Российские элитные семьи: методы изучения и практики функционирования // Петербургская социология сегодня. — 2019. — № 11. — С. 34–47.

следующему поколению, которое пользовалось неизмеримым преимуществом благодаря воспитанию в домашней атмосфере, где поощрялись широкая эрудиция, знание искусства, владение иностранными языками, развитие талантов, правильной речи и хороших манер», что позволяло выходцам из таких семей делать впечатляющие профессиональные карьеры (с. 174). В конце 20-х и начале 30-х гг. Сталин, проведя большие чистки против старой интеллигенции, о которых пишет социолог, действительно сильно ослабил этот социальный слой и подчинил ее новой власти. В 30-е гг. прошлого века генсек партии начал возрождать дореволюционную культуру, и дореволюционные социальные ресурсы послужили формированию идентичности новой советской элиты.

Что же касается периода репрессий в стране, то, как замечает автор монографии, респонденты чаще всего не акцентировали внимание на несправедливости, которую пришлось пережить их репрессированным родственникам (важней было то, что их деды и прадеды занимали в советской системе высокое и значимое положение, чтобы быть репрессированными) (с. 177). Почему такими были оценки периода репрессий у богатых русских? Отчасти, как замечает Э. Шимпфессль, это объясняется тем, что потомки жертв репрессий впоследствии добились жизненного успеха, вернув себе высокий статус в более поздний период. Именно после Второй мировой войны и начинается в СССР расцвет «хорошего общества» (в терминологии Н. Элиаса)⁸, которое было представлено в позднем Советском Союзе номенклатурной элитой и советской интеллигенцией. В заключении главы про истории семей богатых русских социолог пишет, что сейчас безумно богатые русские, превратившись в членов буржуазного класса, заинтересованы в восстановлении буржуазности, основанной на специфическом образе.

Особый интерес в рецензируемой работе представляет глава про мужской мир и то, какое положение в этом мире занимают женщины. Основной тезис, который сформулирован в этой части монографии, состоит в следующем: чем богаче вы становитесь, тем патриархальней делается семейный уклад вашей жизни. Следует обратить внимание, что в целом для большинства россиян идея патриархальности достаточно близка, но данные опросов общественного мнения ВЦИОМ все же показывают, что в сознании россиян за последние пятнадцать лет произошли большие изменения по вопросу гендерного равенства, когда все большее распространение получает консенсусная модель брака,

⁸ Э. Шимпфессль поясняет, что это система централизованных кругов, состоящих из групп, которые занимают привилегированное положение в обществе по меньшей мере на протяжении двух поколений (с. 179).

которая не подразумевает наличие главы семьи (68%). Если в 2008 г. каждый третий россиянин видел главой семьи мужчину, то в 2023 г. только 18% опрошенных выбрали такую модель семьи, и вместо патриархальной предпочтение было отдано консенсусной модели⁹. На этом фоне преобладание патриархальных взглядов в среде богатых русских требует дополнительного изучения и объяснения со стороны исследователей. Австрийский социолог констатирует данный факт на основе полученных эмпирических данных, но приводит крайне мало пояснений специфики их взглядов и ценностей.

При этом уже в главе про «буржуазных» женщин мы видим, что наряду с патриархальными взглядами существуют и иные точки зрения, согласно которым женщины имеют право на труд и должны самореализовываться. Так, сын олигарха, которому 31 год, отметил, что женщины «должны чувствовать себя полноправными членами общества» (с. 241). Более того, изучив биографии женщин, которые успешно управляют своими компаниями, социолог замечает, что некоторые влиятельные женщины частично поменялись традиционными гендерными ролями со своими мужьями. Жизненный сценарий жен олигархов нередко связан с тем, что они ведут успешный бизнес и тем самым реализуются, но отношение супругов к ведению бизнеса женщинами чаще всего противоречивое.

Исследования последних лет отчетливо показывают, что, несмотря на то что олигархи как явление существуют несколько десятилетий, лишь недавно началось обсуждение вопросов о наследниках и наследовании крупных капиталов в РФ. Именно поэтому ряд исследовательских проектов, выполненных, например, в Сколково, были посвящены вопросам крупного капитала, преемственности, инвестиционным предпочтениям российских владельцев капиталов¹⁰. В 2018 г. исследователи из Центра управления благосостоянием и филантропии Московской школы управления Сколково реализовали проект, в рамках которого провели опрос среди представителей второго поколения российских владельцев капиталов¹¹. Как пишут авторы проекта, основное богатство находится

⁹ URL: <https://wciom.ru/expertise/semeynyi-konsensus-kak-strojat-zhizn-sovremennyye-suprugi> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁰ «Исследование владельцев капиталов России» (МШУ СКОЛКОВО, 2015), «Семейные офисы в России: мифы и факты» (МШУ СКОЛКОВО, 2016), «Инвестиционные предпочтения российских владельцев капитала» (МШУ СКОЛКОВО, 2017).

¹¹ Более подробно: <https://www.skolkovo.ru/researches/vtoroe-pokolenie-rossijskih-vladelcev-kapitala-nedostatok-informacii-i-opaseniya-za-svoyo-budushee/> (дата обращения: 20.10.2024).

в руках первого поколения предпринимателей, владельцев капиталов, и успех передачи частного благосостояния следующему поколению представляет интерес не только для тех, кто обслуживает эти активы, но и для всей экономики в целом. Более того, Россия — практически единственная страна в мире (за исключением некоторых стран бывшего СССР), где не было прецедентов передачи крупных состояний по наследству в течение практически ста лет.

В монографии о безумно богатых русских вопросу наследования больших капиталов также посвящен отдельный раздел, который называется «Воспитание наследников». Если старшее поколение социолог называет стяжателями богатства, то младшее — наследниками богатства, которым действительно предстоит найти новые формы легитимации своего права быть богатыми. Следует отметить, что вопрос о том, как воспитать наследников «хорошими людьми», актуален не только для российских олигархов. Э. Шимпфессль, ссылаясь на исследования Р. Шерман, М. Сэвиджа о происхождении социального класса богатых в Нью-Йорке, замечает, что наследники должны научиться вести себя так, чтобы не компрометировать легитимность своего высокого статуса и сохранить моральное право на привилегии. Но трудно не согласиться с выводом, который делает социолог о том, что по-прежнему сложно для богатых россиян совместить две задачи: передать большие материальные блага и привить им желательный культурный капитал. Поэтому только треть из опрошенных богатых русских планируют то, что они передадут свои капиталы наследникам; есть те, кто публично объявил о завещании своего состояния различным фондам (всего состояния или по частям, к примеру М. Фридман, А. Светаков).

В целом монография закрывает существующую лакуну в части исследования самых богатых русских, которые представляют важный сегмент экономической элиты российского общества. Благодаря использованию качественной методологии Элизабет Шимпфессль удалось приподнять завесу тайны над одной из самых противоречивых и мифологизированных социальных общностей, которая, владея огромными ресурсами, в последние десятилетия демонстрирует типичные практики элиты по социальному закрытию своей общности, в том числе и посредством культурного потребления. В монографии показано, что в российском обществе произошел процесс трансформации богатых русских в новую буржуазию, но все же остаются открытыми вопросы о том, насколько эти изменения устойчивы в условиях периодически возникающих спорах о легитимности происхождения элиты и ее капиталов, действительно ли сегодня в российском обществе каждый сможет

преуспеть и достигнуть уровня богатства «безумно богатых русских». Несмотря на то что олигархи представляют традиционный объект исследования в европейской и американской науке, исследования более тонкого понимания контекста происходящего, вовлечение в научный оборот трудов российских исследователей, работающих в традициях качественной методологии в этой области, видится в дальнейшем вполне перспективным.

Сведения об авторе

Колесник Наталья Владимировна,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;
доцент, департамент социологии Санкт-Петербургской школы
социальных наук, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия.
n.kolesnik@socinst.ru

Статья поступила в редакцию: 29.08.2024;

поступила после рецензирования и доработки: 30.09.2024;

принята к публикации: 30.09.2024.

NATALYA V. KOLESNIK

*Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation*

**HOW TO STUDY THE ECONOMIC ELITE,
OR WHAT THE INSANELY RICH RUSSIANS
THINK ABOUT THEMSELVES**

Book Review:

**Schimpfössl E. Rich Russians. From Oligarchs to Bourgeoisie.
Moscow: Individuum, 2022, 352 p.**

Abstract. The paper presents a review of the book by the famous Austrian sociologist Elizabeth Schimpfössl “Rich Russians. From Oligarchs to Bourgeoisie”, which was translated into Russian in 2022. Using a lot of empirical material, the author of the monograph attempts to answer the main question: what the oligarchs think about themselves? The sociologist draws attention to the state of the research field in

Russia in terms of studying the Russian elite and provides the reader with a detailed description of how the formation and isolation of the Russian elite takes place, how these processes are related to family history, philanthropy, gender relations, and the younger generation.

Keywords: oligarchs, rich Russians, elite, family, heirs, interviews, philanthropy, charity.

For citation: Kolesnik N. V. How to study the economic elite or what the insanely rich Russians think about themselves. Book Review: Schimpfössl E. Rich Russians. From Oligarchs to Bourgeoisie. Moscow: Individuum, 2022, 352 p. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 135–146. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.ex31-pp04; EDN: VOLBZJ

Information about the author

Kolesnik, Natalya V., PhD in Sociology, Senior Research, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, department of sociology, National Research University “Higher School of Economics”, St. Petersburg, Russian Federation.
n.kolesnik@socinst.ru

Received: 29.08.2024;
revised after review: 30.09.2024;
accepted for publication: 30.09.2024.

УДК 316.346.2
DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.5tv8-dm66
EDN: QUOXJE

СОФИЯ ЭДУАРДОВНА ШВЕЦОВА

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Lockman D. All the Rage:
Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership.
Moscow: Yest' smysl, 2022, 320 p.**

Ссылка для цитирования: Швецова С. Э. Рецензия на книгу: Lockman D. All the Rage: Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership. Moscow: Yest' smysl, 2022, 320 p. // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 147–151. — DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.5tv8-dm66; EDN: QUOXJE

Исследование Дарси Локман открывает сложные взаимосвязи, существующие между гендерной динамикой, культурными ожиданиями и эмоциональной честностью. Она посвящена тому, как женщины справляются со своим гневом и часто подавляют его.

Локман начинает свое исследование с того, что обращает внимание на широко распространенную социальную норму, которая не поощряет женский гнев. Она умело патологизирует нормальную эмоциональную реакцию, используя исторический контекст, чтобы связать это явление с викторианскими идеями, которые ассоциировали женский гнев с истерией и безумием. Этот исторический контекст подготавливает читателя к анализу Локман современной гендерной динамики, который показывает, что женщины по-прежнему сталкиваются со стигматизацией и негативными последствиями, когда публично выражают свой гнев. Локман признает меняющийся характер половых ролей и ожиданий в том, как она излагает свое дело. Несмотря на достигнутый прогресс в ряде областей, таких как политика и сфера занятости, в достижении полового равенства одним из основных препятствий, которое по-прежнему стоит на пути к полной эмоциональной свободе женщин, является сдерживание их гнева. По словам Локман, женщины, которые подавляют

свой гнев, имеют серьезные последствия не только для себя, но и для общества в целом.

Идея композиции Локман объединить эмпирические данные с личными историями подчеркивает, насколько глубоко личной является тема. Локман делает беседу более гуманной, объединяя свой личный опыт с опытом других женщин, подчеркивая трудности, с которыми сталкиваются все женщины, пытаясь соответствовать общественным стандартам женственности. Она ссылается на исследования, показывающие неравенство наказаний, которым подвергаются женщины за выражение гнева по сравнению с мужчинами, и подчеркивает глубоко укоренившиеся предрассудки, которые поддерживают культурные представления об эмоциональности женщин. Локман использует исследования из области социальной психологии, чтобы продемонстрировать, что люди склонны воспринимать разгневанных женщин иначе, чем разгневанных мужчин. Это утверждение подтверждается анализом, проведенным в 2007 г. Лори Рудман и Джулией Фелан, который показывает, что женщины, которые бросают вызов половым нормам, проявляя напористость или гнев, имеют негативные социальные последствия и теряют привлекательность.

Своей книгой «Право на гнев» Локман способствует размышлениям и дискуссиям. Она призывает читателей пересмотреть представления о гендерном выражении эмоций и предлагает более всеобъемлющий и сострадательный подход к пониманию переживаний женщин, освещая социальные структуры, которые подавляют гнев женщин.

Остановимся более подробно на идеях Локман, рассмотрев ее основные положения, подтверждающие их данные и значение ее работы для текущих дискуссий в области половых исследований, психологии и других областях. Мы можем получить важное представление о сложных взаимосвязях между полом, эмоциями и общественными нормами, критически проанализировав «Право на гнев», что в конечном итоге поможет нам понять жизненный опыт женщин на более тонком уровне.

В книге подчеркивается, что основная проблема, от которой страдает современное общество, — подавление гнева женщин, а не поощрение. Когда женщина проявляет гнев, ее часто характеризуют как агрессивную, резкую или чрезмерно эмоциональную, что сильно отличается от того, как к мужчинам, проявляющим аналогичное поведение, относятся с большей терпимостью. В результате женщин наказывают за самоутверждение, хотя от них этого и ожидают. Локман использует как эмпирические данные, так и личные истории, чтобы подчеркнуть негативные последствия этой половой динамики. Эти истории показывают

психологическую цену контроля над своим гневом, показывают, как женщины часто усваивают свои раздражения и ставят под угрозу свою эмоциональную целостность, чтобы вписаться в общество.

Автор книги утверждает, что женщины, которые подавляют свой гнев, чаще испытывают стресс, тревогу и эмоциональную дезориентацию. Подобное хроническое подавление может привести к долгосрочным последствиям для психологического и физического здоровья, от повышенного риска сердечных заболеваний до ослабления психического здоровья. Более того, социальная стигматизация, связанная с женским гневом, увековечивает более широкое неравенство во власти. По словам Локман, эмоциональное подавление женщин поддерживает систему, в которой голоса и чувства мужчин ценятся, в то время как голоса и чувства женщин игнорируются или сводятся к минимуму. Это не только подрывает самостоятельность и чувство собственного достоинства отдельных женщин, но и поддерживает гендерное неравенство на структурном уровне.

Локман исследует взаимосвязанные аспекты женского гнева, признавая, что подавление гнева принимает различные формы для разных социальных групп. Она рассказывает о том, как пол пересекается с сексуальностью, расой и классом, чтобы повлиять на переживание гнева женщинами, опираясь на теорию взаимопроникновения, разработанную Кимберли Креншоу. Например, предрассудки в отношении цветных женщин могут усугубляться и еще больше искажать восприятие людьми своего гнева, оставляя их открытыми для дискриминации как по расовому, так и по половому признаку. В результате это еще больше искажает восприятие их гнева и делает их более уязвимыми и маргинализированными.

Анализ Локман затрагивает текущие исследования гендерных ожиданий на рабочем месте и эмоционального труда. Она рассматривает способы, с помощью которых женщинам часто приходится выполнять эмоциональную работу, например сохранять гармонию и контролировать эмоции других, а также преодолевать ограничения на собственное эмоциональное выражение.

Объединив несколько направлений исследований, Локман представляет всеобъемлющую картину многогранных факторов, влияющих на переживание женщинами чувства гнева. Ее интерес к современным исследованиям подчеркивает, насколько важно развеять устоявшиеся мифы и способствовать большей эмоциональной достоверности и свободе воли женщин. Таким образом, «Право на гнев» является примечательным дополнением к текущим академическим дискуссиям

в области социологии, гендерных исследований, психологии и других областях. Сочетая академические исследования с острым анализом человеческих историй, Локман подвергает сомнению общепринятую мудрость и призывает к пересмотру социальных норм, связанных с женской яростью.

Локман также вносит свой вклад в научную дискуссию об эмоциональном опыте женщин, ссылаясь на недавние психологические исследования, посвященные эмоциональному труду и отношениям на рабочем месте. Гендерные нормы поддерживают различия в эмоциональной автономии и благополучии, что подчеркивается Локман при рассмотрении того, как женщины непропорционально часто вынуждены выполнять эмоциональную работу в профессиональном контексте. Кроме того, поддержка Локман идеи обоснования женского гнева и эмоциональной честности способствует более широкому обсуждению вопросов психического здоровья и социального прогресса. Призыв Локман к действию соответствует более масштабным движениям, поддерживающим социальные изменения, способствующие росту сострадания, эмпатии и равенству полов.

Учитывая все отмеченные стороны книги, можно безоговорочно заключить, что «Право на гнев» расширяет возможности дисциплинарных дискуссий, объединяя мнения людей с эмпирическими данными и концептуальными основами. Сложный анализ Локман выходит за рамки дисциплинарных границ и открывает новые перспективы в эмоциональных тонкостях жизни женщин. Работа Локман вдохновляет как ученых, так и активистов по преодолению глубоко укоренившихся предрассудков и созданию более справедливого и инклюзивного общества, поскольку она уделяет приоритетное внимание опыту женщин и выступает за социальные изменения.

Сведения об авторе

Швецова София Эдуардовна,

департамент социологии Санкт-Петербургской школы социальных наук,
Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербург, Россия.

sofiashvecova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.05.2024;
принята к публикации: 30.09.2024.

SOFIA E. SHVETSOVA

*National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation*

BOOK REVIEW:

**Lockman D. All the Rage:
Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership.
Moscow: Yest' smysl, 2022, 320 p.**

For citation: Shvetsova S. E. Book Review: Lockman D. All the Rage: Mothers, Fathers, and the Myth of Equal Partnership. Moscow: Yest' smysl, 2022, 320 p. *St. Petersburg Sociology Today*. 2024. No. 25. P. 147–151. DOI: 10.25990/socinstras.pss-25.5tv8-dm66; EDN: QUOXJE

Information about the author

Shvetsova, Sofia E.,

Department of Sociology, Saint-Petersburg School of Social Sciences,
National Research University Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russian Federation.
sofiashvecova@gmail.com

Received: 15.05.2024;
accepted for publication: 30.09.2024.

Научное издание

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ СЕГОДНЯ
2024
Выпуск 25

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 — 55387 от 17.09.2013

У ч р е д и т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: *И. И. Елисеева*

Научные редакторы: *С. И. Бояркина, К. С. Дивисенко, Н. В. Колесник*

Журнал «Петербургская социология сегодня» включен в базу РИНЦ
Права на материалы, опубликованные «Петербургской социологией сегодня»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации
на официальном сайте журнала: <https://petersociology.ru/ru/about>
на сайте издателя: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=3067
на сайте РИНЦ: https://www.elibrary.ru/title_about_new.asp?id=33540

И з д а т е л ь:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Телефон издателя: 8 499 125-00-79. Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>
Адрес редакции: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Телефон редакции: 8 812 316-24-96. Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru

Технический редактор *А. Б. Левкина*. Корректор *А. А. Нотик*. Оригинал-макет *С. В. Красильнюк*. Подписано в печать 27.11.2024. Формат 60×84^{1/16}. Печать цифровая. Усл. печ. л. 8,9. Тираж 300 экз. Заказ № 252. Свободная цена. Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме», 192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40. Тел. (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru. www.renomespb.ru